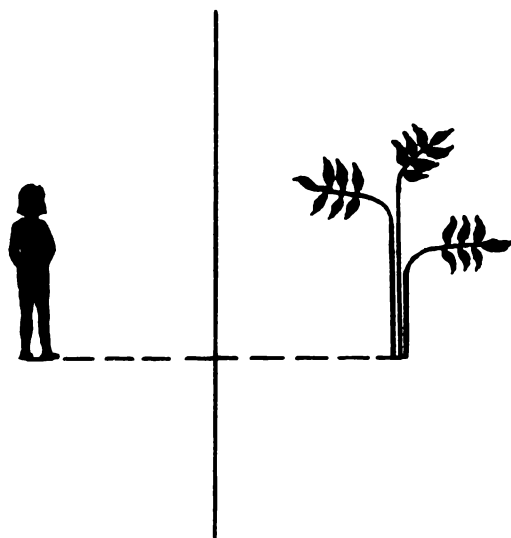

М.Э.РУТ

ОБРАЗНАЯ НОМИНАЦИЯ в русском ЯЗЫКЕ

М.Э.Рут

Образная номинация в русском языке

**Екатеринбург
Издательство Уральского университета
1992**

ББК Ш 141.12—3

Р 90

Рецензенты:

доктор филологических наук, проф. Л.А.Шкатова;
кафедра русского языка
Екатеринбургского государственного педагогического института

Научный редактор

член-корреспондент Российской Академии наук А.К.Матвеев

Редактор С.Г.Галинова

Рут М.Э.

Р 90 Образная номинация в русском языке. — Екатеринбург:
Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 148 с.
ISBN 5—7525—0223—3

Монография посвящена проблемам формирования и функционирования образных номинативных единиц. Опираясь на обширный ономастический материал (астрономы, антропимы и топонимы русского Севера), а также используя данные ономастических экспериментов и записи живой разговорной речи, автор разрабатывает положение об образной номинации как особом типе номинаций, исследует возможности использования образных номинативных единиц в качестве источника реконструкции народной модели мира, обосновывает специфику бытования образных единиц в узусе, дает классификацию и прослеживает динамику развития образных моделей в севернорусской ономастике.

Для филологов-языковедов, преподавателей русского языка.

Р 4602000000 — 35
183 (02) — 92

ББК Ш 141.12—3

ISBN 5—7525—0223—3

© М.Э.Рут, 1992

Предисловие

Языковая номинация, которую можно «грубо определить как создание значимых языковых единиц (слов, форм, предложений)» [Языковая номинация, I, 3], — один из тех процессов, который в конечном счете вбирает в себя все разнообразие и всю глубину проблем взаимоотношения языка и действительности, языка и мышления, языка и мира человеческих эмоций. Такая «всеохватность» неминуемо влечет за собой дробление глобальной проблемы на более частные, специфически направленные. В современной отечественной лингвистике вполне определились два аспекта изучения номинативного процесса: первый предполагает интерес к номинации как «конкретному соотносению с данным референтом» [Ахманова, 1966, 270], второй концентрирует внимание на создании новых наименований, т.е. «материализации, закреплении в звуковой оболочке идеального содержания, типичного для идеального содержания лексических единиц» [Торопцев, 1970, 3]. И хотя оба аспекта — лишь два разносфокусированных взгляда на единый «процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка» [Языковая номинация, I, 3], каждый из них диктует свой угол зрения на возможности взаимодействия языка и номинируемой реальности: в первом случае язык предстает как гибкий, но структурно и материально определенный инструмент, осваивающий текучую, динамичную действительность; во втором случае язык — пластичный материал, из которого лепится, творится новый факт номинативного языкового богатства — имя выделенного из потока, временно застывшего в своей определенности вновь познанного фрагмента действительности. Первый процесс непрерывен, он реализуется практически в каждом речевом высказывании, второй — лишь всплески в русле первого, возникающие в особых имятворческих ситуациях. Для первого процесса насущной задачей оказывается выбор необходимых языковых единиц из существующего арсенала для передачи новой информации, второй же проявляется, когда арсенал нуждается в пополнении, — и возникает новое имя.

Противопоставленность двух аспектов подчеркивает И.С.Торопцев, предлагая определение «лексическая объективация» для обозначения словопроизводственного процесса [Торопцев, 1980, 6], однако для большинства исследователей характерно широкое понимание термина «номинация» [подробно об этом см.: Габинская, 1986, 3—11]. В данной работе указанный термин также используется традиционно широко.

Изучение номинативного процесса в любом из отмеченных аспектов неизбежно затрагивает явление семантической деривации, поскольку «употребление готовой номинативной единицы в новой для нее семантической функции» [Журавлев, 1982, 54] в зависимости от ситуации может быть оценено и как выбор имени, и как его создание. В первом случае значима происходящая в слове трансформация смысла, во втором важны мотивы изменившейся предметной соотношенности, т.е. на передний план выступает собственно ономастиологический аспект. Новые лексические единицы — продукты семантической деривации — весьма частотны в языке, особенно в терминологии, номенклатуре и ономастике, однако до сих пор процесс семантической деривации отдан в полное распоряжение лексикологов, а в ономастиологических работах обычно содержится лишь упоминание о метафоре и метонимии как способах номинации. Между тем именно последние широко (и при этом нередко весьма неэффективно) используются в практике именования населенных пунктов, фирменных изделий, уникальных артефактов, племенного скота и других домашних животных, сортов культивируемых растений и т.п. Незнание законов метафорической номинации и опыта народа в создании образных имен влечет за собой обилие малоинформативных, темных по мотивировке, монотонно повторяющихся названий. Необходима детальная разработка общей модели образной номинации, опирающаяся на изучение существующих в языке частных конкретных моделей именования. Решение этой задачи стало одной из главных целей настоящей монографии.

Каждая новая номинативная единица — это частица информации о номинаторе. Образное имя — носитель наиболее богатого конкретного знания такого рода. Система образных номинаций — зеркало конкретно-чувственных представлений субъекта о мире. Если субъектом номинации является народ, то систематизация номинативных образов позволит увидеть основные черты народной картины мира. Реконструкция представлений об окружающей действительности и месте человека в ней, отразившихся в совокупности образных названий, стала еще одной задачей исследования.

Вошедшие в узус номинации претерпевают самые различные воздействия, модифицирующие их внутреннюю и внешнюю форму. Специфика восприятия, характер трансформаций образного имени в речи, динамика образных моделей также вошли в предмет изучения.

Указанные задачи определили структуру работы. Первый раздел посвящен разработке общей модели образной номинации как особого типа именования. Во втором разделе предпринята попытка описания системы образных номинативных моделей для определенной языковой общности. Наконец, третий раздел включает наблюдения за бытованием образных имен в речи, за модификациями образных моделей как общего характера, так и частного.

В поисках материала естественным показалось обращение к такому региону, как русский Север, где хорошо сохранились традиции русского

быта. Не случайно также обращение к именам собственным как к идеальному источнику изучения собственно номинативного исходного мотивирующего смысла, не затемненному дальнейшей речевой семантической разработкой [ср.: Арутюнова, 1977, 190]. В имени собственном языковые процессы запечатлеваются в рамках строгого подчинения задачам соотнесения нового знания о действительности и языковых средств его воплощения. Поэтому имена собственные при изучении номинативного процесса могут выполнять ту же роль, что идеальная жидкость при изучении процессов гидродинамики. К тому же именно в ономастике особенно ощутима потребность в использовании достижений теории номинации на практике: поток новых имен здесь силен, и большинство из них вводятся в узус без апробации. Отсюда необходимость тщательного изучения традиционных номинативных моделей в ономастике для дальнейшего внедрения их в сферу искусственной номинации.

Исходя из указанных посылок в качестве основного материала исследования взяты данные картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета, вобравшей в себя основной корпус топонимии, прозвищной антропонимии и астронимии русского Севера (Архангельская и Вологодская области). Обращение к полевым записям севернорусской ономастики позволило не только выявить набор номинативных образных моделей, но и определить отношение информантов — носителей языка к образным онома, точно установить объектные мотивировки названий, проследить становление вновь создаваемых номинативных единиц. Вместе с тем исследуемый материал в основной своей массе представляет собой давно сложившиеся в определенных языковых микроколлективах системы именований, передаваемые из поколения в поколение. Для проверки и уточнения выводов о закономерностях разворачивания номинативного процесса привлекались записи живой речи сельских жителей, разговорной речи горожан, а также данные ономастических экспериментов, в ходе которых испытуемым предлагалось дать собственные именованья тем или иным предметам в условиях искусственно смоделированной номинативной ситуации. Идея эксперимента такого рода подсказана работами Н.Д.Голева [1974б] и Т.А.Гридиной [1977], методика разработана совместно с Т.Вебер, Т.Ком, О.Нагибиной, Л.Насоновой, Т.Непряхиной, Г.Южаковой.

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить научного редактора и рецензентов за их участие в работе и выражает глубокую признательность членам студенческой проблемной группы: Е.Березович, Т.Васюковой, Т.Ветлужских, С.Воробьевой, Г.Воронковой, С.Ереминой, И.Калякиной, Н.Пестеревой, Л.Поповой, И.Просвириной, О.Смирнову, О.Чуваковой и другим — первым читателям, строгим критикам и соавторам этой книги.

РАЗДЕЛ I. ОБРАЗНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ТИП НОМИНАЦИИ (ОБЩАЯ МОДЕЛЬ)

Основными задачами этого вводного раздела являются: выявление места образной номинации среди других типов номинации, анализ ее истоков и характеристика специфики основных компонентов ее общей ономаσιологической модели.

Глава I. К вопросу об ономаσιологической типологии номинаций

Вопрос типологии номинаций оказывается в центре внимания многих исследователей [ср.: Арутюнова, 1977; Гак, 1977; Голев, 1974а,б, 1980; Голомидова, 1987; Девкин, 1971; Евтушевский, 1987; Копочева, 1985; Матвеев, 1974; Мигирова, 1980; Молчанова, 1981; Муминов, 1978а; Попов, 1977; Сетаров, 1988; Телия, 1977; Федорова, 1979; Шаховский, 1980, 1981; и др.]. Наиболее детальную и многостороннюю разработку типология номинаций получила у В.Г.Гака. В сокращенном изложении она выглядит следующим образом:

I. Иерархия номинаций: первичные (исходные, прямые) — вторичные (производные, косвенные).

II. Функция номинаций: языковые — речевые.

III. Именуемый объект (номинат): элементные — событийные (ситуативные).

IV. Структура (внешняя форма) наименований: конденсированные — развернутые.

V. Способ наименования: а) по связанности/обособленности обозначения: расчлененные — нерасчлененные, самостоятельные — несамостоятельные, непосредственные — опосредованные; б) по внутренней форме: обобщенные — индивидуализированные, квалификативные (по собственному признаку) — релятивные (по относительному признаку); в) по связи структуры номинации с обозначаемым номинатом: немотивированные — мотивированные (в том числе мотивированные полностью или частично, прямо или косвенно, а также сильно или слабо информативно мотивированные).

VI. Субъект речи и адресат: а) социальный аспект: общеупотребительная — социально отмеченная; б) информативный аспект: номинация «от себя» — номинация с точки зрения собеседника или других лиц;

в) субъективное отношение субъекта к объекту: объективные — оценочные (в том числе рационально- и эмоционально-оценочные).

VII. Соотношение номинации с другими в парадигматическом аспекте: а) на уровне сигнификатов: равнообъемные, разнообъемные, соподчиненные, антонимические и переносные; б) на уровне денотатов: разноаспектные квалификативные и разноаспектные релятивные.

VIII. Соотношение номинации с другими в синтагматическом аспекте: автономные и неавтономные. Неавтономные в свою очередь делятся на повторные (идентичные — вариативные, однофокусные — разнофокусные, дистантные — сопряженные и пр.) и синтагматически обусловленные номинации [Гак, 1977, 242—292].

Как можно заметить, данная классификация ориентирована прежде всего на статический аспект номинативного означения действительности: не случайно центральным моментом классификации оказывается противопоставление прямых и косвенных номинаций, предполагающее именно выбор готовых номинативных единиц — вся дальнейшая разработка практически разворачивается как классификация косвенных номинаций. Пафос данной «типологии типологий» вполне отвечает общей направленности в трактовке теории номинации, предложенной в коллективной монографии «Языковая номинация» (I,II): проблемы так называемой косвенной номинации занимают здесь главенствующее положение [ср.: Языковая номинация, I — гл.1,2,4; Языковая номинация, II — все главы, кроме гл.1].

Отметим, однако, что термины «первичная — вторичная», «прямая — косвенная номинация» имеют несоднозначное употребление в ономаσιологической литературе. Если для В.Г.Гака термины «вторичная» и «косвенная номинация» равнозначны и обозначают ситуацию, когда «одна и та же форма может приспособливаться для обозначения иных объектов [а не того, для обозначения которого она была создана. — М.Р.]... в то время как, с другой стороны, данный объект может получить иное наименование» [Гак, 1977, 243], то для Э.С.Азнауровой, Е.С.Кубряковой, В.Н.Телии, А.А.Уфимцевой вторичная номинация подразделяется на непрямую и косвенную, причем их противостояние, очевидно, может быть выражено в терминах «номинация автономная вторичная» (непрямая) и «неавтономная синтагматически обусловленная» (косвенная) согласно типологии В.Г.Гака [ср.: Гак, 1977, 286, 292; Телия, 1977, 129 и след.; Уфимцева и др., 1977, 73 и след.]. Данное несовпадение носит характер уточнения, развития принятой В.Г.Гакom классификации. Вместе с тем существует и принципиально отличное понимание терминов «первичная» и «вторичная» номинация. Так, А.Ф.Журавлев, характеризуя предшествующую трактовку как семасиологическую, предлагает интерпретацию понятий первичной и вторичной номинации, имеющую ономаσιологическую направленность: «Под первичной номинацией понимается акт присвоения имени предмету, еще не имеющему своего языкового обозначения и только ждущему его.

Вторичная же номинация есть название новым именем предмета, уже названного» [Жураев, 1982, 50]. Такое понимание терминов действительно ставит вопрос о типологии номинации как процесса словопроизводства, однако приходится признать, что область применения подобного типологического разграничения оказывается весьма ограниченной: номинация может быть квалифицирована как вторичная лишь в тех случаях, когда она: а, производна от первичной (например, при стяжении раздельнооформленных номинаций: *неотложная помощь* → *неотложка*, *высшее учебное заведение* → *вуз*; б) носит ярко выраженный оценочный или экспрессивный характер (ср. окказиональные номинации телефона — *болтальник*, *аллешиик*); в) возникла целенаправленно как замена первичной (ситуация переименования, языкового табу и пр.). Во всех остальных случаях такие парадигматические (по терминологии В.Г. Гака — Гак, 1977, 282) номинации иерархической детерминации не поддаются и определение первичности — вторичности возможно лишь в результате кропотливого исторического исследования, далеко не всегда результативного. В рамках номинации-выбора противопоставление первичной и вторичной номинации актуально в синтагматическом плане как противопоставление первого обозначения предмета или лица и его повторных номинаций [Гак, 1977, 286—287].

Таким образом, противопоставление первичная — вторичная номинация может интерпретироваться как:

- созданная специально/приспособленная;
- первое название не названного ранее предмета/повторное название (в парадигматическом и синтагматическом аспектах).

Новый оттенок второму противопоставлению придает дихотомия, предложенная О.А. Габинской, согласно которой первичной признается номинация, реализующая образование нового слова, а вторичной — любая последующая [Габинская, 1986, 11]. В то же время автор предлагает разграничение номинации I («при помощи слова, закрепленного в общем языке традицией употребления») и номинации II («при помощи слова, образованного в результате словопроизводственного процесса, но еще не ставшего достоянием всего языкового коллектива») [Габинская, 1986, 12], в котором, с поправкой на допустимую окказиональность номинации II, опущается возвращение к антитезе: созданная специально/приспособленная.

Такое «кружение» терминов имеет, на наш взгляд, в качестве центра вращения проблему противопоставления номинации-словопроизводства и номинации-выбора, из которых первая воплощает действительность в языковых формах, вторая демонстрирует лексическое богатство и семантическую гибкость лексических единиц. Первая, по справедливому утверждению О.А. Габинской, «относится к явлениям ономастического порядка, в то время как вторичная номинация представляет собою явление лексического плана» [Габинская, 1986, 11; ср. также: Языковая номинация I, 19].

В рамках рассматриваемого противопоставления требуют уточнения два момента: во-первых, всегда ли словопроизводственный процесс завершается созданием новой номинативной единицы; во-вторых, всегда ли факт употребления готовой лексической единицы в номинативной функции есть акт номинации-выбора? С нашей точки зрения, ответ на оба вопроса должен быть отрицательным, поскольку критерием новизны является не небывалое соединение материальных элементов языковой системы, а специфика выраженной в языковой форме классифицирующей информации о действительности.

В этом отношении продуктивны предпринимаемые исследователями разграничения синтаксической и лексической деривации [Курилович, 1962, 61 и след.; Апресян, 1974, 164 и след.], а также идентифицирующих и предикатных имен [Арутюнова, 1975 и др.]. Используя предложенные учеными термины, можно говорить о создании новой номинативной единицы как идентифицирующего имени и о вторичности номинаций, осуществленных средствами синтаксической деривации. Так, вновь созданная лексическая единица *дрожалочка* «та, которая дрожит (или дрожала)» не может быть признана новой номинативной единицей, поскольку называется здесь лишь то, что уже было названо глаголом *дрожать* (ср.: *она дрожит — она дрожалочка*), однако при наличии высказываний типа *Что-то Дрожалочка не идет* или *Самое худшее — дрожалочки: сперва зубрят, потом со страху все забудут* можно говорить о появлении новых номинативных единиц, первая из которых является идентифицирующим именем конкретного лица, а вторая — определенного класса объектов. Аналогично в высказывании *Он сущий теленок* предикатное имя *теленка* вторично по отношению к номинациям *Он доверчив*, *Он подобен теленку по доверчивости*, но вполне вероятно появление новой номинации *Теленок* в качестве личного прозвища конкретного человека, отличающегося излишней доверчивостью, или нового обозначения класса объектов, ср.: *Покупатели бывают всякие. Бывают народные контролеры, бывают телята... Телят не люблю — совесть потом замучает*. В этой связи хочется возразить авторам монографии «Языковая номинация», отрицающим возможность появления высказываний типа *Терпеть не могу бревен (тупиц)* [см.: Языковая номинация, I, 83]. Представляется, что подобные употребления — свидетельства возникновения новых номинативных единиц с диффузным идентифицирующим значением, не равным значению предикатного имени. Естественно, такие номинации окказиональны, поэтому ощущаются как непривычные в рамках общезыкового узуса, однако отказывать им в праве на существование нет оснований. Новая номинативная единица, какой бы она ни была по своему происхождению, входит в языковую систему как ее элемент не без некоторого усилия и не может не ощущаться как инородное тело. Поэтому первая актуализация новой виртуальной единицы требует, как правило (а для имен собственных — всегда), более или менее полной формулировки

номинаруемого содержания, которая реализуется либо как развернутая дескрипция, либо как указание на номинаруемый объект или типичного представителя класса объектов, либо как определение места данной номинации в системе уже существующих, ср.:

— *Корнет пришел? — Какой корнет? — Сашка Оболенский. Мы его теперь так называем.*

— *Это, знаешь, такая особа... Я таких женщин кенгуриллами называю: сама здоровая, сильная, и жуткий напор, и сумка хозяйственная — как часть организма, и запросов, скажем так, духовных — ноль.*

— *Вот и первый голубь показался. Ишь, еле идет. — Идет? Не летит? — А вон, гляди, про каких голубей говорю. -- Это старичок-то у контейнера? — Ну! Вон и второй поспешает. Их тут много, таких-то.*

Подобные вводные комментарии, как демонстрируют примеры, могут содержать в себе элементы мотиваций новых номинативных единиц, однако это не главная задача: основной пафос контекста именно в раскрытии семантики. Поведение говорящего здесь аналогично построению речевого высказывания при введении незнакомого для окружающих слова, например, заимствования, ср.:

— *У нее, наверное, аллергия. — Ой, какие ты слова-то употребляешь иностранные! Это по-русски-то что? — Это то, что вот у этой обжоры от лимончиков было.*

Очевидно, потребность в особых приемах введения новых номинативных единиц в систему можно рассматривать как свидетельство их независимости от коммуникативного высказывания и, в частности, отсутствия при этом «формирования наименований в определенном их взаимодействии», т.е. номинативного контекста (такое понятие для детерминации характерных проявлений косвенной номинации предлагают авторы коллективной монографии «Языковая номинация» [1, 81 и след.]). Эта независимость — главный показатель новых номинативных единиц, возникших в результате семантической деривации, отличающий их от актуализации традиционных номинаций. Ср. приведенную выше номинацию *голубь* со следующим отрывком из романа И.А.Гончарова «Обломов»: *Ты кроток, честен, Илья; ты нежен... голубь; ты прячешь голову под крыло — и ничего не хочешь больше; ты готов всю жизнь проворковать под кровлей...* Здесь речевое высказывание разворачивается как номинативный контекст, постепенно «подгоняющий» все более и более плотно номинацию *голубь* к человеку за счет актуализации все новых сем, дающих основание для отождествления. Попутно возникает ряд синтагматически связанных номинаций укреплющих обоснованность предикации «подобный голубю» (ср. *прячешь голову под крыло, проворковать*). Контекст в данном случае «работает» на раскрытие возможностей подобного использования традиционной номинации. При возникновении же новой номинативной единицы *голубь* прежние семантические связи отторгаются (*идет*, а не *летит*), контекст «аккомпанирует» новому значению, а не трансформирует старое. Ср.сше.:

— *Давай девчонку пошлем. Она у нас уж какая быстрая — молния!*
— *Мне двух молний нужно. Одна чтобы до Анны Павловны добежала, а вторая с этой вот бумажкой до конторы. Может, Татьяну пошлешь?*
— *Татьяну сам проси. Я — не Илья Пророк, всеми молниями не командую.*

Здесь лексическая единица *молния* употреблена трижды: в первой реплике — как предикатная номинация, во второй — как новая самостоятельная номинативная единица, соотношенная с выделенным в сознании говорящего классом объектов — «тот (те), кто может сейчас же и быстро выполнить обязанности посыльного». Здесь же манифестирована потенциальная возможность актуализации вновь созданной номинации для обозначения конкретных представителей класса (девочки и Татьяны). Наконец, в третьей реплике ощущается номинативная двуплановость: идентифицирующее имя *молния*, с одной стороны, входит в своем традиционном значении в ситуативную номинацию, иносказательно передающую информацию: «я не могу приказать Татьяне» (или «я могу приказать только внучке, но не могу приказывать каждому»); с другой стороны, в данной реплике содержится и признание как существования виртуальной номинативной единицы *молния* «посыльная», так и возможности ее актуализации по отношению к Татьяне: «Татьяна может быть отнесена к молниям, но я не могу ей приказать».

Данный пример можно использовать и как иллюстрацию следующего положения: отражаемая в языковой деятельности классификация действительности осуществляется отнюдь не по канонам логического деления понятий строго по одному основанию. Разнообразие ситуаций, в которых оказывается человек в окружающем его многомерном и качественно неисчерпаемом мире, требует от него постоянных «рабочих» определений специфики сцепления общего и частного в каждом явлении. Объединение объектов в класс может происходить при этом на основе лишь немногих ситуативно актуальных признаков, а ситуация может быть и индивидуальной, и определенной рамками небольшого коллектива, и характерной для того или иного этноса — отсюда неоднократно отмечаемая в сопоставительных исследованиях разница в идеографических сетках языков и диалектов.

Классификация объектов действительности постоянно корректируется, согласуясь с соответствующей определенному этапу развития знаний научной картиной мира, и это влечет за собой упорядочение номенклатуры, разработку терминологических систем, однако в рамках обывденного сознания характер процесса познания действительности не меняется, чему во многом способствует накопленный багаж номинативных единиц. Продолжается и стихийное вычленение ситуативно важных качественно определенных явлений действительности, а следовательно, и создание новых номинативных единиц отнюдь не является редкостью. Другое дело, что лишь немногие из них входят в узус языкового коллектива и уж совсем немногие становятся достоянием об-

щенародного узуса. Так, возникшая номинация *молния* «способный очень быстро выполнить поручение посыльный» останется, скорей всего, номинативной единицей, созданный для одного случая, хотя нельзя исключить и повторный текст типа *сам пойдешь или опять молнию посылать?*, и вхождение номинации в узус микроколлектива (вполне реальные контексты типа *Будешь летом молнией при сечье совете* или *Кого мне на сегодня молнией себе взять?*). Ср., например, узусальную номинацию *свежая голова* «сотрудник редакции, который не принимает участия в подготовке газетного номера, но вычитывает полностью уже подготовленный к печати текст» в речи журналистов: *Позвони ему на работу, он сегодня свежей головой в редакции*. Ср. также: *авоська, бананы* (брюки определенного фасона), *распашонка, трамвайчик* (квартиры с определенным расположением комнат), называющие общесоциально значимые классы объектов и поэтому вошедшие в общенародный узус.

Признавая несомненную связь предикатных и идентифицирующих номинаций, в то же время нельзя согласиться с утверждением о предикатной обусловленности имен классов предметов, вследствие чего «их первичный смысл часто бывает случайным: номинация строится на каком-либо несущественном (обычно выделительном) признаке класса» [Арутюнова, 1977, 206]. Предикатная номинация приложима, как правило, к целому ряду объектов или классов объектов, однако идентифицирующая номинация, связанная с предикатной, развивается не там, где предикатная применяется наиболее часто, а где есть реальная база для создания новой идентифицирующей номинации, т.е. там, где возникла потребность в выделении и номинации нового класса объектов. Предикатная номинация служит мотивом, но не причиной и не базой развития значения идентифицирующей именно в силу несущественности называемого признака. Главным содержанием новой номинативной единицы с самого начала является комплекс характеризующих признаков, либо аналитически расчлененный, когда номинатор уже выработал понятие о номинируемом классе, либо сформированный на уровне представления о классе объектов или конкретном объекте. Отмеченный предикатной номинацией признак входит в значение как выделяющий, но не как определяющий.

Можно тем не менее выделить ситуации, когда предикатная номинация действительно используется как идентифицирующая, точнее, как референт конкретного объекта действительности, ср.:

— *Что тебе подарить? — Что-нибудь большое и необыкновенное.*
— [Вручая большой цветочный горшок, оформленный как кадушка.] *Вот тебе твое большое и необыкновенное.*

Ср. также употребление конкретных референций предикатных номинаций *драгоценный алмаз* у Гоголя и *этот черт* у Толстого, привлекаемое в качестве иллюстраций Н.Д.Арутюновой [Арутюнова, 1977, 201]. Подобные употребления номинативных единиц следует, на наш взгляд, оценивать не как собственно номинации, а как цитирование чу-

жих, заведомо неадекватных объекту номинаций-характеристик. Фактически номинации подвергается не объект, а что-то отношение к нему, идентифицирующее значение оборачивается отрицанием самого себя, и достигается этот эффект как раз за счет качественной специфики предикатных и идентифицирующих номинаций.

Учитывая все сказанное в этой главе, можно разграничить два типа номинаций — номинацию-имятворчество и номинацию — выбор языковых единиц — следующим образом:

- создание новой номинативной единицы — языковой процесс, обращенный непосредственно к действительности; имя — идентификатор, языковой субститут вновь выделенного объекта действительности или класса таких объектов; номинация-выбор — освоение действительности в рамках существующего языкового опыта, квалификация вновь встреченного как уже известного: либо имеющего свое имя (идентифицирующая номинация), либо допускающего описание характеризующего его набора признаков (через предикатные номинации);

- создание новой номинативной единицы — формирование ее сигнификата; употребление готовой номинативной единицы — наполнение ее конкретным денотативным содержанием (ср.: «На уровне языковой системы номинатом имени является сигнификат, создаваемый в человеческом сознании в результате выявления дистинктивных черт у денотатов... В актуализированной речи объектом обозначения являются денотаты... Номинация происходит следующим образом: на основании того или иного выделяемого в денотате признака он включается в определенный класс объектов, для которого в языке имеется закрепленное наименование, либо может быть сформировано наименование из существующих языковых элементов» — Гак, 1977, 250—251);

- создание новой номинативной единицы — акт языка, в то время как выбор номинативной единицы — факт речи, поэтому постановка вопроса о первичности/вторичности тех или иных номинаций некорректна;

- новая номинативная единица в момент возникновения внесистемна по отношению к языку, она входит в него не с целью занять место в системе, а с целью обозначить явление внеязыковой действительности; традиционная номинативная единица употребляется и как лексический элемент системы, отсюда смысловая нюансировка и варьирование формы в рамках синтаксической деривации, которые предполагают тем не менее сохранение тождества сигнификата. Изменение сигнификата означает появление новой номинативной единицы. Новая номинативная единица — «пришелец», который может адаптироваться, приспособиться к условиям системы, может быть отторгнут ею, может сохраниться как ощущающийся неполноценным элемент. При этом язык оказывается наиболее нетерпимым к формальной стороне новой языковой единицы. Адаптация же содержательной стороны единиц, формально не противоречащих языковым нормам, составляет сущность номинации-выбора: сигнификат новой номинативной единицы, представляющий собой пе-

речислительный набор (нередко нерасчлененный) идентифицирующих признаков, при многократных речевых номинациях подвергается упорядочению, четкому расчленению и иерархизации признаков, последовательному «высвечиванию» каждого из них в предикатных номинациях. «У идентифицирующих имен... употребление (референция) определяет и формирует их значение», — подчеркивает Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1977, 206].

Тесная связь номинации-имятворчества и номинации-выбора не снимает, а, напротив, подчеркивает необходимость их детерминированного изучения. Понимание возникновения новой номинативной единицы как всего лишь «постепенного вытеснения» монопризнакового значения имени идентифицирующим полипризнаковым [ср.: Арутюнова, 1977, 206] не учитывает качественного своеобразия нового имени как выразителя нового классифицирующего знания о мире и сводит номинативный процесс к его одностороннему, чисто языковому проявлению. Здесь уместно вспомнить цитируемые А.Шаффом слова Станислава Шобера: «Подвзгаясь мощному влиянию языкового воображения, мы отодвигаем на задний план связывающие нас с реальным миром внеязыковые представления, и, разорвав таким образом непосредственную связь с действительностью, мы удовлетворяем потребности восприятия ее лишенными самостоятельной значимости звуковыми символами. Именно в этом кроется большая опасность языкового мышления: кто им злоупотребляет, легкомысленно стирая выразительность связанных с ним реальных образов, тот становится на скользкий путь пустого вербализма, который рано или поздно должен привести к выхолащиванию разума» [Шафф, 1963, 42].

Возникновение номинативных единиц — та сфера приложения языка, где устанавливается связь внеязыковых и языковых представлений, где действительность получает свое языковое воплощение, где реальный образ становится источником языковой образности, где действительность раздвигает рамки языковой системы. К тому же создание номинативных единиц — часть осознанной творческой деятельности людей, приобретающей чисто прикладное значение, когда речь идет о наименовании объектов собственными именами, наречении людей, создании номенклатурной и научной терминологии. Поэтому вполне обосновано выделение особого раздела в теории номинации, задачей которого является изучение «словопроизводственного процесса как движения от лексически не выраженного содержания, т.е. от синтаксически или физиологически (представления о звуках, чувствах) объективированного содержания к выражению этого содержания в лексической единице» [Торопцев, 1980, 21]. На наш взгляд, требуется лишь небольшое уточнение концепции И.С. Торопцева в следующем плане: во-первых, еще раз подчеркнем, что не всякая новая лексическая единица выступает как новая номинативная единица, и представляется продуктивным отграничить предмет процессуальной ономастологии от синтаксических

дериватов и связанных отношением производности номинаций одного и того же объекта; во-вторых, новая номинативная единица может не получить однословного воплощения и войти в узус в качестве идентифицирующего имени, сохраняя форму дескрипции или даже предикативной конструкции (ср. глагольные конструкции в топонимии, фирменные названия и индивидуальные названия артефактов и т.п. Ср. также: Журавлев, 1982, 88—98 — о раздельнооформленных номинациях). По указанным причинам мы предпочитаем термин «номинация-имятворчество» терминам «словопроизводство», «словопроизводственный процесс».

Несмотря на то, что вопрос об актуальности и продуктивности изучения собственно номинативного процесса был поставлен И.С.Торопцевым два десятилетия назад [Торопцев, 1970], процессуальную ономасологию нельзя признать до конца оформившимся направлением в современной советской лингвистике. Вместе с тем в частных ономасологических исследованиях конкретных групп лексики накоплен определенный теоретический багаж, который, в сочетании с концептуальными разработками И.С.Торопцева [Торопцев, 1974, 1975, 1980 и др.], позволяет говорить о формировании некоторых базовых положений новой науки. Представляется наиболее приемлемым совместить подведение этих итогов с построением типологии типологий имятворческого процесса, поскольку это позволяет не только охарактеризовать выполненное, но и отметить лакуны.

Для конструирования типологических параметров целесообразно использовать существующие разработки общей номинативной модели. Так, В.Г.Гак основными компонентами акта номинации считает: именуемый субъект (субъект номинации, номинатор), именование (номинант), именуемый объект (объект номинации, номинат), а также адресат номинации. При этом используемый номинант является «объединением проекций отношения номинатора и адресата (социальный фактор), отношения номинатора к номинату (субъективный фактор), отношения адресата к номинату (его информированность о нем), признаков номината (внутренняя форма) [Гак, 1977, 241—242]. По отношению к имяпроизводству предложенная модель нуждается в некотором уточнении — номинант не может здесь быть компонентом акта номинации, поскольку он является лишь целью, результатом данного акта. Поэтому речь может идти не о номинанте, а о языковых средствах его создания. Кроме того, снимается отношение адресата к номинату, так как адресат в акте номинации не участвует и учет его осуществляется исключительно в рамках отношения номинатора и адресата.

Словопроизводственная модель И.С.Торопцева специально ориентирована на создание номинативной единицы и содержит 6 компонентов, каждый из которых предполагает статический и динамический аспекты в их диалектическом единстве. Это:

1. Понятие о характере идеальной стороны производных лексических единиц (семантической базе лексической объективации), о подготовке в

соответствии с ним нового идеального содержания к лексическому объективированию.

2. Понятие о системе разновидностей мотивировки и о ее использовании, т.е. о выборе одной из разновидностей и ее применении.

3. Понятие о производящем и его выборе.

4. Понятие о системе способов воспроизводства и ее использовании (выбор варианта способа).

5. Понятие о характере звуковых оболочек производных лексических единиц и о их добывании.

6. Понятие о сцеплении идеального и материального в лексической единице и о его осуществлении.

Статическая часть модели предполагает понятие об эталоне или наборе разновидностей в рамках каждого из компонентов, динамическая — понятие о способе достижения эталона или выбора одной из разновидностей [Торопцев, 1980, 139].

Как видно, за рамками модели остаются и субъект номинации, в сознании которого эта модель существует и реализуется, и номинат, хотя учет свойств номинируемого объекта должен происходить в рамках двух первых компонентов модели, поскольку здесь речь идет о новом идеальном содержании и мотивировках его именования, т.е. лексического объективирования. В целом же модель — это модель собственно языкового воплощения номинации, где детально разработаны аспекты вербализации номинируемого знания.

Учет обеих моделей позволяет предложить следующую схему типологических противопоставлений.

Субъект номинации

В рамках исследования этого компонента номинативной ситуации необходимо выявить специфику отношений номинатора к самому акту номинации, к номинируемому объекту, к адресату и языковой традиции.

1. Отношение субъекта номинации к акту создания им новой номинативной единицы позволяет выделить номинации осознанные и неосознанные, ср.: «Различение осознанности/неосознанности новизны лингвистической единицы, несущей номинативную функцию, в момент ее появления в данном языке (или, иначе, противопоставление творимости, преднамеренности номинативной единицы и ее «самопроизвольного», автоматического возникновения) может служить одним из параметров наиболее общей классификации номинаций» [Журавлев, 1982, 46—47]. На наш взгляд, такое противопоставление имеет значение именно для номинации-импровизации, так как при номинации-выборе мы субъективно ощущаем себя просто говорящими на данном языке, не чувствуя себя номинаторами, подобно г-ну Журдену, который не осознавал, что говорит прозой.

Предложенное А.Ф.Журавлевым дальнейшее разграничение неосознанных номинаций на мутации, т.е. «номинации, характеризующиеся регулярностью, стандартностью, но возникающие в языке незаметно для его носителей» [Журавлев, 1982, 47] и «патологические» номинации, т.е. «номинативные единицы, возникающие «по ошибке», как следствие всякого рода помех вне- и внутрилингвистического характера» [там же, 48] представляется из уровня имитационности проблематичным, если речь идет об ошибке в выборе номинативной единицы из числа уже существующих, ср.: [О глиняной игрушке] *Ой, какая славная собачка!* — *Это не собачка, это зайчик*. Подобные ошибочные номинации могут затем закрепляться в узусе, например, как имена собственные тех предметов, по отношению к которым была применена неправильная номинация, ср.: *А вон куда вы свою «собачку» поставили; А «собачка» та еще целая?* и т.п. (кавычки, в которые взята номинация, манифестируют ту особую интонацию, с которой произносится слово). Ср. также весьма продуктивную модель создания прозвища человека по неправильно произнесенному либо употребленному им слову или именование ребенка (а иногда и уже взрослого человека) тем произносительным вариантом его собственного имени, которое он употреблял в раннем детстве. Отметим, однако, что ошибка здесь не создает имя, а мотивирует его. Возможны случаи вхождения ошибочных слов в общий узус (*zenit* вместо *zamt*, *кенгуру* «мы не понимаем» вместо реального названия животного), однако здесь ошибочна не номинация, а ее восприятие, и, кроме того, сам процесс номинации был вполне осознанным.

Исходя из приведенных доводов, следует ограничить противопоставление осознанных/неосознанных номинаций противопоставлением осознанных номинаций мутациям.

2. По отношению к объекту выделяются номинации: а) нейтральные, б) экспрессивно-эмоционально-оценочные.

Как уже отмечалось, В.Г.Гак выделяет нейтральные/оценочные номинации, которые, в свою очередь, разделяет на рационально- и эмоционально-оценочные. Однако рационально-оценочные номинации предполагают, по В.Г.Гаку, оппозицию «точная (прямая)/приблизительная номинация» [Гак, 1977, 279], что осуществимо только в рамках номинации-выбора. Выделение экспрессивно-эмоционально-оценочных номинаций требует особых комментариев, поскольку не все исследователи признают номинативную сторону экспрессивной лексики, ср.: «Их [т.е. слов, составляющих экспрессивный фонд языка — М.Р.] главное назначение состоит не в том, чтобы называть предметы и явления действительности, но в том, чтобы выражать особенность некоторого объекта на фоне других объектов того же класса, выделять его из ряда одноименных с ним. При этом существенно, что аспекты, определяющие особенность данного объекта, представляются такими словами и воспринимаются носителями языка как значимые лишь с определенной, актуальной в данный момент точки зрения, применительно к данной ре-

чевой ситуации. В силу этой своей особенности экспрессивные слова (ЛСВ) не конкурируют со словами-классификаторами...» [Черемисина, Рыжкина, 1977, 3]. Эта точная и верная характеристика специфики слов экспрессивного фонда все же спорна в плане отрицания номинативной функции экспрессивов. Хотя для них органична именно позиция предиката в речевом высказывании, но полностью отказать им в классифицирующей определенности нельзя; очевидно, корректнее говорить об их ослабленной номинативности [ср.: Лукьянова, 1980, 11]. Трудно согласиться с отрицанием качественной определенности объектов, стоящих за номинациями *ливень* или *оболтус*, которые М.И.Черемисина и О.А.Рыжкина относят (и справедливо) к экспрессивам. Ср. также ранее номинацию *кенгурилла*.

Вместе с тем подчеркнутое свособразие экспрессивно-эмоционально-оценочных единиц обуславливает продуктивность выделения такой номинации в особый тип. Проблемы экспрессивно-оценочной (эмотивной) номинации разрабатывает В.И.Шаховский [Шаховский, 1980, 1981].

3. Отношение к адресату номинации — параметр, требующий оговорки, так как «лексические единицы возникают... до коммуникативного контекста, для него» [Торопцев, 1980, 29], и, следовательно, адресат не включен в сам процесс рождения нового слова. С другой стороны, любая номинативная единица создается субъектом номинации не только для вербализации знания о действительности, но и для передачи этого знания другим членам языкового коллектива. Признавая обязательную адресатную направленность новой номинации, можно выделить: а) индивидуально направленную, б) социально направленную номинацию и в) номинацию общей направленности. Под последней нами понимается такая, в которой адресатом выступает весь языковой коллектив [ср.: Голомидова, 1987, 6]. Отношение к адресату определяет специфику выбора способа номинации, уровня информативности номинативной единицы, диктует поиск наиболее удобных в коммуникации вариантов. В искусственных условиях ономаσιологического эксперимента учет адресата практически отсутствует, но представление о таком учете проявляется при оценке созданных номинаций: *В речи такое, конечно, не скажешь; В нормальном языке так никто не назовет*. В целом направленность на обобщенного адресата может быть четко осознаваемой или стихийной, но всегда выражается как стремление максимально соответствовать тем или иным языковым нормам. При конкретной направленности номинации отношение к языковым нормам оказывается более свободным и зависит от адресата. Ср. стремление создателей фирменных названий изделий к выбору имен с положительной оценкой, к эвфоническому звучанию номинативных единиц, к высокой информативности названий — и «антиположительную» ориентацию при номинации многих современных «рок-групп».

4. Отношение к языковой традиции. Выделяя этот критерий типологической дифференциации, мы, вслед за А.Ф.Журавлевым, подчеркива-

ем его историческую обусловленность: каждой эпохе в развитии языка свойствен свой набор языковых норм-стандартов. Тем не менее в рамках того или иного периода можно говорить о противопоставлении стандартных/нестандартных номинаций, из которых первые соответствуют нормам, вторые отклоняются от них. А.Ф.Журавлев называет первые нормальными, вторые искусственными, понимая их как «творимые сознательно, с осознаваемым же нарушением стандарта» [Журавлев, 1982, 47—49]. Мы избегаем термина «искусственная номинация» в этом значении, уклоняясь от признания противопоставления осознанная/неосознанная номинация. К тому же осознанность номинации и сознательность нарушения/ненарушения стандарта — разные вещи: осознанное следование неправильно понимаемому языковому стандарту может привести как раз к его нарушению, и наоборот: сознательный уход от стандарта может реализоваться в рамках другой языковой нормы. Другими словами, стандартность/нестандартность номинации определяется не только установкой субъекта номинации, но и его уровнем владения языком. Считаем необходимым исключить из объекта рассмотрения факты создания квазиединиц вымышленных языков, поскольку это явление, весьма интересное само по себе, не является собственно номинацией.

Объект номинации

Этот компонент номинативной ситуации может быть охарактеризован и сам по себе (тип номинируемого объекта), и в плане учета его свойств номинатором (в той степени, в какой эти свойства отражены во вновь созданной номинативной единице).

1. По типу номинируемого объекта номинации единичных объектов противопоставляются номинациям классов объектов. Указанное разграничение существует со времен античности и реализуется как антитеза собственных и нарицательных имен, где под именами нарицательными расширительно понимаются не только именованья предметных классов, но и названия признаков и действий, мыслимых отвлеченно от приложения к конкретным предметам. Создание онома и апеллативов имеет свою специфику, так же как и номинация внутри каждого из классов объектов (топониминация, антропониминация, астрономинация и т.п.; номинация естественных объектов, артефактов, человека и т.п.). Вместе с тем между именами собственными и нарицательными нет непроходимой границы, что проявляется в использовании одних и тех же единиц языка для номинации тех и других, а также в многочисленных взаимопереходах.

2. Учет/неучет свойств объекта при номинации традиционно отражается в классификациях как противопоставление мотивированных номинаций немотивированным. Нельзя не считаться с тем неоспоримым

фактом, что создание новой номинативной единицы невозможно без осознания номинатором качественной определенности номинируемого объекта, предполагающей наличие набора характеризующих признаков. Познание объекта и создание названия, как правило, идут параллельно, и естественно видеть закрепление знания об объекте в его номинации, при этом характер и выбор закрепленного знания подсказывают существенные моменты в разворачивании процесса познания, протекающего не явно, подспудно и выходящего наружу лишь в самом названии. Поэтому по меньшей мере спорным представляется утверждение Б.А.Серебренникова: «Следует с самого начала понять, что выбор звукового комплекса есть чисто лингвотехнический прием, который в познании избранного нами предмета не приносит абсолютно ничего нового, так как свойства предмета, по крайней мере его наиболее существенные свойства, нами уже познаны в результате жизненного опыта» [Серебренников, 1977, 151]. Можно в какой-то степени признать допустимость такого высказывания для номинации-выбора, но подобный подход совершенно неприемлем при изучении процесса создания новых номинативных единиц. Обращение к любому языковому материалу позволяет увидеть в свете учета/неучета свойств номинируемого объекта следующие типы номинации (см.: Серебренников, 1977, 151—152; Гак, 1977, 273; Ковалева, 1971, 134):

Необходимо оговориться, что В.Г.Гак использует противопоставление кваликативных и релятивных номинаций в более широком плане: не только как выбор мотивирующего признака при создании имени, но и как специфику конкретного смысла при номинации-выборе.

Практически во всех конкретных ономаσιологических исследованиях разрабатываются подробные классификации номинативных признаков соответствующего класса номинируемых объектов (признаки

формы, размера, цвета, месторасположения или обитания, принадлежности, характера использования и т.п., а также — более конкретно: признак круглости, вытянутости и т.п.). Классификация по признаку, как правило, сочетается с учетом способа воплощения признака в названии — прямого или опосредованного (путем метафоры или метонимии), а также предполагает изучение набора производящих лексем [см., например: Овчар, 1991]. Таким образом анализ, казалось бы, чисто внешней соотносительности объекта и имени приводит к исследованию глубинных истоков семантической мотивированности имен, специфичной для каждого этноса в определенный период его существования и предполагающей в то же время наличие определенных универсалий [Матвеев, 1969, 1986].

В рамках рассматриваемой типологии встает вопрос и о классификации номинаций, не мотивированных свойствами объекта. Исходя из ситуации номинации, можно противопоставить отобъектно-мотивированным номинациям номинации мотивированные «от субъекта» и «от адресата», а также собственно немотивированные номинации, или условные (например, пункт А и пункт Б, номинация I и II, Раз — котенок самый белый, Два — котенок самый смелый... и т.п.). К номинациям «от адресата», т.е. отадресатно-мотивированным, можно отнести широко распространенные номинации-посвящения, а также использование в качестве наименований слов, обозначающих престижные в данном языковом коллективе понятия, «модные» антропонимы и топонимы, звуковые комплексы, оцениваемые как благозвучные. Подобную номинацию в литературе обычно характеризуют как условно-символическую [ср.: Голев, 1980; Голомидова, 1987; и др.], однако представляется, что символическая номинация — это тип отобъектно-мотивированной номинации (подробнее см. гл. 2 настоящего раздела), условная же по самому названию своему предполагает отсутствие мотива.

Отсубъектно-мотивированные номинации предполагают отражение в имени личных черт и пристрастий субъекта. Так, родители выбирают ребенку то имя, которое им нравится: Герман Титов и его сестра Земфира были названы так отцом, чьим любимым поэтом был А.С.Пушкин, французский писатель Борис Виан получил свое имя в честь Бориса Годунова от отца — страстного поклонника классической русской оперы. Частным специфическим случаем отсубъектно-мотивированной номинации можно, очевидно, считать также создание имен, «присваивающих» объектам желаемые свойства: клички собак Дружок, Верный, садовый кооператив «Дружба», языческие имена-пожелания и т.п.

Подчеркнем, что противопоставление отобъектно-, отсубъектно- и отадресатно-мотивированных номинаций никоим образом не затрагивает взаимодействия субъективных и объективных факторов при номинации: выбор номинации всегда определен характером объективной действительности, с одной стороны, и личным опытом субъекта, с другой. Выбор признака объекта в качестве номинативного всегда субъективно обус-

ловлен, и в то же время установка номинатора на отсубъектное или отадресатное именованье в конечном счете продиктована характером номината — не случайно отсубъектно- и отадресатно-мотивлируемые имена связаны со строго определенными классами понятий и объектов.

Язык номинации

В пределах этого компонента ситуации номинации можно выделить два аспекта: 1) способы номинации в данном языке, 2) дальнейшая судьба новой номинативной единицы в языковом узусе.

Подробная разработка способов номинации в русском языке дана А.Ф.Журавлевым [Журавлев, 1982, 51—109]. К его исчерпывающему перечню хотелось бы добавить все же оригинальный способ номинации, который можно было бы назвать «нулевым»: лексическая единица остается тождественной самой себе, форма неизменна и неизменным остается набор сем, но каждая из них как бы подвергается оценке по критерию «истинно/ложно», ср.: *Есть компромиссы и компромиссы; Когда душа говорит, молчит душа; Как Маша относилась к Гриневу? — Она его любила. — Ну, развея свою мысль... — Она его [подчеркнуто] любила.*

Вопрос о дальнейшей судьбе номинативных единиц, т.е. противопоставление их как окказиональных и узуальных, казалось бы, выходит за рамки собственно ситуации номинации, однако трудно представить, что в процессе номинации номинатор не ставит для себя вопрос о статусе создаваемого имени (если номинация сознательная). Номинативная единица может сразу создаваться как разовая, ситуативно обусловленная, а может и быть «обреченной» на узуализацию (номинация улиц города, городов и поселков, наречение детей, именование сортов культурных растений и т.п.). Наличие установки обусловит выбор номинативной модели, способ введения номинации в коммуникацию и т.п.

Комплексный учет ситуации номинации

Сочетание атомарных типологических противопоставлений в масштабе номинативной ситуации в целом позволяет разрабатывать комплексные типы номинации, в рамках которых создаются разветвленные системы имен. Сказанное справедливо в отношении выработанного в ономастике противопоставления искусственной и естественной номинации [ср.: Голев, 1974а; Матвеев, 1974; Ульянова, 1983; Копчева, 1985; Голомидова, 1987]. Комплексное описание условно-символической номинации дается Н.Д.Голевым [Голев, 1980]. Представляется необходимым дать комплексную разработку еще одного типа имятворчества — номинации образной.

Глава 2. Определение образной номинации

При выделении многопризнакового типа номинации все же всегда выделяется опорный, базисный типологический атрибут, который служит определяющим мотивом выделения типа. Так, для типологического разграничения искусственной и естественной номинации таким базисом становится номинативное поведение субъекта номинации, ср.: «Естественная номинация — процесс стихийного выбора языковым коллективом оптимального варианта содержания и формы языковой единицы в ходе использования ее в актах речевой коммуникации. Искусственная номинация — осознанный и целенаправленный номинативный акт, ориентированный на априорную узурпацию созданной номинативной единицы» [Голомидова, 1987, 6]; для выделения условно-символической номинации главным критерием оказывается отношение к языку, ср.: «УСН [условно-символические номинации. — М.Р.]... представляют собой специфический разряд в номинативной сфере современного русского языка. Их специфика... подчеркнуто номинативно выделяющая функция, особые приемы создания, в частности относительно свободное использование разнообразных лексических единиц во вторичной номинативной функции...» [Голев, 1980, 47]. Для выделения образной номинации в качестве базисного избран типологический признак отношения к свойствам объекта номинации. Отметим, что объект представляется нам главным компонентом номинативной ситуации, поскольку номинация — это установление отношения языка к действительности, репрезентантом которой и выступает номинируемый предмет или класс предметов.

Поводом к осознанию необходимости выделения нового типа послужило несогласие с уже упоминавшимся общепринятым разграничением прямого и опосредованного способа воплощения мотивировочного признака объекта, ср., например: «Сущностью прямого способа номинации является тождество мотивировочного и мотивирующего признака, прямое выражение первого через второе... Опосредованный [способ номинации. — М.Р.] — при котором мотивировочный признак выражается словом, обозначающим предмет, в котором данный признак только находит свое проявление» [Голев, 1976, 93—94]. Другими словами, прямая номинация предполагает собственное воплощение признака объекта в названии, а опосредованная — через воплощение этого же признака в другом предмете. Возникает вопрос, что стоит за двоякостью воплощения признака предмета в названии: стремление языка к разнообразию в выражении тождественного или различия в восприятии предмета, познания его свойств?

Наиболее естественный ответ на вопрос — и то и другое. Действительно, мы часто встречаемся в речевой коммуникации с фактами поиска небанального выражения того или иного содержания, в том числе и

яркого, образного имени объекта, ср.: *Слушай, я тут программу составил [для ЭВМ. — М.Р.], чтобы определенная информация сразу в память уходила, вот думаю, как назвать. «Память» — самое естественное, но просто слишком и потом неудобно — программа «Память», еще подумают чего... — Назови... «Незабудка». А еще лучше — «Узелок»; Шарик, поди сюда! — Ах, ты Шарик! Хороший, хороший... Вон ты какой — и правда — шарик. — Да уж, Шарик. Внучка говорит: «Что вам Шарик, все собаки Шарики». Хотела Пончик назвать — он, дескать, тоже круглый. А я Шариком зову. Путь развития номинативного процесса здесь такой: выделение признака объекта, создание на его основе прямой номинации иногда на уровне синтаксической конструкции и затем подыскивание более оригинального, нестандартного воплощения того же номинативного содержания.*

Однако чаще анализ смысловой нагруженности опосредованных номинаций показывает их содержательную неадекватность прямым, ср.: оз.*Круглое* — оз.*Чаша, Калачик, Монетка*; поле *Плоское* — поле *Блюдецко*; прозвище *Длинная* — прозвище *Жердь* и т.п. Само собой разумеется, что в названии *Чаша* содержится не только информация о круглой форме озера, но и об его расположенности в котловине, его глубине [ср.: Овчар, 1991], в то время как оз.*Монетка*, напротив, должно быть относительно мелким и иметь ровные, необрывистые берега; что на оз.*Калачик* наверняка есть большой остров посередине; что поле *Блюдецко* — не только ровное, плоское, но и круглое; что девочка по прозвищу *Жердь* не только высока ростом, но и худа и, скорей всего, нескладна. Следовательно, разница между так называемой прямой и опосредованной номинацией не только в языковом выражении признака, но и в характере самих признаков, в специфике выявления свойств объекта.

Поэтому представляется конструктивным вновь вернуться к классификации мотивированности имени свойствами называемых объектов. Изложенная в гл.1 традиционная дифференциация мотивировочных признаков предполагает только один путь познания нового объекта действительности, требующего номинации: «мысленное прослеживание», когда какое-либо сложное явление охватывается мыслью постепенно, часть за частью» [Шемякин, 1960, 8]. Однако человеческому мышлению присуща и simultанность, «мысленное обозрение» — способность человека охватывать мыслью одновременно все стороны какого-либо сложного явления» [Там же, 7]. Нет никаких оснований считать, что номинация осуществляется только в зоне анализированного осмысления объекта. Очевидно, новое имя может быть мотивировано не только признаком, но и всем содержанием знания об объекте [ср.: Торопцев, 1980, 57—70], которое может выступать и в расчлененном, и в нерасчлененном виде.

Исходя из сказанного предлагается разграничивать номинацию по признаку (аналитическую, абстрактную) и номинацию комплексную (синтаксическую, конкретную). Поскольку новой в этом противопо-

ставлении является комплексная номинация, остановимся на ней подробнее.

Если материальное воплощение в языке номинации по признаку не может встречать препятствий, поскольку каждый язык располагает достаточным арсеналом признаковых номинаций, то отражение комплекса признаков оказывается весьма проблематичным: в том случае, когда комплекс выступает как расчлененный, возможна номинация через дескрипцию (ср.: *полная контактная регрессивная ассимиляция; Московский Художественный академический театр; высокий блондин в черном ботинке* и т.п.), хотя она и неэкономна. Если же комплекс признаков воспринимается номинатором в своей нерасчлененной целостности, то номинация может осуществляться только через отождествление с предметом, также обладающим указанным комплексом признаков. Отсюда возможность классифицировать такие номинации как предметно-отождествляющие.

Возможность предметного отождествления может ощущаться номинатором (и членами языкового коллектива) как вполне реальная. Такие отождествления происходят в пределах предметов одной родовой отнесенности, но принадлежащих к разным видам, ср. названия *березка, елочка, рябинка* для целого ряда растений, *бык, корова, теленок* для самца, самки и детеныша лося; возможно и отождествление по линии род/вид, ср. *зверь* как идентифицирующие название медведя или: лося, ср. также собственные имена людей или географических объектов, данные им по принадлежности к классу объектов: кузнец *Кузнец*, цыган *Цыган*, оз. *Озеро* и т.п. Подобные отождествляющие номинации демонстрируют спрелделенного рода безразличие к познанию отличительных признаков и свойств объекта — номинатор удовлетворяется прежним знанием.

Другим видом реально отождествляющей номинации является предметная характеристика признака, ср. названия-идентификаторы цвета (*персиковый, болотный, белоснежный*), звука (*трубный, медный, серебряный*), запаха (*чесночный, газ «черемуха»*) и т.п. Здесь основанием для отождествления служит реальное совпадение ощущений.

Наконец, реально отождествляющими можно признать названия артефактов, созданных в подражание или с элементами подражания реалиям действительности: *конек (крыши), листики (печенье), площадь Звезды* и т.п.

Реальная предметно-отождествляющая номинация прочно опирается на языковой опыт. Она осуществляется практически на грани номинации-имятворчества и номинации-выбора, поскольку создает новые номинативные единицы, опираясь на основные параметры номинаций, уже созданных. В то же время такая номинация ориентирована на знания людей о реальных межпредметных связях. Она отражает текучесть родовидовых классификаций, диалектику абстрактного и конкретного, общего и единичного. В этом отношении показательны «гибридные» но-

минации-словосочетания, в которых выделение признака сопутствует отождествлению: *морской конек, сумчатый медведь, земляные яблоки, сахарный песок* и т.п. Здесь мотивировочный смысл постоянно колеблется от старого к новому, от выделения к отождествлению: Конек, но морской — хотя морской, но конек.

Специфическим проявлением отождествляющей модели номинации можно считать отождествления, сопровождаемые различным образом выраженной оценкой, как правило, пейоративной, по модели $X = -Y$: *волчье лыко, заячья капуста, цыганское солнце «луна»* и т.п. [ср.: Фектистова, 1979, 79—86].

Однако возможности предметного отождествления в пределах единой родовой отнесенности ограничены и объемом человеческого опыта в определенный исторический период (так, туземцы Австралии не могли назвать коала сумчатым медведем, поскольку не подозревали о существовании этого животного; ср. также рыба-кит, а не зверь-кит), и вполне объяснимыми пределами сведения к неким общим эталонам неисчерпаемого многообразия явлений действительности. Поэтому возникает требование прозрачности категориальных перегородок, поиск отождествляющего содержания становится свободным и причиной отождествления становится уже не мысль о тождестве предметов, а ощущение адекватности конкретных чувственно-наглядных образов-впечатлений от них. Такую номинацию и предлагается назвать образно-отождествляющей или просто образной.

Возможность внекатегориального предметного отождествления обусловлена и сформирована двумя процессами. Во-первых, это постоянно осуществляемая мыслительная операция сравнения как «конкретная форма взаимосвязи синтеза и анализа, посредством которого осуществляется эмпирическое обобщение и классификация явлений... На начальных стадиях ознакомления с окружающим миром [и, в частности, с отдельными явлениями действительности. — М.Р.] вещи познаются прежде всего путем сравнения» [Рубинштейн, 1958, 35]. При этом наиболее эффективна в плане информативности сравнения с находящимся в поле зрения, реально представленным предметом, ср.: *Мейва — рыба маленькая, вот такая всего* [показывает тонкий маленький карандашик], *или вот с этот палец мой, не больше; Озерко небольшое, всего с мою избу будет; Чаги нарастут где с кулак, а где с мою голову; А шляпка у того гриба — вот с эту тарелку и т.п.* Во всех приведенных примерах сравнение категориально внеположенных предметов проводится на основании одного отвлеченного признака — признака размера, но характерно, что подбор сравниваемых предметов-эталонов обусловлен бессознательно и стремлением подобрать подобный не только по размеру, но и по другим признакам: плоское сравнивается с плоским, вытянутое с вытянутым, круглое объемное с круглым объемным и т.п. Если бы речь шла, например, о вытянутом озере, то за неимением в поле зрения подходящего для сравнения предмета информант просто бы отметил:

протянулось как от этой стены до той, вновь включив в сравнение дополнительный признак. Ср. также изображение размеров предмета жестами, в которых всегда присутствует и стремление передать форму предмета, и его естественное положение в пространстве (например, размеры грудного ребенка изображают в горизонтальной плоскости, рост ребенка, уже умющего ходить, — фиксацией кисти руки на определенной высоте от пола и т.п.). Сравнение (отождествление) по одному отвлеченному признаку снимает категориальные ограничения и делает возможным установление «структурно-морфологического сходства между предметами как основы ассоциативного мышления» [Вовк, 1986, 8].

Второй процесс, исторически обусловивший внекатегориальное отождествление предметов как основу образной номинации, — это мифологическое предметное отождествление, предполагающее мотивированное мифом объяснение явлений действительности и установление категориальных ограничений в рамках мифологического мышления. «Когда человек создает миф, что туча есть гора, солнце — колесо, гром — стук колесницы или рев быка... то другое объяснение этих явлений для него не существует... И мы, как и древний человек, можем назвать мелкие, белые тучи барашками, другого рода облака тканью, душу и жизнь — паром; но для нас это только сравнения, а для человека в мифическом периоде сознания — это полные истины до тех пор, пока между сравниваемыми предметами он признает только несущественные различия, пока, например, тучи он считает хотя и небесными, божественными, светлыми, но все же барашками...» [Потебня, 1990, 304—305]. В.Н.Топоров отмечает «пристрастие первобытного человека к классификациям», которые «упорядочивают мир и сами представления о нем, отвоевываая новые части хаоса и космологизируя его» [Топоров, 1982, 29—30]. Опирающееся на миф «первобытное сознание... в высшей степени ориентировано на постоянное решение задачи тождества», одним из типичных решений которой становится «отождествление космического (природного) и человеческого» [там же, 13—14]. Развитие человеческого мышления, углубление и расширение знания о мире приводит к перекомпоновке категориальных противопоставлений, однако до сих пор «миф упрямо пропитывает собой наше видение друг друга и организует мир вокруг нас», а также «дает технику для вмещения незнаемого, для называния незнаемого» [Cook, 1980, 1,2]. Отсюда очевидна важность изучения моделей образной номинации для реконструкции мифологической картины мира.

Вместе с тем, даже выйдя за рамки мифологического буквального отождествления объективно внеположенных категориальных классов объектов, совмещение предметных образов не может не быть исторически обусловлено, поэтому результаты образной номинации всегда несут в себе информацию о межпредметных связях и чувственно-наглядном видении действительности периода возникновения номинативной единицы. Выявление конкретных моделей образной номинации становится

средством реконструкции общей модели мировидения определенного языкового коллектива, т.е. народной картины мира.

Отражение в номинации межкатегориальных предметных связей может иметь и другие корни. Диалектика конкретного и абстрактного в процессе познания приводит к способности воспринимать конкретные предметы как воплощения абстрактных признаков или понятий, ср.: ночь, уголь как символы черного цвета, небо, море — синего, кровь, огонь, заря — красного; звезда, стрела, пояс как символы определенных формальных характеристик; ср. также: роза — символ любви, меч — войны, хлеб — гостеприимства и пр. Дальнейшее развитие противопоставления абстрактного признака абстрактному понятию приводит к символизации признаков как репрезентантов понятий: белый цвет — символ невинности, черный — беды, скорби и т.п., что порождает опосредованную связь «предмет определенного цвета» — «абстрактное понятие». Возникают цепочки перехода одного символа в другой, результатом которого оказывается новая предметная соотносительность: белый гладиолус — белый цвет — «Невеста» (через символическую связь: белый — наряд невесты как воплощение признака, которая, в свою очередь, обусловлена символическим восприятием белого цвета как цвета невинности). Более простой вариант: корова черного цвета — Ночка, переход, обозначенный белыми полосами на асфальте — «зебра» и т.п.

Такая номинация, мотивированная восприятием признака предмета как символа другого предмета, может быть названа символической. Она сочетает в себе отобъектную мотивировку (как признаковыделяющая номинация) и отсубъектное, уже не зависящее от предмета представление о стандарте восприятия такого признака. Символическая номинация всегда подчеркнута субъективизирована, «прочитаемость» информации об объекте в ней почти целиком зависит от уровня информированности о субъекте номинации, однако признак объекта остается основополагающим и определяющим мотивом номинации.

Отметим, что уровень информативности названия-символа зависит от степени стандартности символического воплощения признака: общепринятый символ практически равнозначен прямому указанию на признак, ср.: [Указывая на луковицы гладиолусов, разложенные против этикеток с названиями] *А эти гладиолусы какого цвета. — «Снегурочка»? Белые. — «Снегурочка» понятно, что белые. Нет, вот рядом, «Вечная слава». Красные?* Стандартные символические номинации (имеется в виду стандартность символа, а не стандартность названия) действительно можно рассматривать как отличающиеся от обычных признаковыделяющих лишь способом воплощения признака в названии.

Являясь, по сути дела, разновидностью признаковыделяющей номинации, символическая номинация в то же время тесно связана с образной. Символическое прочтение образной номинации может повлечь за собой возникновение новых символически мотивированных номинатив-

ных единиц для смежных объектов или объектов того же класса, ср.: *«Мы с соседкой вот обе бычков до осени оставили, с мясом будем. А пока вон гуляют прямо по деревне, травы теперь в деревне полно. Вон они, Огонек да Уголек. - Как здорово! Огонек и Уголек, прямо как нарочно. — А нарочно и было. Наш был бойкий до того, только зазевайся, выскакивает, как огонь из печки. Ну, пусть будет Огонек. А соседка пришла: «У тебя рыжий Огонек, а мой черный Уголек». Вот и получилось».*

Контекст показывает, что название объекта — кличка телянка — возникло как спонтанно образное и основой номинации послужил комплекс признаков (бойкий, непоседливый, рыжий, очевидно, также маленький). Автор номинации выделяет один признак — бойкость, но масть телянка, естественно, тоже присутствовала как мотив номинации, не случайно воспринимающий номинацию сразу уловил этот мотив, причем как единственный. На именно такое восприятие смысла номинативной единицы и на последующее воплощение сходного смысла в новой номинации, без сомнения, оказал влияние и стандарт номинации домашних животных по масти (*Буренка, Чернушка, Рыжуха* и т.п.). Случаи такого символического переноса мотивации при номинации смежных объектов нередки в топонимии [ср.: Матвеев, 1977, 1979; Березович, 1991].

С другой стороны, символическая номинация может разворачиваться в восприятии как образная: будучи наглядными, образы-символы «в процессе познания... испытывают трансформацию в сторону отражения все более значимых элементов и сторон явлений» [Славнин, 1971, 24], и начинается поиск новых возможных мотивировок в старом названии, ср.: *Мне ее сразу как показали в роддоме, гляжу — черная, как галка. Ну, думаю, Галка и будет. Потом нянечка говорит: «Твоя-то крикунья...» Так ведь галка и есть* (Сам факт переосмысления имени Галина как мотивированного здесь не существен); *Купишь мне «молнию». Только металлическую. Пластмассовые непрочные. Настоящая «молния» должна сверкать.*

По определению отсубъектно-мотивированная, символическая номинация всегда осуществляется как сознательный поиск и мотивирующего признака, и способа его воплощения в названии. Образная же номинация — это объективированное познание свойств объекта, осуществляемое спонтанно, неосознанно, через внезапные (хотя и тоже в конечном счете обусловленные индивидуальным и социальным опытом субъекта) ассоциативные переходы от образа к образу. Выходя на поверхность, мотив номинации может формулироваться весьма редуцированно — субъект сам не осознает, что заложено в номинации в полном объеме. Ср. в примере выбора имени собаки: Шарик — «круглый», Пончик — «тоже круглый» как поверхностный мотив номинации. Однако вряд ли при возникновении образа не был задействован еще один признак — золотисто-рыжая шерсть щенка, весьма близкая к цвету прожаренного в масле теста. Сила образной номинации как раз в глубинности

ее смысла. «Образная модель является посредником между чувственно воспринимаемыми объектами действительностью и смыслом, значением, понятием сущностью их» [Михайлова, 1972, 223].

Учитывая основные характеристики выделенных типов номинации, можно противопоставить их по двум определяющим направлениям: по объему учета свойств объекта — однопризнаковые и комплексные; по характеру учета свойств объекта — собственно отоъектные и отоъектные отсубъектно-направленные. Тогда классификация типов может быть представлена следующей схемой:

По характеру	По объему	
	Однопризнаковые	Комплексные
Собственно отоъектные	Простая признаковыделяющая	Предметно-отождествляющая
Отоъектные отсубъектно-направленные	Символическая признаковыделяющая	Образно-отождествляющая (образная)

Существенно ввести третий параметр противопоставления — степень свободы выбора: в рамках, ограниченных свойствами объекта, с одной стороны, и опытом субъекта, с другой, можно говорить об открытом выборе мотива и его доязыковом воплощении и о выборе замкнутом. В этом плане очевидна противопоставленность диагоналей предложенной схемы: простая признаковыделяющая и образная номинации свободно реализуют выбор признака или сферы отождествления. Выбор признака в символической номинации ограничен возможностью его символизации, выбор сферы отождествления в предметно-отождествляющей номинации ограничен категориальными рамками.

Таким образом, образная номинация — это комплексно мотивированная свойствами объекта отсубъектно-направленная номинация открытого выбора. Рассмотрению специфики проявления этих характеризующих черт в ситуации номинации посвящена следующая глава. В заключение же этой главы обратим внимание на наивысшую информативность образной номинации по сравнению с другими типами, проявляющуюся в каждом из трех противопоставлений и обуславливающую важность ее изучения для выявления специфики моделей познания действительности и народной картины мира.

Глава 3. Специфика номинативной ситуации при образной номинации

Характеристику основных компонентов номинативной ситуации (объект — субъект — адресат — язык) целесообразно начать с выявления специфики объекта номинации, подчеркнув тем самым определяющую роль его не только в выборе мотивирующего содержания, но и в

самом факте осуществления именно образной номинации, а не номинации другого типа. Другими словами, анализ объекта в данном случае оказывается поиском ответа на вопрос: почему необходима номинатору образная номинация?

Объект номинации

Исходя из определения образной номинации, естественно предположить, что ее объектом должен стать прежде всего такой, который не имеет четко выраженных однозначных признаков, способных выступить в качестве мотивировочных, т.е. существенно важных в структуре нового знания на момент его вербального оформления. Разумеется, каждый реальный предмет действительности обладает размером, но номинации по этому признаку подвергаются лишь предметы, выделяющиеся его крайними проявлениями или соотносимые по величине в каком-либо номинативном ряду: камень Великан, поле Большое — Среднее — Малое, стиральная машина «Малютка», большак (дорога) и т.п. То же самое можно сказать о характеристике по цвету, вкусу, месту в пространстве и во времени, функции и т.п.: однозначность, «линейность» признака делает его значимым лишь в рамках того или иного ряда. Объектом образной номинации, скорей всего, может оказаться предмет системно внеположенный, «совсем не такой». Таким воспринимается объект, обладающий сложным, не поддающимся абстрагированию на данной ступени познания признаком, например, сложной конфигурацией, формой, неоднородной цветовой характеристикой. Чаще всего образные по мотивировке названия получают предметы, формальные и цветовые характеристики которых не укладываются в рамки вербализованных. Другими словами, образную мотивировку объект получает в том случае, когда его существенный для мотиватора признак не может быть выражен в традиционных вербальных формах, т.е. не имеет однозначного вербального средства воплощения. При этом образная номинация может стать первым шагом от конкретного к абстрактному в познании данного специфичного проявления признака формы или цвета — ср. стрелка, птичка, овал (из лат. *ovalis* — «яйцеобразный» от *ovum* — «яйцо» — Фасмер, III, 112) как абстрагированные характеристики формы; коричневый, фиштакховый, сиреневый как абстрагированные характеристики цвета и т.п. Однако чаще конкретный образ сохраняет свою природную определенность и происходит это, на наш взгляд, именно потому, что необычная форма или окраска — не все содержание комплексной мотивировки, а лишь толчок, стимул для ее разворачивания. Рассмотрим несколько примеров.

Колокольчик — название цветка. Опорным толчком наименования стала, очевидно, именно колоколообразная форма. Но ср. также харак-

тер прикрепленности цветка к стеблю, особенность организации тычинок и пестика. Думается, что в возникновении ассоциативного сопоставления растения и колокола сыграли роль все отмеченные моменты.

Крокодил — вид технического зажима. Номинация мотивирована формой объекта (вытянутый с характерными выпуклостями), но также наличием зубцов, возможностью глубокого продольного захвата. Ср. мотивировку: *Почему «крокодил»? Похож же. Чем? Да всем, вообще. Морда, зубы. И хватает хорошо: схватит и держит, хищный зажимчик*, — где характерно затруднение в четком вычленении мотивов отождествления: «похож», «да всем, вообще [похож]».

— *Она красивая? — Красивая? Да не называю я таких красивыми! Чистенькая, свеженькая, тут [показывает на щеки] персики. — Красивые? — Зачем? Дано природой. Розовые со смуглым и пушок неженский. И вот [надувает щеки]. Не как у меня, провалины.*

В данном случае мотивировка одноразово проявленной образной номинативной единицы развернута достаточно подробно: номинатор учитывает и окраску, и форму, и характер поверхности номинируемого объекта. Отметим, что при всей развернутости в перечне признаков все же нет той целостной характеристик, которая достигнута отождествлением щек и персиков. Образ «говорит» больше, чем его расшифровка, и она дается не столько в силу необходимости, сколько как своеобразное указание на «методику получения» информации при восприятии номинативной единицы.

— *Как можно назвать этот камешек?* [Речь идет об образце уваровита — мельчайшие кристаллы зеленого цвета на куске породы.] — *Травка... Травяник!* — *Почему? — Как травка растет. — Ну, почему? По цвету? — Да, потому что зеленая... И такая [проводит рукой по поверхности] неровная, как мелкая травка под рукой.*

Таким образом, спонтанной установке на поиск внескатегориального материала для отождествления предшествует отказ от вычленения абстрактных признаков-характеристик объекта, и стимулом для развития образной номинации становится наличие признака, не поддающегося абстрагированию. Чаще всего это сложная форма или окраска объекта. Последующая операция отождествления учитывает и целый ряд смежных признаков, хотя это не всегда осознается номинатором — отсюда тавтологические толкования мотивировок: «похож [на крокодила]», «как травка растет» и т.п.

Представляется, что комплексными можно признать и сами характеристики нелинейного типа: сложная конфигурация, смешанная окраска, неоднозначно проявляющийся тип поведения и т.п. — свойства объекта, требующие одновременного учета сразу целого ряда факторов (размера и топологии, сочетания цветов, цвета и света, системы реакций на различные стимулы), поэтому даже когда перед нами «чистая» форма (например, созвездие или скала) или «чистая» окраска (например, оригинально окрашенная ткань), возникшее название все же можно

признать образно, комплексно мотивированным. Ср., например, заяц как символическая однопризнаковая номинация трусливого человека и заяц «безбилетник», где мотивом образного отождествления стал комплексный признак поведения человека, ассоциируемый с поведением зверька: интуитивное чувство опасности, подвижность, постоянная настороженность, сложная траектория движения и т.п.

Можно говорить о том, что образная номинация обслуживает те ситуации познания, когда, с одной стороны, знание о свойствах (или комплексно воспринимаемом свойстве) предмета не поддается абстрагированию, а с другой — эти свойства (свойство) актуальны для номинатора и поэтому информация о них должна быть запечатлена в вербальном аналоге предмета. Объект образной номинации — это явление действительности, по отношению к которому важна не односторонняя характеристика, а тонкая нюансировка его специфики, отмеченность его своеобразия в среде подобных, подчеркнутость его качественной неповторимости. Поэтому образная номинация, как правило, реализуется как разрешение монотонности, когда однообразно повторяющийся знакомый признак вдруг оборачивается базой для нового конкретного многообразия. Нет идеальных прямых, безупречно круглых предметов, нет двух предметов одинакового цвета, но до определенного предела наше знание ограничивается мыслью о подгоняемости явлений под определенный абстрактный эталон. Однако границы познания расширяются, возникает потребность в классификации линий — и одна из них осознается как линия-молния, другая — как линия-змея, третья — как линия-бог. На первом этапе этой ступени познания новое знание еще не достигает необходимой в дальнейшем степени абстрагирования и сопровождается широким шлейфом дополнительных конкретных характеристик, неотделимых от основной. Образная номинация выступает как фиксатор и орудие именно этой фазы взаимодействия конкретного и абстрактного в познании.

Представляет интерес в связи с этим свидетельство А.Р.Лурии, который отмечает преобладание наглядно-образных обозначений цветовых оттенков у женщин ичкари, имеющих богатую практику вышивания [Лурия, 1974, 44; ср. также интерпретацию этой же цитаты: Сорокин и др., 1982, 8]. Здесь как раз образная номинация закрепляет в слове и делает устойчивой образную классификацию абстрактно нерасчленимого. Аналогична роль образной номинации в создании астрономии, велика потребность в ней при номинации гор, особенно в горных странах, при именовании растений, минералов. В то же время значение образной номинации снижено по отношению к артефактам, ибо здесь расчлененность свойств чаще всего задана создающей деятельностью человека.

С другой стороны, возможности образной номинации ограничены уровнем доступности объекта чувственному восприятию: ассоциативное образное отождествление возможно лишь тогда, когда объект восприни-

мается целостно, доступен восприятию номинатора во всей своей определенности. Объектами образной номинации могут быть лишь наглядно представленные номинатору объекты. Поэтому, когда речь идет о природных объектах, образные названия получают лишь объекты сравнительно небольшие: охватываемые взглядом участки поверхности, озера, наблюдаемые из определенной точки полностью или на значительном протяжении линейные гидрообъекты и т.п. В этом отношении орографические объекты вновь оказываются наиболее открыты образному отождествлению, поскольку допускают всесторонний обзор их конфигурации. Не случайны весьма частые образные оронимы. Можно говорить о прямой зависимости возможности образной номинации от степени доступности объекта для чувственного познания его номинатором.

Таким образом, объект образной номинации должен обладать следующими свойствами: во-первых, он должен быть доступен целостному наглядно-чувственному восприятию номинатора; во-вторых, для него, как правило, характерна комплексная сложность, конкретность одного из параметров (формы, цветовой характеристики и т.п.), не поддающаяся абстрактному расчленению на простые составляющие; в-третьих, этот комплексный признак должен быть актуальным для номинатора и информация о нем должна быть актуальна для адресата; наконец, выделяемый комплексный признак должен стимулировать чувственно-наглядные ассоциации в сознании номинатора, в его опыте чувственного познания действительности. При невыполнении этого последнего условия образная номинация заменяется эмоционально-оценочной, имея лишь выражает отношение к непознаваемости свойств объекта. В этом плане показательны экспериментальные наблюдения за номинацией искусственно смоделированных объектов звездного неба [подробнее см.: Непряхина, Рут, 1991, 29—30]: номинаторы получали листы с обозначенными на нем точками-звездами, произвольно разбросанными по поверхности бумаги; предлагалось выделить созвездия (или созвездия) и дать им названия. Большинство номинаторов успешно справились с задачей. Однако в нескольких случаях никаких объектов испытываемые выделить не смогли и поступили одинаково: соединили все точки прямыми и дали названия типа *Челуха*, *Стандарт*, *Безымянное*. Ср. также экспериментально полученные названия горы, изображенной на фотографии: *Чудище*, *Чудовище*, *Чудо-юдо*, *Голова Чудовища*, *Дракон*, *Черный Дракон*, *Зубы Дракона*, *Цербер* — и наряду с этими названиями *Мрачная*, *Страшная* [Гридина, 1977, 24]. Примеров подобных номинации в естественной астрономии или топонимии обнаружить не удалось, и это представляется закономерным: при эксперименте нет установки на информативность названия — ведь адресат не включен в экспериментально смоделированную ситуацию номинации. С другой стороны, ср. большое количество таких названий-«впечатлений» в искусственной номенклатуре новых сортов растений [Копочева, 1985].

Субъект номинации

Субъект номинации как носитель конкретного опыта, конкретного уровня развития мышления и типа мыслительных реакций, наконец, конкретного языка всегда оказывается определяющим компонентом номинативной ситуации для любого типа номинации, однако в каждом типе активность номинатора специфична. Рассмотрим специфику проявления деятельности номинатора при образной номинации.

Прежде всего возникает вопрос о способности номинатора к осуществлению образной номинации, в основе которой — интуитивное знание о существующих взаимосвязях фактов и явлений действительности. Интуиция предполагает достаточно высокий уровень системной организации прошедшего через опыт знания, поэтому возможность реализации субъекта номинации как создателя образной номинативной единицы зависит и от уровня организации мышления, и от объема опыта.

Так, экспериментальные наблюдения за номинативными возможностями детей дошкольного возраста и школьников показали, что дети 4—6 лет, пытаясь дать названия незнакомым предметам, ориентируются прежде всего на однопризнаковые отоъектные мотивировки, предпочитая номинацию по функции (реальной или предполагаемой). При стимуляции отождествляющего подхода (детям задавался наводящий вопрос «на что этот предмет похож?») испытуемые оставались в рамках однопризнаковых оценок, отождествляя предметы без учета их прочих свойств, ср. номинации *балалайка*, *плен* для яйцерезки. К 4-му классу средней школы ребята уже способны к комплексным образным отождествлениям и предпочитают их другим типам номинации [подробнее см.: Ветлужских и др., 1990, 18—20].

Подобное формирование способности к образной номинации имело место и в филогенезе: образное отождествление выросло на базе мифологического как его развитие и преодоление.

Анализ экспериментально организованных фактов проявления образной номинации показал, что и индивидуальная способность к созданию образных номинативных единиц неодинакова: среди полученных многочисленных анкет немало примеров последовательной реализации механического однопризнакового отождествления. Вместе с тем обратные экспериментальные опросы, когда испытуемым предъявлялся список полученных номинаций и предлагалось оценить удачность названия по отношению к данному объекту, показали, что наиболее высокий балл всегда получают многопризнаковые образные отождествления. Можно говорить, таким образом, об одинаковой потребности в образных номинативных единицах и о различных индивидуальных возможностях ее осуществления. Точный ассоциативный «прыжок» за категориальные рамки — всегда находка, всегда большая редкость, и появлению новой образной номинативной единицы всегда сопутствует всплеск положительных эмоций.

Таким образом, субъект образной номинации — номинатор с наиболее пластичным, готовым к применению социальным опытом, которым может оказаться далеко не каждый член языкового коллектива.

Высказанное положение позволяет обратить внимание еще на один важный момент: субъект номинации определяет сферу образного отождествления, т.е. выбор образа-мотивировки оказывается отсубъектно детерминирован. Особенно наглядно данный вывод подтверждают номинации такого универсального, единого для многих народов типа объектов, как объекты звездного неба, ср.: *Большая Медведица* — рус. *Лось*, фин. *Otava* (вид рыболовной заруды), порт. *Barca del Northe* «северный корабль»; *Млечный путь* — швед. *Vintergatan* «зимняя улица», бурят. *Огторгойн Оёдол* «небесный шов», вьет. *Sông Ngan* «серебряная река», рус. *Матница* (брус—опора потолка в деревенской избе).

Обусловленность образной номинации общей направленностью социального опыта субъекта отмечается при анализе результатов экспериментов [Гридина, 1977] и искусственной номинации [Копчева, 1985; Голомидова, 1987; и др.]. Интересен в этом плане и стихийно возникший в ходе экспериментальных наблюдений тест: при знакомстве с новыми анкетами мы старались угадать социальную принадлежность авторов номинаций (если эксперимент проводился в неизвестной руководителю аудитории) или даже самих авторов, когда их круг был известен. В тех случаях, когда была возможность оценить значительный массив названий (10—15 для одного номинатора), процент ошибок оказывался ничтожно мал. Характерно, что анализ ошибок, как правило, приводил к выводу об однопризнаковости, образной неполноценности номинаций.

Итак, образная номинация отчетливо субъективно окрашена, она содержит весьма определенную информацию о возможностях и социально-психологических свойствах номинатора. Это естественно: ведь в сознании номинатора сталкивается субъективный образ номинируемого объекта с субъективным образом предмета субъективно отобранной сферы отождествления. Именно этот трижды субъективизированный материал и становится мотивирующей базой процесса создания нового имени. Если учесть также влияние языковых стандартов (см. об этом далее), то становится очевидной опосредованность, «завуалированность» отобъектной мотивировки. Образ как бы отсубъектно навязывается объекту, выделение свойств последнего диктуется возникшей ассоциацией. Подобный диктат образа, отразившегося в названии, удалось воспроизвести в одном из экспериментов с искусственно смоделированными созвездиями: испытуемым было предложено «создать» созвездие на листе бумаги и дать название новому объекту. Затем список названий и набор рисунков были предъявлены испытуемым второй группы, которых попросили соотнести названия и объекты. Результаты продемонстрировали возможность соотнесения любого названия с любым из объектов [см.: Непряхина, Рут, 1991, 33—35].

Разумеется, в реальной действительности возможности приспособления нового объекта к знакомому образу всегда в большей степени ограничены. Надо отметить, что созвездия, даже выделенные народной традицией, все же не типичные объекты действительности: на их обусловленность «земным видением» указывал Л.Вайсгербер [см.: Звегинцев, 1962, 206]. Но в таком случае мысль о широких воссоздающих возможностях отсубъектного образа получает вполне естественное, уже не экспериментальное подтверждение.

Суммируем основные факты. С одной стороны, образная номинация возможна только как номинация объектов с определенным образом выделенными свойствами, и осуществляется она как способ познания этих свойств и получения-передачи информации о них в максимально полном объеме. Другими словами, образная номинация осуществляется с осознанной установкой на отражение в ней свойств объекта, т.е. как отобъектно мотивированная.

С другой стороны, отсубъектная обусловленность образной номинации проявляется как свобода в выборе сферы образного отождествления, ограниченной только рамками накопленного ранее опыта, что, в свою очередь, влечет за собой и определенную произвольность в совмещении образа объекта и образа отождествляемого с ним предмета. Крайним проявлением такой произвольности оказывается участие образа-аналога в моделировании объекта номинации, как это происходит с объектами звездного неба.

В таком парадоксальном сочетании отсубъектной свободы и отобъектной установки видится главная сила образной номинации: образное отождествление, отсубъектно направленное, программно организует познание объекта в масштабах всего объема опыта, который субъектом накоплен. Именно эта свобода позволяет интуитивно учесть еще не вычлененные логически, но ощущаемые на чувственно-конкретном уровне объектные характеристики. Образная номинация — вербализация продуктов наглядно-образного мышления, изучение закономерностей которого стало одной из актуальных задач современной психологии и философии [см.: Пивоваров, 1986]. Ср.: «Гносеологическая сущность визуального мышления [как одного из видов наглядно-образного. — М.Р.] заключается: а) в добывании новой информации о структурно-пространственных характеристиках возможных миров путем наглядно-образного преобразования схематических изображений предметов и способов деятельности с ними; б) в осуществлении функций посредника между живым созерцанием внешнего мира и абстрактно-логическим отражением действительности, благодаря чему достигается диалектическое единство чувственного и рационального. Оно является средством синтеза понятийно-знаковой (вербализованной) и предметно-чувственной форм отражения» [Пивоваров, 1986, 116].

В концепции Д.В.Пивоварова представляются особенно важными для решения проблем образной номинации три момента: во-первых, это

тезис о существовании наглядно-образного мышления, которое «обладает относительной независимостью от материальных объектов, наличной практики и эмпирического материала» [там же]; во-вторых, положение о вторичности, дополнительности этой формы мышления, о ее обусловленности мышлением вербальным; в-третьих, утверждение самостоятельной познавательной ценности наглядно-образного мышления, что достигается за счет определенного отстранения от материальных объектов. В применении к образной номинации эта концепция может быть интерпретирована следующим образом: сталкиваясь с объектами действительности, познание которых на уровне абстрактно-логического мышления невозможно, номинатор переключается на сферу своего чувственного опыта и, опираясь на способности наглядно-образного мышления, находит достоверный способ выражения знания об объекте в форме конкретного образа предмета, уже освоенного вербальным мышлением.

Отсубъектность образной номинации не равна ее субъективности. Субъективен любой продукт любой формы мышления, однако в данном случае отсубъектная ориентация в познании — сознательный шаг номинатора, его решение проблемы познания сложного, абстрактно не членимого явления действительности. Каждый факт реализации образной номинации — свидетельство способности номинатора к активному творческому преобразованию имеющегося в его распоряжении накопленного опыта. Критерием достоверности полученного знания, как известно, является практика, в том числе практика речевой коммуникации. Рсальное достоверным продуктом образной номинации становится такая номинативная единица, которая находит адекватное отражение в конкретно-чувственном опыте адресата. Поэтому адресата образной номинации можно считать активным ее участником. Рассмотрим подробнее специфику этого компонента номинативной ситуации при создании образных номинативных единиц.

Адресат образной номинации

Апеллируя к чувственному опыту, отсубъектная деятельность номинатора нуждается в постоянной корректировке границ образного отождествления. Ориентация на свой опыт как на часть опыта социального, коллективного определяет результативность познавательного процесса. Созданная в ходе образной номинации номинативная единица продолжает наполняться мотивирующим содержанием в ходе коммуникации, ср.:

— [Разговор взрослого с ребенком:] *Вот это анютины глазки. — А почему так называют? — Ну, вот видишь, тут черное, как зрачок у тебя, а вокруг синее. — А глазки — потому что много? — Ну, наверное. — А глазки у людей ведь разные бывают, и анютины глазки тоже? — Конечно. И анютины глазки разных цветов. — И голубые? —*

Да. — И желтые? — И желтые. — И зеленые? — Ну, подумай, зачем цветы зеленые... — Ну да, цветы зеленые не бывают. А красные анютины глазки бывают? — Не бывают. Не плачет наша Анютка. А вот знаешь, бывают такие глазки у людей, называют карие, у них такой оттенок может быть, коричневый с красным. Вот анютины глазки такие бывают. — А черные? [Подумав.] А глаза ведь черные не бывают. Просто темные-темные. — И анютины глазки такие бывают. Почти черные. И вообще анютины глазки очень разные. Ведь и глаза у людей разные, у каждого свои. — А анютины глазки на ночь закрываются? — [Удивленно.] Ишь ты, ведь и правда закрываются.

В данном случае в качестве новой образной номинативной единицы выступает традиционное именование, взрослым первоначально и не воспринимаемое иначе, чем простое номенклатурное обозначение. Однако стимулированная адресатом-ребенком потребность отыскания образной мотивировки привела к фактическому повторению номинативного акта, при этом взаимодействие номинатора и адресата оказалось продуктивным и для того, и для другого.

С другой стороны, случайно возникшая, ненаправленная образная ассоциация вызывает протест адресата и не закрепляется в узусе. Так, на одном из заседаний студенческой проблемной группы одна из участниц назвала старое зеленое кресло, стоящее в аудитории, гусеницей. Номинация возникла как подчеркнуто случайная, но какое-то время микроколлектив делал попытки ее образно освоить, ср.:

— И где эта ваша гусеница? Да уж... Богатый образ. — Нет, пожалуйста: зеленая, мягкая... — А это что же у нее? [Показывает на спинку кресла.] — Это она ползет. Подняла голову и ползет, видела, как они по веткам ползают, складываются вот так. — А я у нее на спине сижу задом наперед? Не смешно.

Неприятие номинации в данном случае основывается даже не столько на неузнавании тех или иных свойств объекта — наоборот, совпадение некоторых признаков не вызывает сомнения, — но на ощущении познавательной бесполезности, статичной механистичности образа. Опыт номинатора и адресата совпадает, но именно сверка опыта приводит к выводу о его недейственности в данном случае.

Наоборот, сверка несовпадающих чувственных впечатлений нередко приводит к углублению знания о номинируемом объекте, ср.:

— Есть же такие мотыльки! Она — типичный мотылек. Порхает, глаз радует, нектар попивает. — И цветочки опыляет, между прочим. — [Пауза.] Ну и что! Вот именно, что «между прочим». — А тебе надо непременно как пчела, с надсадным гудением? — [Пауза.] Да, наверное, именно в этом обаяние мотыльков.

Учет адресата проявляется в образной номинации как поиск наиболее близких собеседнику сфер отождествления, сфер, несомненно общих у адресата и номинатора. Для процесса образной номинации характерно подчеркивание общности опыта номинатора и адресата, часто в сравне-

нии с опытом окружающих, не участвующих непосредственно в коммуникации. Ср.:

— [Разговаривают два физика и филолог.] 1-й физик: *Где Сибирский тракт начинается?* Филолог: *Где улица Декабристов кончается.* 1-й физик: *Она переходит в тракт, что ли? Или там поворот?* 2-й физик: *Она в него вырождается.* Филолог: *Интересно, это по-вашему что значит: с поворотом или без?* 1-й физик: *Без поворота это значит (ср.: вырождение — физ. Заключается в том, что значение некоторой физической величины, характеризующей систему, одинаково для различных состояний системы).*

Ср. также ситуацию опроса информанта в экспедиции:

— *Бабушка, а вот бывает на елях какая-то бахрома висит? — Не видела, не знаю. — Ну, ели стоят в сырых местах белые все, как приведения? — Не пойму я. — Ну, как нитки такие, только много и толстые... — А, как куделя нависится. Так это шаста на елках бывает.*

Здесь случайный выход неопытного собирателя на близкий информанту образ снимает ситуацию непонимания, созданную использованием далеких для старой крестьянки ассоциаций. Наоборот, упоминание при опросе образов близких информантам предметных сфер даст положительный эффект. С другой стороны, сами информанты нередко толкуют незнакомые собирателям слова, стараясь «подключить» городские предметные сферы, ср.:

— *Кичига — она как хоккейная клюшка; На хорошей рёлке сосны стоят, как колонны в метро; Сделается тепло, снег полетит шеля-пугами такими, большие, как листки у тебя в блокноте.*

Приведенные примеры не являются фиксациями новых номинативных единиц, однако хорошо отражают стремление к совмещению картин мира для участников диалога.

Можно, следовательно, говорить о тенденции использования образных номинативных единиц с целью заострить, подчеркнуть общее видение мира, не только передать информацию, но и выявить сходные личностные черты у собеседников. Такой подход проявляется не только в речевой практике, но и при номинативной деятельности, рассчитанной на коллективного адресата. Ср., например, названия стенных газет факультетов университета: «*Интеграл*», «*Спектр*». Каждое из них дает образную информацию о задачах газеты: *интеграл* — особым образом суммированные факты, *спектр* — разнообразие фактов в их совокупности, исчерпанность охвата этого разнообразия. Содержание каждой из данных образных номинативных единиц допускает их употребление для названия любой стенной газеты. Тем не менее ясно, что первое название принадлежит математикам, второе — физикам.

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 262.

Таким образом, адресат образной номинации становится одним из факторов организации и активизации чувственно-конкретного опыта номинатора, с одной стороны, и индикатором правильности осуществления этого процесса, с другой.

Образная номинация и язык

Данная проблема имеет два аспекта: во-первых, это вопрос о технических средствах воплощения образной номинации в языке; во-вторых, комплекс размышлений о роли языкового опыта в создании конкретных моделей человеческого познания, одним из этапов которого является образная номинация, другими словами, это вопрос об активности языковой картины мира в процессе восприятия действительности.

Вопрос о технических средствах создания номинативных единиц в процессе образной номинации решается однозначно: основным способом образной номинации является метафора либо сама по себе, либо осложненная метонимией, аффиксацией и т.п. Именно этот факт и открывает путь к проблеме языковой метафоры как интенсификатора и стимулятора познавательного процесса.

Теория метафоры, восходящая в своих истоках еще к трудам Аристотеля, плодотворно исследуется многими современными отечественными и зарубежными лингвистами. Нашел свое воплощение в научной литературе и критический обзор достигнутого в данной области [Вовк, 1986; Гусев, 1984; Жоль, 1984; Кулиев, 1987; Складчикова, 1988; и др.]. Велик интерес исследователей к вопросам гносеологической ценности метафоры [Авеличев, 1973; Бартон, 1970; Базилая, 1972; Елсуков, 1982; Кияненко, 1965, 1983; Лапина, 1986; Опарина, 1987, 1988; Свиблова, 1986; Складчикова, 1987; Тарасова, 1980; Телия, 1987, 1988а,б; Харченко, 1989; и др.], при этом актуальным стало расширенное толкование понятия «метафора» как определенной модели познания [Гусев, 1984; Кулиев, 1987; Лузина, 1984; Малявин, 1978; Матросов, 1985; Петров, 1985]. Углублению познавательного аспекта в изучении метафоры способствуют исследования основных языковых моделей метафоризации [Петрова, 1989; Складчикова, 1988а,б].

Проблемы изучения метафоры привели к анализу взаимосвязи процесса метафоризации и эмоционально-экспрессивно-оценочных потенций языковых единиц [Говердовский, 1974; Гутман, Черемисина, 1970, 1976; Гутман и др., 1977; Калмыкова, 1969; Карслова, 1979; Кацитадзе, 1985; Колодкина, 1986; Коралова, 1975; Лукьянова, 1986; Молчанова, 1981, 1982; Пестерева, Рут, 1988; Телия, 1986; Федоров, 1967, 1985; Харченко, 1989; Черемисина, 1979; Шаховский, 1981; и др.], что, в свою очередь, повлекло за собой потребность в четком определении понятия «языковая образность», пока не сформулированном однозначно [ср.: Блинова, 1983; Лукьянова, 1986; Мезенин, 1983; Телия, 1986].

Наиболее острым оказывается вопрос о происхождении и сущности метафоры, сталкивающий различные точки зрения [ср.: Вовк, 1936, 25—46], однако ведущей в современной теории метафоры является, на наш взгляд, концепция зарождения метафоры в речи [ср.: Арутюнова, 1979; Black, 1962; Мурзин, 1972], толчком для которого становится конфликт (по М.Блэку — «интеракция») обычного и необычного (М.Блэк), правильного и неправильного (Л.Н.Мурзин), нормального и аномального (Н.Д.Арутюнова) с точки зрения языковых правил и традиций.

«Речевая» концепция сущности метафоры переносит, как представляется, проблему из ономаσιологического в семасиологический план: ведущей становится не причина употребления языковой единицы в данной ситуации, а специфика ее восприятия. Представление о метафоре как о «вторичной семантической функции словоформ предложения» [Мурзин, 1972, 362] ставит вопрос о возникновении метафоры на чисто техническом уровне. Ср.: «Словесная метафора — тот случай симилиативного совмещения понятий в слове, когда выражение данного понятия осознается как вторичная ономаσιологическая функция слова, уже «занятого» каким-то другим понятием. Иначе говоря, метафора — это выражение понятия словом, за которым в первичном распределении номинаций закреплено выражение иного понятия, связанного с первым симилиативной связью» — и раньше: «В случае словесной метафоры означаемое вообще не меняется, меняется означаемое» [Никитин, 1979, 94], где приоритет восприятия в понимании сущности метафоры так же очевиден — отсюда и утверждение, что при метафоре «означаемое не меняется». Однако при возникновении нового идеального содержания, требующего вербального выражения, метафора создаст новое имя для ранее не названного объекта.

Н.Д.Арутюнова, упоминая о признании рядом исследователей необходимости учета экстралингвистических факторов при исследовании метафоры, все же склоняется к «необходимости создания собственно лингвистической природы метафоры» и трактует последнюю как «вид семантической неправильности, который возникает в результате намеренного нарушения закономерностей смыслового соединения слов» [Арутюнова, 1979, 147—148].

Предложенное исследователями углубленное изучение возникновения новых смысловых нюансов «из мутной семантической среды» речевого потока [там же, 149] оказывается плодотворным в стилистике художественной речи, в семасиологии. Однако за рамками такого изучения остается номинативная метафора. Ср.: «Номинативная метафора... [это] технический прием извлечения нового имени из старого лексикона... «Идентифицирующая» [т.е. номинативная. — М.Р.] метафора составляет ресурс номинации, а не способ нюансировки смысла. Образ, который она дает языку, идентифицирующей лексике не нужен. Процесс метафоризации сводится к замене одного дескриптивного (многопризнакового) значения другим... Метафора этого типа... апеллирует не

к интуиции, а к зрению. Отвечая акту уподобления, она, однако, не производит вспышки, представляющей предмет в новом, преобразующем его свете» [там же, 159]. По мнению автора, такую «вспышку» дает метафора «классическая», «образная», возникающая в речи, в позиции предикации.

Соглашаясь с необходимостью четкой классификации речевых метафор и с тезисом о познавательной ценности подобных метафорических речевых употреблений, трудно отказаться от мысли, что невнимание к идентифицирующим, номинативным метафорам превращает изложенную концепцию метафоры в убедительную иллюстрацию к гипотезе лингвистической относительности Сепира—Уорфа. Представляется, что только понимание значимости номинативных метафор для развития человеческого знания превращает тезис о познавательной деятельности как «субстрате любой метафоры (и любого предиката)» [там же, 171—172] из декларации в обоснованное высказывание. Пользуясь образом Н.Д.Арутюновой, можно сказать, что именно модели образной номинации, по которым возникли номинативные метафоры, оказываются той сетью, которая делает возможным извлечение смысловых нюансов из мутной семантической среды.

Вместе с тем нельзя не признать огромную роль речевой деятельности в вербальной обработке концептов—моделей образного мышления. «Метафора не простая передача образа, а особая обработка его, включающая своеобразные элементы анализа и синтеза... В образном мышлении речь служит не для формирования образов, а для усиления, углубления их и придачи им обобщающего свойства» [Савченко 1980, 24, 28]. Очевидно, именно в этом смысле можно говорить, что метафора «участвует в создании научной, образной и «обиходной» картины мира» [Опарина, 1987, 69].

Учитывая сказанное, можно следующим образом представить себе языковую сторону образной номинации:

1. Образное отождествление как ассоциативное взаимодействие чувственно-конкретных образов нового явления действительности и предмета, освоенного опытом (и, следовательно, имеющего вербальное обозначение), осуществляется на довербальном уровне.

2. Получив конкретное вербальное обозначение (это может происходить постепенно, путем подбора, вполне отвечающего познавательным задачам и языковым вкусам номинативного варианта, ср. варианты экспериментально полученного названия минерала крокоит — *морковка*, *тертая морковь с сахаром*, *морковь*; ср. также аналогичное варьирование при экспериментальном назывании гор: *Гриб* — *Опенок*, *Шапка* — *Папах* — *Буденовка*, *Кит* — *Косатка*, *Дом* — *Юрта* и т.п. — Гридина, 1977, 25), отождествляющий образ подвергается семантическому расчленению, уточнению составляющих компонентов. В ходе речевого функционирования в новой номинативной единице происходит окончательное формирование нового идентифицирующего значения, при осу-

шествовании которого образ продолжает «просвечивать» в номинации, направляя семантическое развитие слова. На этой фазе возможно возникновение смежных аналогических номинаций, т.е. выстраивание объединенных единой моделью номинативных рядов. На данном этапе мыслительный образ-концепт и его языковое воплощение выступают в тесном взаимодействии. Велико влияние и речевого окружения новой номинативной единицы, способствующего переосмыслению старых и возникновению новых семантических и синтаксических связей.

3. Новая номинативная единица входит в языковой узус, становится полноправным членом определенной номинативной системы. Связь с образом-концептом угасает, номинативная метафора приобретает те свойства, о которых говорит Н.Д.Арутюнова.

4. Наконец, возможен и четвертый этап: «оживление» образа-концепта, как правило, на новой чувственно-конкретной базе, под непосредственным влиянием языкового окружения в речевом контексте. Классическим примером такого оживления можно считать переосмысление мифологических концептов, закрепленных в языке и переосмысленных как собственно языковые антропоморфические и зооморфические модели. «В процессе развития языка, длительного и сложного, образность древнего слова, основанная на чувственных, наглядных связях, сменялась другой образностью, также во многом опирающейся на конкретные представления, но эта образность уже являлась осознанной» [Феоктистова, 1985, 146; ср. также: Фрейденберг, 1978, 181—191; Телия, 1987].

Итак, образная номинация осуществляется и развивается как процесс тесного взаимодействия языка и чувственно-конкретного мышления, причем определяющим в этом единстве, начальным шагом является мыслительный акт — акт установления ассоциативной связи двух предметных образов, обладающих тождественными с точки зрения номинатора свойствами. Язык выступает как средство закрепления в сознании этой межобразной связи, как средство ее расчлененного осмысления и как «средство знакового хранения стандартов поведения, учитываемых при планировании будущих действий» [Сорокин и др., 1982, 8]. Подчеркнем важность последнего утверждения: войдя в язык, закрепившись в нем, образное отождествление становится стимулом развития собственно языковой номинативной модели. Возникает «возможность строить новые концептуальные структуры» на основе языка, что обуславливает определенную активность языка в познании действительности [Павиленис, 1988, 295]. Ср. сформулированный и обоснованный Г.А.Брутяном принцип лингвистической дополнителности: «Через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира; эти модели выступают как побочный источник познания, осмысления реальности и дополняют нашу общую картину знаний, корректируют ее» [Брутян, 1968, 57]. Ср. также: «Дополнительную и своеобразную информацию язык сообщает благодаря тому, что в значении

слова имеется компонент образности... Для полного представления механизма возникновения картины мира в сознании людей, на наш взгляд, нельзя пренебрегать даже этой, пусть минимальной, но не одинаковой в различных языках информационной возможностью слова» [Брутян, 1972, 89]. Разработке проблем взаимодействия «концептуальной модели мира» и «языковой картины мира» (термины, введенные Г.А.Брутяном в 60-е годы — ср.: Восканян, Григорян, 1988, 311) посвящено в настоящее время немало работ [Брагина, 1986; Верещагин, Костомаров, 1976; Иванов, 1987; Комлев, 1981; Лотман, Успенский, 1973; Матвеев, 1977; Роль человеческого фактора в языке, 1988; Колшанский, 1990; и др.]. В.Н.Телий специально рассматривался вопрос о роли метафоризации в создании языковой картины мира [Телия, 1988б], однако представляется, что значимость изучения в этом плане образных по происхождению номинативных единиц пока не получила адекватной оценки. Между тем именно образная номинация оказывается полем взаимодействия концептуального и языкового в познании, именно в моделях образной номинации консервируются модели чувственно-конкретного восприятия действительности. При этом особую ценность приобретают уже сложившиеся номинативные модели, «стертые» языковые идентифицирующие метафоры, апробированные узусом, получившие развернутую семантическую разработку, запечатлевшие в себе уже ушедшие в прошлое мыслительные концепты.

Подводя итоги рассмотрению общей модели образной номинации, отметим ее активность в аккумуляции информации об объекте и субъекте номинации, синкретический характер воплощаемого в номинативной единице знания, сочетание отобъектных и отсубъектных установок в мотивировке. Образная номинация — вербализация интуитивного чувственно-конкретного знания об объекте, инструмент познания наиболее сложных в своей целостной конкретности реалей, феномен, истоки которого — в мифологическом мышлении древних.

В заключение раздела — несколько слов о термине. Образная номинация как «отражение в языке образного переосмысления действительности» впервые упоминается и исследуется (в указанном автором понимании) А.Н.Молчановой [Молчанова, 1981, 1]. В аналогичном смысле трактуют образную номинацию Е.Б.Вовк (ср.: «Образная номинация... как процесс формирования наименований, в семантической структуре которых присутствует образная оппозиция, отражающая единство и противоположность актуального значения и внутренней формы наименования» — Вовк, 1987, 1) и В.В.Ощепкова [1988, 109—115]. Приведенные определения демонстрируют обращение к номинации как номинации-выбору, не предполагающей создание новых номинативных единиц, а также употребление слова «образная» не в гносеологическом, а в специальном лингвистическом значении. Таким образом, употребление термина в указанном смысле требует четкого определения понятия «языковая образность», которого в названных ра-

ботах нет (А.Н.Молчанова трактует образность как «иносказательность», метафоричность в широком смысле слова» — 1981, 4; Е.Б.Вовк и В.В.Ощепкова обращаются к элементу «образной оппозиции» в семантической структуре наименований — ср. тезис о «семантической двуплановости» как характеристике метафоры — Черкасова, 1959, 9; и др.). Не считая возможным попутно решать столь сложную и важную задачу, как выявление сущности языковой образности, отметим все же четкость концепции О.В.Загоровской, которая выделяет образный, или эмпирический, компонент в семантике слова, расшифровывая его как «закрепленный за знаком обобщенный, чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета» [Загоровская, 1989, 14], давая тем самым возможность говорить об образном употреблении слова в ситуации актуализации образного компонента семантики, в частности, в позиции предикации. Такое понимание возвращает слову «образ» его гноссологический смысл и превращает проблему «вторичной образной номинации» в проблему способов речевой актуализации образного компонента семантики слова, а также позволяет использовать термин «образная номинация» лишь в значении «создание новых номинативных единиц, в которых мотивация свойствами объекта осуществляется через ассоциативное отождествление образа называемого объекта и образа предмета, знание о котором уже закреплено вербально».

РАЗДЕЛ II. ОБРАЗНАЯ НОМИНАЦИЯ И НАРОДНАЯ КАРТИНА МИРА

В данном разделе предпринята попытка систематизации образных ономастических моделей, целью которой является реконструкция общей модели мира, существующей в сознании номинатора. Залогом реальности такой реконструкции видится сама модель образной номинации, ее механизм, предполагающий закрепление в названии нового объекта не абстрактно-логического аналитического знания, а знания чувственного, конкретного, активизирующий не стремление к строгому учету и анализу, а потребность в привлечении к познанию традиционных целостных представлений.

Отметим, что обращение к языку как инструменту реконструкции народных представлений о мире характерно прежде всего для исследователей мифологической картины мира [ср.: Гуревич, 1972, 41; Зализняк и др., 1962; Знойко, 1980; Иванов, Топоров, 1965, 1973; Немец, 1986; Топоров, 1982; Цыхун, 1986; Черепанова, 1983; и др.], проводящих целенаправленный, определенный мифологическим кругом отбор исследуемых языковых средств. Другим направлением такого целевого отбора языкового материала является изучение национально-культурной специфики языка и речи [Брагина, 1986; Верещагин, Костомаров, 1976; Гачез, 1967; Гудаевичус, 1984; Гутман и др., 1977; Которова, 1987; Нгуен Дык Тон, Ли Тхоан Тханг, 1988; и др.; ср. также: Национально-культурная специфика речевого поведения, 1977; Семантическая специфика национальных языковых систем, 1985]. Характерно, что в большинстве случаев в качестве исследуемого материала берутся метафоры и сравнения. Подобные исследования выявляют важные пласты информации, внося существенный вклад в расширение лингвострановедческих знаний, однако ориентация на национальную «экзотику» не дает возможности анализа всей системы отразившихся в языке элементов народного видения мира.

Стремление избежать «мозаичности», с одной стороны, и замкнутости, с другой, заставляет искать концептуально независимый языковой материал, позволяющий выявить именно картину мировидения, а не ее отдельные фрагменты. Идеальным воплощением такого материала является текст как комплексная реализация модели мира в языке [ср.: Иванов, Топоров, 1965, 7]. В этой связи наряду с основополагающими исследованиями В.В.Иванова и В.Н.Топорова, наметившими «пути ре-

конструкции набора абстрактных и отчасти конкретных классификаторов» [там же, 10] славянской религиозной модели мира на материале языковых текстов, знаменательно обращение к материалу славянской загадки как тексту, позволяющему выявить весьма конкретизированные параметры системы славянских народных представлений о космосе [Волоцкая, 1987].

Представляется, что ономастическая система определенной территории и конкретной языковой принадлежности (в данном случае — севернорусская) может также рассматриваться как такого рода текст. Выбор именно собственных имен, а не апеллятивной лексики обусловлен, помимо уже упоминавшейся номинативной «прозрачности» онома, следующими моментами: во-первых, точной территориальной привязкой к данному региону, во-вторых, относительной однородностью языкового коллектива-номинатора (севернорусские крестьяне), в-третьих, относительной общностью хронологии создания (собственно русские онома) и, наконец, сочетанием полноты материала с его реальной обозримостью.

Итак, рассмотрению подлежат возникшие в результате процесса образной номинации топонимы, астронимы и прозвищные антропонимы русского Севера (Архангельская и Вологодская области), извлеченные в результате фронтального просмотра из картотек Топонимической экспедиции Уральского университета (полевые записи 60-х — 80-х гг.).

Определенную сложность представлял сам отбор материала, т.е. возможность оценки имени собственного как продукта образной номинации. Основным критерием отбора для рассмотрения в данной работе было предметное значение внутренней формы онома. Дальнейшее уточнение возможности включения названия в круг рассмотрения производилось по-разному в каждом из трех классов онома. В астронимии всякий астроним с внутренней формой конкретно-предметного характера оценивался как результат образной номинации — такой подход основан на общих особенностях астронимии как класса номинативных единиц [см.: Рут, 1970, 1972, 1974, 1987]. В топонимии топоним с предметной внутренней формой может возникнуть в силу различных номинативных мотивов: 1) внутренняя форма отражает связь номинируемого объекта с тем или иным предметом по смежности, например: *Барабан*, пож. — *Барабан там у пастухов был*; 2) топоним образован от антропонима с предметной внутренней формой, например: *Зайцы*, хут. — *Мужик жил Зайцев*; 3) номинация связана с конкретной разовой ситуацией, в центре которой оказался тот или иной предмет, например: *Кузов*, пож. — *Старик на покос пришел, кузов не снял да подумал, что дома его забыл... Вот и прозвали пожню Кузов* (подобные толкования, впрочем, нередко оказываются народноэтимологическими; народная этимология преобразует и названия субстратного происхождения, ср.: *Шуба*, ур. от саам. корня *шуб-* «осина», и мотивировку информанта: *Видно, какой-то старик шубу потерял*). Перечисленными вариантами

не ограничивается спектр возможностей возникновения топонимов с предметным значением производящей основы. Помимо собственно ономастологических мотивов картину весьма усложняют чисто языковые процессы: упрощение морфологически сложной топоформы (*Барановская* — *Баран*) или, наоборот, обрастание исходно безаффиксного топонима суффиксами (*Ласточка* — *Ласточкина* — *Ласточкинская*).

Ощутимую помощь в выявлении образных по происхождению топонимов могут оказать мотивирующие пояснения информантов, устанавливающих связь названия с конкретными свойствами объекта. Наличие таких образных мотивировок и стало основным доводом в пользу оценки топонима как образного. Выделяемый таким образом топонимический материал позволил еще в ходе отбора выявить определенные общие и частные модели образной номинации, что, в свою очередь, послужило поводом для включения в круг исследования и немотивированных названий (т.е. не мотивированных информантами) с тождественной или аналогичной внутренней формой.

В случае, когда разные информанты дают противоречащие друг другу объяснения мотивов номинации топообъекта (ср.: Бараниха, гора — а) *Бараны там скрывались* — очевидно, имеется в виду, что бараны забредали на эту гору во время пастбы и их трудно было отыскать; б) *Там бор растет, наверное* — народноэтимологическое сближение, возможное в силу характерного для севернорусских говоров этимологически правильного произношения слова *боран* и, следовательно, топонима *Бараниха*; в) *Торчит, как бараны рога*), наличие образной мотивировки (в данном примере — мотивировки в) принималось как достаточное для включения топонима в круг образных при условии возможности его отнесения к определенной модели.

В качестве дополнительного критерия привлекались данные апеллятивной диалектной лексики, а также факты живой народной речи. Так, вызывала сомнение корректность включения в рассматриваемый массив топонимов *Гусли*, *Гусельки*, *Гусельное* и пр. Информанты не дали образных мотивировок, в одном случае объяснение было: *Гусли там нашли, наверное*. Сомнение усиливали также данные диалектных источников, ср.: *гусель* арх. волог. «плесень», *гуселое сено* «плохое, испорченное» [СРНГ, 7, 242]. С другой стороны, в пользу включения в массив говорило наличие модели отождествления топообъектов с музыкальными инструментами (топонимы *Балалайка*, *Бубен*, *Гармошка*), а также подтверждающее возможность образного осмысления перм. *гусельник* «круглое полено с одним заостренным концом» [СРНГ, 7, 242] и такой фрагмент диалектной речи, записанный вне связи с топонимическим опросом: *Ранее поля-те дильные были, все по струночке растет, как гусельки*. Топонимы были включены в круг рассматриваемых, и справедливость такого включения подтвердило, на наш взгляд, обнаружение топонима *Гусли* с мотивировкой *Гусли, потому что полосами такими* среди новых полевых записей.

Кроме того, принимались во внимание сведения о свойствах реалий (там, где такую информацию могли дать информанты или сами собиратели материала), а также характер соотношенности названия с типом объекта (ср. пож. *Коврига* и руч. *Коврига*, руч. *Квас* и пож. *Квас* — вторые названия в обеих парах имеют гораздо меньше шансов быть квалифицированными как образные, чем первые: они могут быть результатами метонимического переноса или объясняться той или иной разовой ситуацией — ср. ранее пож. *Кузов*).

Таким образом, при включении топонима в исследуемый массив учитывались следующие факторы: 1) внутренняя форма топонима, обладающая предметной семантикой (словообразовательная модель при этом практически не учитывалась; не принимались к рассмотрению только явные антропонимические образования на *-ск-*, *-овск-*, *-инск-* и т.п.); 2) образное мотивационное значение; 3) устойчивость номинативной модели, как конкретной (использование данного образа), так и общей (использование образов данной бытийной сферы); 4) наличие сходных образных переосмыслений в диалектной речи; 5) достоверность соотношения образа с данным типом объектов или данным объектом.

Факторы 2 и 3 были признаны основными при выявлении образных по происхождению прозвищных севернорусских антропонимов. При этом допускалось, что в некоторых случаях образные мотивировки прозвищ носят вторичный характер, однако они все же оценивались как квалифицирующие, поскольку отражали именно образный, не формальный характер народноэтимологического переосмысления, будучи ориентированы на отражение в названии реальных свойств номинируемого объекта — носителя прозвища.

Отобранный таким образом ономастический материал составил около 1300 названий: астронимов — 93, антропонимов — 234, топонимов — около 1000 (более точный подсчет затруднен ввиду не всегда возможной идентификации топонима объекту). Требуется определенных комментариев несоизмерность материала для разных типов объектов. Мы сочли возможным рассматривать эту несоизмерность как несущественный момент по следующим причинам: во-первых, она естественно вытекает из имеющегося материала, а не является результатом какого-либо искусственного субъективного ограничения; во-вторых, равнозначность материала определяет, на наш взгляд, не равные пропорции его представленности, а тождество критериев отбора. Вместе с тем, учитывая, что Топонимическая экспедиция Уральского университета проводила сбор прозвищной антропонимии нерегулярно, чем и объясняется малый объем антропонимических картотек, была проведена сверка отобранного материала с данными «Ономастикона» С.Б.Веселовского [Л., 1974], основанного на севернорусских источниках, и с корпусом отпрозвищных антропотопонимов, собранных ТЭ УрГУ (выборка произведена Ю.В.Алабугиной), которая показала практическое тождество как общих, так и конкретных образных антропонимических моделей в ото-

бранном для исследования и проверочном материале. Дополнительным аргументом в пользу допустимости работы с материалом в имском объеме является и тот факт, что проведенные со времени выборки новые экспедиции не дали материала, вносящего коррективы в исследуемый.

В последующих трех главах раздела будут рассмотрены соответственно астрономы, антропимы и топонимы русского Севера, возникшие в результате образной номинации. Материал представлен с помощью классификации, учитывающей выделение сфер образного отождествления и — внутри их — конкретных образов, положенных в основу номинации.

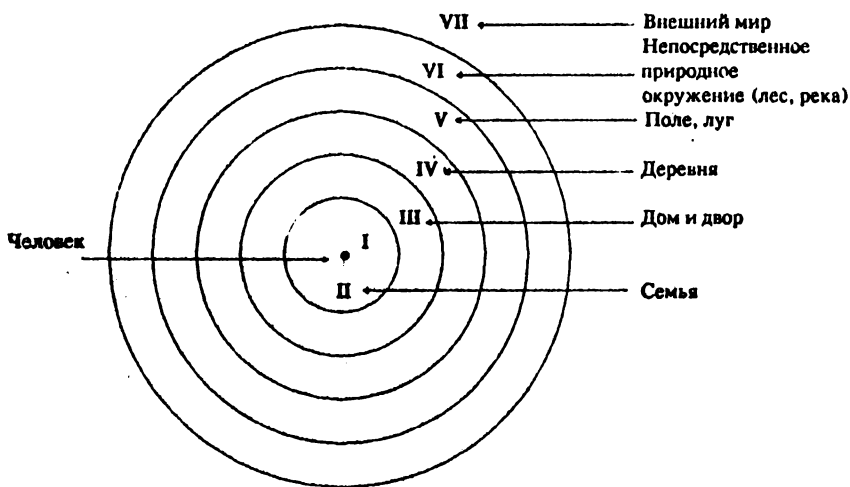
Предлагаемая классификация не совпадает с общепринятой ономазиологической классификацией, в основе которой — выделение номинативно осмысляемых признаков предмета, поскольку признак объекта при образной номинации выступает как целостный характеризующий комплекс. Недостаточность ономазиологической классификации для образного ономастического материала отмечал А.К.Матвеев [Матвеев, 1978, 1979]. Специфичные для образной лексики классификации предложены Г.Н.Скляревской [1988] и З.Ю.Петровой [1989], однако используемая ими стандартная формула метафорического переноса («исходное значение» → «новое значение») неприменима для ономастики в силу специфики семантики имени собственного. Интерес представляет разработанная Н.В.Овчар идеографическая классификация, которая сочетает выделение номинативных признаков с точным учетом семантических моделей воплощения каждого из них. При этом образные по происхождению номинативные единицы классифицируются по выделяемому в них «доминантному признаку» [Овчар, 1991, 66]. Признавая прагматическую ценность такой интерпретации образных номинативных единиц, подчеркнем все же ее некоторую условность и субъективность, неизбежную при определении семантической доминанты.

Предлагаемая в настоящей работе классификация исходит из того, что главным компонентом словопроизводственной модели при образной номинации оказывается выбор сферы образного отождествления. Движателем такого выбора является прежде всего социальный опыт номинатора, а непосредственным стимулом — комплекс признаков объекта номинации, кодируемый в конкретно-чувственном образе того или иного предмета избранной сферы. При дальнейшем освоении номинативной единицы положенный в основу именованного образ может поворачиваться разными гранями, тот или другой абстрактный признак способен при этом действительно выходить на первый план и становиться доминантным, однако основное номинативное содержание несет все же образ в целом, выделение атомарных характеристик носит речевой, ситуативный характер, и если для топонимов закрепление одного из признаков — нередкий факт, то при именовании человека такого выпячивания практически не происходит. Поэтому изучение образной номинации требует не механического учета выделяемых постфактум

признаков в содержании готового названия, а выявления «работающих» на вербализацию человеческого знания образных сфер, т.е. сфер, наиболее активных, в наибольшей степени освоенных человеческим конкретно-чувственным опытом.

Итак, в основу предлагаемой классификации положена организация по основным сферам предметного мира, используемым для отождествления, с внутренней возможной детализацией каждой из них. Отметим, что в отличие от предыдущих классификаций данная ставит своей целью не возможно более дробное членение материала, а выявление конкретных целостных образов-моделей. Так, например, традиционно выделяемая модель «части тела человека и животных», скорей всего, отсутствует в сознании номинатора: сопоставление с той или иной частью тела идет через развитие, детализацию целостного образа человека или определенного животного. Это учтено в классификации.

Выстраивая иерархию образных предметных сфер, мы исходили из уже упоминавшегося в работе антропоцентризма человеческого мышления вообще и образного в частности, а также из положения об особом, «структурообразующем значении для выработки традиционных схем пространства» такой предметной сферы, как дом, жилище человека вообще и восточных славян в частности [ср.: Байбурин, 1983, 3 и след.]. С учетом сказанного схема классификации может быть представлена следующим образом:

Требует особых комментариев сфера VII — внешний мир. Сюда с некоторой долей условности отнесены все реалии, не связанные непосредственно с крестьянским бытом, в том числе реалии общественной жизни, политики, искусства, религии и т.п.

Материал в главах подается без географических помет, так как уже в процессе отбора образных номинативных единиц выяснилось, что для всего русского Севера действует единый набор образных моделей. Вместе с тем для топонимов представляется обязательным указание типа номинируемого объекта, так как существует определенная связь между топографическими реалиями и сферами образного отождествления. Что касается астрономов, то здесь указывается номинируемый объект звездного неба в тех случаях, когда он точно установлен при полевом сборе или при последующей обработке материала. К сожалению, для весьма значительного количества полевых записей идентификация номинируемых созвездий и звезд очень ненадежна, а иногда и просто невозможна ввиду забвения старой астрономической системы носителями языка. При отсутствии идентификации астроном сопровождается знаком «?».

Глава 1. Образная номинация в астрономии

Русская народная астрономия представлена названиями весьма небольшого количества объектов звездного неба: русские номинируют лишь звезды и созвездия, наиболее заметные на северном небосклоне: Плеяды, Большую Медведицу, Орион (точнее — только его Пояс), Млечный путь, Полярную звезду и Венеру. Именно эти объекты используются крестьянами и охотниками для ориентации во времени и пространстве ночью. Большинство знающих астрономы отмечают возможность определять время по положению Большой Медведицы и Пояса Ориона, ориентироваться по Полярной звезде и Млечному пути. Характерно, что ориентация во времени направлена на выполнение сельскохозяйственных работ: движение по небу Большой Медведицы и Ориона осенью диктует начало молотбы ранним утром. Аналогично отмечается и восход Венеры утром (ср. название Молотильная звезда для этого объекта звездного неба).

Вместе с тем астрономию приходится рассматривать как исчезающую из севернорусских говоров: число носителей языка, помнящих названия объектов звездного неба, на русском Севере невелико, при этом большинство вообще отрицает факт существования астрономии, передки и случаи, когда информанты, помня астрономы, уже не могут соотносить их с объектами звездного неба. Это позволяет говорить об астрономии как архаическом пласте русской ономастической лексики и заставляет думать об особой важности исследования образных астрономических номинативных единиц.

Специфичность объектов звездного неба требует особой тщательности мотивировок сообщаемых информантами названий, что весьма облегчает работу по выявлению истоков астрономической образности.

Сферы образного отождествления в астрономии русского Севера представлены следующим образом.

I. Человек	
Женщина	Бабы (Плеяды)
Голова	Звезда-головушка (Венера)
Палец	Палец (?), Моисеев Палец (?) (Большая Медведица), Моисеевы Пальчики (Плеяды)
Старик	Старикова Тросточка (Пояс Ориона)
II. Семья	
Семья	Семейка (Плеяды?), Попова Семья (Плеяды),
Мать	Матушка (?)
Брат	Братки (Плеяды)
Сестра	Семь Сестер (Плеяды)
III. Дом и двор	
Матница	Матница (Млечный Путь)
Гряды*	Небесная Гряда (Млечный Путь)
Стол	Столовые звездышки (?)
Стул	Стул, Стульчик (?)
Рукомойник	Рукомойка (?)
Коромысло	Коромысла (Млечный путь), Коромысло (Большая Медведица, Пояс Ориона, Кассиопея, Близнецы), Господние Коромысло (Пояс Ориона)
Ковш	Ковш, Ковшик, Большой Ковш (Большая Медведица), Малый Ковш (Малая Медведица), Попырька (Большая Медведица)
Кувшин	Кувшин (?)
Ложка	Ложка (Большая Медведица), Поваренка (Большая Медведица)
Кузов	Кузов (?)
Решето	Решето (Плеяды)
Сито	Сито, Ситечко (Плеяды?)
Солонка	Солоник, Солоничка, Уточка *** (Плеяды)
Лапоть	Лапоть, Лапоть с дыркой, Чухонский Лапоть (Плеяды)
Тросточка	Старикова Тросточка (Пояс Ориона)
Ключ	Петровы Ключи (Плеяды)
Метла	Метла (?)
Безмен	Безмен (?)
Аршин	Аршин, Аршинчик, Аршинница (Пояс Ориона)

*Если допустить связь с *гряды*, *грядка* «палка, подвешенная перед печью, на которую вешают различное тряпье для хозяйственных нужд или для просушки».

** Попыря «деревянный ковш»

*** Ср.: уточка, утушка «солонка в форме утки».

Клушка, насадка	Курица с цыплятами (Плеяды), Куриное Гнездо (?)
Лук	Луковка, Грездень, Гряздок (Плеяды), Ботун (?)
Лошадь	Горбатый Мерин, Горбатый Конь с Телегой (Большая Медведица)
Повозка	Воз, Повозка, Горбатый Конь с Телегой (Большая Медведица)
Дуга	Дуга (Большая Медведица)
Ось	Ось (Полярная звезда, Большая Медведица)
Улей	Улей (Плеяды)
IV. Деревня	
Улица	Улица (Млечный Путь)
Колодец	Колодец (?)
V. Поле, луг	
Кол	Кол, Небесный Кол, Прикол (Полярная звезда)
Дорога	Дорожка, Тропа (Млечный Путь)
Сток	Оржанные Промежки (Пояс Ориона)
Стожар	Стожар (Полярная звезда), Стожары (Плеяды, Большая Медведица, Пояс Ориона)
Укладка снопов	Грудки (Плеяды)
Грабли	Грабли, Грабельцы, Зубья (Пояс Ориона)
Молотило	Кичига, Лосева Кичига (Большая Медведица), Кичиги (Пояс Ориона, Большая Медведица), Молотило (?), Приуз (?)
Сerp	Сerp (Большая Медведица)
Лен	Куколек (Плеяды)
Косарь	Косари (Пояс Ориона? Кассиопея?)
VI. Окружающая природа	
Животные:	
волк	Волчиха, Волчихи (Большая Медведица), Волчий Хвост (Плеяды)
голубь	Голубиное гнездышко (Плеяды)
гусь	Гусиный Путь, Гусиная Дорожка (Млечный Путь)
заяц	Зайчик (Большая Медведица?)
змея	Змея (?)
лось	Лось, Лосиха, Лосева Кичига (Большая Медведица), Лосиные Рога (Большая Медведица?), Лосье (Лосиное) Гнездо (?)
медведь	Медведь (?), Медведица (?), Медвежья Лапа (?), Медвежье Гнездо (?), Мсвежья Голова (?), Медвежатники (Большая Медведица)
мышь	Мышины Тропки (Млечный Путь)
оса	Осье Гнездо (Плеяды)

птица	Птичий Путь, Птичий Полаз (Млечный Путь)
соловей	Соловьиное Гнездо (?)
утка	Утка (?), (Большая Медведица), Утиное (Утичье) Гнездо (Гнездышко) (Плеяды)
лапа	Медвежья Лапа (?)
рог	Лосиные Рога (Большая Медведица)
хвост	Волчий Хвост (Плеяды)
гнездо	Гнездо, Гнездышко, Утиное (Утичье) Гнездо, Птичье Гнездо (Плеяды), Лосиное Гнездо (?), Медвежье Гнездо (?), Осье Гнездо (?), Соловьиное Гнездо (?)
охота	Медвежатники (Большая Медведица), Путик (Млечный Путь)
Растения	Материала нет
Неживая природа	Коряга (Пояс Ориона), Кочка (Плеяды)
VII. Внешний мир	
Царь	Трицарь, Три царя (Пояс Ориона) Крест Ивана Великого (?)
История народа	Батыева (Батеева) Дорога, Мамаева дорога, Становище, басурманское становище (Млечный путь), Крест Ивана Великого (?)
Религия	Крест, Животворящий Крест, Петров Крест (?), Петровы Ключи (Плеяды), Моисеева Дорога (Млечный Путь), Моисеевы Пальчики (Плеяды), Моисеева Палица, Моисеев Палец (?), Ковчег (?), Гроб (?), Попова Семья (Плеяды)
Искусство, фольклор	Кашеговы Зубы (Пояс Ориона)
Экзотические реалии	Павлиний Хвостик (?)

Обратимся к анализу представленного материала. Прежде всего необходимо отметить, что даже крайняя ограниченность числа объектов номинации (как уже подчеркивалось, число астрономических объектов не превышает десяти, даже если признать, что некоторые из названий связаны с неизвестными науке объектами звездного неба) не препятствует привлечению достаточного набора образов, связанных со всеми выделенными общими сферами отождествления. Вместе с тем наполненность разделов и детализация образных представлений внутри каждого из них весьма неодинакова.

Можно оценить как недостаточно активные в номинации собственно антропоморфические образы. В частности, нет пространственного воплощения образа человека (ср. *Бабы, Семь Сестер, Братки, Матушка* и др.): связанные с образом человека названия ориентированы на установку звезда — человек, созвездие — группа людей. Другими словами, образ человека оказывается не организующим, а сопутствующим общему направлению познания, хотя элементы образной организации в названиях, связанных с образной сферой «Человек», все же есть: модель пове-

дения человека воплощается в астрониме, отождествляя характер организации звезд в созвездии и особенности поведения той или иной социальной группы людей: звезды сгущены — *Семья, Бабы*; звезды выстроились в ряд — *Косари*, звезды идут неровной дугой, ломаной линией — *Медвежатники*. Обращение к образу человека может служить и выражению признака яркости — *Три Царя, Матушка*, где вновь используется антропоморфический образ, а персонифицируется определенное социальное положение. Аналогичный характер работы образа находим и в названиях, связанных с представлениями о частях тела, ср.: *Моисеевы Пальчики* — сгущенность звезд, *Звезда-головушка* — яркость, особое, главное положение на небе.

Таким образом, в основе астронимов лежит не образ человека, а образ отношения. Такое ограниченное использование собственно антропоморфических образов можно признать спецификой славянской астронимии: у северных народов, а также германцев и древних греков пространственный образ человека во многом определяет общую картину звездного неба. Греческий *Орион*, германский *Himmelsjager* «небесный охотник», чукотский «охотник-кривоспинник», очевидно, также арабский «великан» (ср. *Бетельгейзе* «плечо великана»), везде соотносены с одним из самых заметных созвездий северного полушария, оказываются образным фокусом картины небесной охоты. Славянская система объектов звездного неба не включает в себя созвездие в целом, ограничиваясь выделением либо только Пояса Ориона, либо Пояса и одной из звезд верхней (реже — нижней) части созвездия [см. подробнее об этом: Рут, 1987, 34, 37—38]. Такое невнимание к Ориону обусловлено, очевидно, оседлым, земледельческим укладом жизни славян, не нуждающихся в подробной детализации звездного неба. Сказалось здесь и важное для земледельца свойство объекта: Пояс Ориона используется как ориентир во времени поздним летом и осенью — в период наиболее интенсивных земледельческих работ. Насущная потребность в знании Пояса Ориона и необязательность восстановления всех деталей очертания созвездия определили отсутствие Ориона в системе знаний славян о небе и, следовательно, исключили из картины звездного неба объект, наиболее вероятно отождествимый с образом человека в силу своей конфигурации. Появление названия *Kosiarz* «косарь» — Орион у поляков, а также у балтийских народов является, возможно, «земледельческим» вариантом германского образа «небесного охотника».

Однако возможно и иное объяснение: пространственный образ человека не обладал у славян и, в частности, у русских активностью в познании мира, а отождествление с человеком как «предметом» было не свойственно их номинативной деятельности. Другими словами, славяне «не увидели» созвездие Орион, потому что не искали на небе человека (см. также далее гл.3 настоящего раздела и гл.2 разд.III).

Изначальное отсутствие места приложения конкретного пространственного образа затормозило развитие образного отождествления в дан-

ной сфере. Отсюда невозможность разработки деталей образа. Тем показательнее детализированные образные номинации, которые все же имеют место.

Во-первых, характерно использование именно образов «голова» и «палец»: очевидно, при разработке образной ономастологической модели номинативно активными оказываются представления о самых активных деталях — в данном случае таковыми, без сомнения, являются голова и руки (пальцы) человека. Использование образа «палец», «пальцы» тем более красноречиво в указанном смысле, что сама реалья даст весьма небогатый материал для отождествления, в какой-то степени даже противоречащий образу (в звездном скоплении Плеяды не пять звезд, а гораздо больше, причем отчетливо видно по крайней мере семь). Можно предположить, что это неполное соответствие диктует варьирование образа «пальцы»/«палец», однако отказаться от номинации по выбранному направлению языковой коллектив все же не захотел. Представляется, что есть смысл говорить об известной заданности, обязательности образов сферы «Человек» в номинации: они, хоть и в малом количестве, возникают даже там, где для их реализации нет особых объектных посылок. Скорей всего, эта заданность идет от древних мифологических моделей, которые уже не получают чувственно-конкретной поддержки в непосредственном опыте номинатора, но «работают» по традиции, хотя и отчасти переосмысленной.

Обращая на себя внимание параллелизм образов «братья», «сестры», «семья» — здесь видится отражение народного представления о семье как прежде всего о многочисленном потомстве (ср.: *семейный лук*, а также слово *семейный* в значении «многолюдный» — Даль, IV, 174).

В целом нельзя говорить о продуктивности использования образов рассматриваемой сферы отождествления, а также сферы «Семья». Вместе с тем характерно, что общая модель в данном случае работает даже тогда, когда называемые объекты не вполне отвечают возможностям прямого отождествления. Выбор образов-конкретизаторов здесь идет не от реально видимых свойств объекта, а в значительной степени от статуса образа в общей образной системе. В этом сказывается, на наш взгляд, отсубъектный элемент образной номинации.

Наиболее насыщенной оказывается сфера отождествления III — «Дом и двор», а также сфера V — «Поле, луг». Надо отметить, что разграничение этих сфер весьма условно: сферы «Дом и двор» — «Деревня» — «Поле, луг» как бы перетекают одна в другую, связываясь через объединяющие образы: «кормысло» — «колодец»; «лошадь» — «дорога», «улица»; «лук» — «лен» и т.п.

Однако используемые образы не составляют единого изобразительного ряда, т.е. картина звездного неба в астрономии не выстраивается в единую картину из жизни народа, как это происходит, например, у чукчей [Богораз, 1939] или тюрков [Абишев, 1949]. Так, при наличии целого ряда названий из образной системы «изба, дом» (*Матница*,

Столовые звездышки, Стул, Рукомойка) нет целостного образа дома, обозначаемые объекты не связаны между собой. Аналогично — «улица», «колодец», «коромысло» (названия *Коромысла* и *Улица* даже дублируют друг друга для Млечного Пути. Остатки звездного мифа славян можно обнаружить в таком свидетельстве: «... по дорози, саме в розсохах, ссть криниця — четыре зирки, а вид нейи пишла дивка з видрами — три зирки» [Манжура, 1890, 148], однако эти данные украинской астронимии, хотя и переключаются с севернорусскими *Колодец, Улица, Коромысло*, отражают, очевидно, другую образную систему).

Можно говорить о том, что сфера образного отождествления разворачивается в русской астронимии не как картина, а как определенная тематическая область, своеобразная «касса», из которой черпаются номинативные средства. В известной степени это естественное следствие малой активности антропоморфной модели — нет организующего начала целостного образного восприятия системы объектов. Характерно наличие такого образа (*Дивка з видрами*) в украинской астронимической картине.

Тематический арсенал центральных образных сфер («Дом» — «Деревня» — «Поле, луг») в астронимии достаточно широк («Дом» — части дома, мебель и утварь, одежда и обувь, предметы домашнего обихода, посуда; «Поле» — убранный, скошенный уголок, сельскохозяйственные орудия, возделываемые культуры и пр.). Однако особой разработке подвергаются не все образные модели: для дома это посуда, группа образов, связанных с лошастью; для поля — укладка сена, снопов, зерна, сельскохозяйственные орудия. Характерен осязаемый мотив урожая в названиях образной сферы «Поле, луг». Ср. отбор образов, связанных с возделываемыми растениями — *Куколек* для льна, *Луколка, Гряздок* — уже созревшие, готовые к уборке растения. Здесь видится определенная специфика русского Севера — отсутствует образ пахоты, столь, казалось бы, важный для крестьянина, находящий свое выражение, например, в донских названиях Большой Медведицы — *Чипега, Ярмо* [Миртов, 358, 374]. Вполне реально, что такая результативная направленность связана и с временем года, когда звезды наблюдаются особенно активно на Севере, т.е. осенью (весной небо часто пасмурно, летом ночи светлые и исключают возможность наблюдений за звездным небом). С другой стороны, такой подбор (вернее, выбор) образов подчеркивает важность, предпочтительность работ летне-осеннего цикла перед весенними — не случайно только работу по уборке сена и урожая называют страдой.

Обращает на себя внимание динамическая насыщенность выбираемых образов: из посуды задействованы ковш, ложка, поварешка, кувшин, кузов, решето, сито, солонка — т.е. не то, в чем что-то хранится, а то, в чем обрабатывается, переносится, чем переливается, перемешивается. Ср. также: коромысло, метла, ключ, тросточка, безмен, аршин. Система образов «орудийная», это атрибуты хозяйственной деятельности, движения вообще.

Образная система «поле» в севернорусской астронимии более тяготеет к картинности, чем система «дом». Особенно это касается образа лошади, ср.: *Горбатый Конь с Телегой, Горбатый Мериш* — Большая Медведица и *Кол, Небесный Кол, Прикол*, к которому как бы привязан небесный конь — Полярная звезда. Отметим, однако, что такое истолкование образа широко распространено у тюркских народов, а у русских возникло, очевидно, не без тюркского влияния.

В плане соотношения предметных пространственных образов и образов отношений для сфер «Дом» — «Деревня» — «Поле» характерно явное преобладание целостных пространственных совмещений. В этой связи особенно показательны названия Плеяд, для которых общая модель совместности ощущается особенно сильно. Осознание этого создавая как совокупности предметов, а не единого целостного предмета есть и здесь (*Курица с цыплятами, Грудки, Гряздок*), однако ср. *Куколек, Решето, Солоничка, Луковка, Улей*. Большинство перечисленных названий интересны соединением в образе обоих подходов: решето — дырки в решете, солонка — от зрстия, в которые высыпается соль, улей — пчелы. Такая диалектика целого и дробного в восприятии ощущается и в названиях Пояса Ориона, ср: *Кичиги, Зубья*, предполагающие дробное восприятие, *Аршин, Старикова Тросточка* — целостное, *Грабли, Коромысло, Оржаные Промежки* — сочетание дробного и целостного. Большая Медведица в пределах рассматриваемых сфер отождествления последовательно воспринимается через целостные пространственные образы (*Ложка, Конь, Дуга, Повозка, Серп* и др.). Такая направленность в восприятии созвездия ощущается в сходных образах, ср.: Пояс Ориона — *Кичиги*, но *Кичига* — Большая Медведица.

Интересна метонимическая замена «человек» — «орудие» труда: *Кичиги* — три человека с кичигами, выстроившиеся для молотьбы, *Коромысло* — человек с ведрами (или два человека с ушатом). Характерно, что такая замена проявляется только по отношению к Поясу Ориона, для Большой Медведицы образ человека, даже завуалированный, исключен. Ср. также: *Лосева Кичига* для Большой Медведицы и *Старикова Тросточка* для Пояса Ориона. Возможно, отголоски антропоморфического образа для Ориона (и зооморфического для Большой Медведицы) сохраняют по инерции подобные названия.

Возникает вопрос о хронологической соотнесенности образов-предметов и образов-отношений в номинации (речь идет не о судьбе каждого образа, а о возникновении самих направлений в номинации). Предполагается, что освоение по аналогии (образы-отношения) предшествовало предметному отождествлению. Доводы в пользу такого заключения следующие: давние астронимические систем северных народов показывают, что первичное освоение неба носило характер мифологического отождествления земли и неба, при котором миф был главным объяснением всех производимых в номинации отождествлений [см.: Анисимов, 1959]. При мифологическом освоении шла подробная детализация кар-

тины ночного неба, которая, конечно, не могла основываться только на пространственных характеристиках созвездий, и отождествительная мотивировка часто отсутствовала, подыскивались аналогические образы, а иногда и аналогии отсутствовали, и связь названия и объекта держалась только на мифе. Наглядным примером такой номинации может служить изложенная В.Г.Богоразом система астронимов чукчей [Богораз, 1939, 24—25]. Постепенное освоение объектов звездного неба рождало новые образы, им соответствовали новые названия или происходило переосмысление старых. Однако модель образа отношения не могла не сохраниться в языке, поэтому названия, основанные на аналогичном приеме наложения образа, могли возникать и снова.

Образная сфера «окружающая природа» представлена практически только названиями, связанными с образами животных. В севернорусской народной астронимии нашли воплощение образы пяти диких животных (волк, заяц, лось, медведь, мышь), пять «птичьих» образов (гусь, голубь, соловей, утка и птица вообще), а также образы змеи и осы. Из них пространственное отождествление характерно для образов волка (*Волчиха, Волчий Хвост*), змеи, лося (*Лось, Лосиха, Лосиные Рога*), медведя (*Медведя, Медведица, Медвежья Лапа, Медвежья Голова*) и утки (*Утка*). В остальных названиях представления о животных выступают в качестве опосредующих.

Все отобранные народом для отождествления животные широко известны носителям русских говоров, весьма традиционны как герои русского фольклора. Собственно севернорусским образом оказывается только «лось», но зато это образ очень частотный и прочно закрепленный за созвездием Большая Медведица. Названия показывают определенную пассивность отношения человека к окружающей природе: слабо разработана тема охоты, нет образов промысловых зверей и птиц. Совсем отсутствуют образы, связанные с рыболовством. В этом отношении севернорусская астронимия оказывается традиционно земледельческой, несмотря на взаимодействие русского языка с языками народов финно-угорской языковой семьи, где охотничьи и рыболовные образы активны в астронимии (ср. фин. *Otava*, карел. *otava, odava, odama, adama*; ливв. *adam, adaman-teahli*, люд. *odam, adaman-tiahti/i/*; вод. *otava*, эст. *odav, odatus, suur-odatus* «вид ловушки на рыбу» для Большой Медведицы, ненец. *мар тэнг там пидны нумгы* «бедренная часть разделанной туши дикого оленя» для Плеяд и др.).

Астроним *Путик*, скорей всего, вторичен по образной мотивировке: это не столько самостоятельный образ, сколько развитие традиционного образа пути, ср.: *Дорога, Дорожка, Тропа*. Вторичными представляются и названия, связанные с образами неживой природы, ср.: *Кичига — Коряга, Грудки — Кочка*.

Интересно использование категориальных образов «птица» и «гнездо». Их задействованность в номинации говорит о том, что и родовые понятия имеют в нашем сознании соответствующие конкретно-чувственные отра-

жения, хотя нельзя исключить, что в данном случае лексемы «птица» и «гнездо» выступают номинативными дублетами к конкретным именованиям птиц или к словосочетаниям с конкретным указанием на принадлежность гнезда определенной птице, ср.: *Птичье гнездо — Уточье Гнездо, Птичий путь — Гусиная Дорога* и пр.

Образы внешнего мира в севернорусской астронимии несистемны. В названиях преобладает обращение к социальной традиции — библейско-евангельские образы, тема татаро-монгольского нашествия, весьма отвлеченное представление о царе (царь — как символ значительности, яркости), отраженная в сказках и лубке птица павлин, символический для русского народа образ орла. Характерно «обывовление» религиозных образов, ср.: *Моисеевы Пальчики, Петровы Ключи, Господние Коромыслице*. Можно утверждать, что звездное небо не освоено мифологически севернорусскими крестьянами. Возможно, именно эта особенность обусловила сравнительно небольшое количество мемориальных исторических названий, которые обычно складываются в астронимии по модели мифологических и — шире — религиозных отождествлений. Существующие в настоящее время астронимы свидетельствуют о слабо выраженной тенденции к эстетизации неба — скорей, ощущается сниженность целого ряда представлений, отраженных в названиях, ср.: *Горбатый Конь (Мерин), Лапоть с дыркой, Кащеговы зубы, Мышины Тропки*.

Материал показывает активность астронимических отождествлений с образами хозяйственной деятельности человека, а именно русского крестьянина. Давление «хозяйственных» установок определяет отбор образов не только в сферах «Дом» — «Деревня» — «Поле, луг», но и в сфере природы, и в сфере внешнего мира (ср.: *Лосева Кичига, Птичий Полаз, Господние Коромыслице*).

Мир, представленный в образных номинативных единицах этого класса объектов — это мир земледельца, человека, живущего под небом, как под крышей своего дома (ср.: *Матница — Млечный путь*), в заботах о воде (*Колодец, Коромысло, Ковш*) и хлебе (*Кичига, Оржанные Промежки, Грудки, Серп, Решето*). Льноводство, сенокосение, овощеводство, уход за коровой и овцами не находят или почти не находят воплощения в образных астронимах, хотя занимают в жизни северного крестьянства, пожалуй, даже больше места, чем зерновое земледелие (так же, как охота, рыболовство, лесное хозяйство). На наш взгляд, такой отбор базовых номинативных образов объясняется двумя перекрывающимися факторами: во-первых, русская астронимическая система, судя по материалу, складывалась не на данной территории, т.е. она (за некоторыми исключениями) не создана носителями севернорусских говоров, а унаследована ими; во-вторых, образная номинация — процесс, организуемый не собственно изучением свойств объекта, а выбором наиболее существенных для носителей языка сфер знания, при этом ведущим в выборе оказывается не непосредственный, а накоплен-

ный поколениями опыт. Ориентация на общенародный опыт и на общенародные ценности реализуется и через системы номинативных моделей, диктующих развитие именно этих, а не других образов: *Кичига — Приуз — Молотило, Кичига — Лосева Кичига, Грудки — Оржаные Промежки.*

Тщательность отбора стимулируется малым полем номинативной деятельности, т.е. весьма ограниченным числом номинируемых объектов. Образная номинация как бы стремится запечатлеть в названиях ядерные зоны национального опыта, определяющие в выборе направления развития знания.

Если рассматривать представленные образные астрономии в наиболее обобщенном виде, выделяется наиболее продуктивная модель «природный объект (в данном случае — объект звездного неба)» — «атрибут (продукт, орудие и т.п.) хозяйственной деятельности земледельца». Этой модели явно уступают антропоморфическая и зооморфическая модели. Такое соотношение диктуется прежде всего свойствами номинируемых объектов — их удаленностью, невозможностью реального, предметного освоения, с одной стороны, и в то же время реальной включенностью в трудовую деятельность, с другой (по звездам встают, чтобы идти на работу, по звездам определяют, что пора гнать скотину домой, по звездам предсказывают погоду на лето и будущий урожай и т.п.). Разрыв между двумя этими моментами в восприятии объектов звездного неба устраняется в образной номинации: невозможность предметного реального освоения заменяется при номинации освоением через динамичные образы человеческой деятельности.

Характерно, что в астрономии нет отмеченной З.М.Волоцкой противопоставленности неба как «чужого пространства» земле как «своему пространству» [Волоцкая, 1987], хотя ср. *Господне Коромыслице*, где такая противопоставленность все же намечена. Очевидно, в загадках существеннее роль логического, анализирующего подхода к осваиваемым объектам, в образной номинации эта тенденция к логической анти-тезе снята. В целом набор используемых образов оказывается очень близок, ср.: небо — потолок, шубенка, рогожка, корыто огурцов, репы лукошко и т.п. [Волоцкая, 1987, 254, 255]. Ср. также русские загадки, записанные на территории Архангельской области: *Раскинулась долонюшка, постелен там посадушек, да некому молачивать* (небо и звезды); *Рассыпались зернышки по всему гумну* (звезды на небе), где астрономические образы находят себе полное соответствие (характерно при этом некому *молачивать*, вновь отражающее пассивность образа человека для объектов звездного неба). Записи живой диалектной речи демонстрируют, однако, и способность к активизации иных образных моделей, не нашедших отражения в астрономии, ср.:

— *В ясную ночь звездочки видко, как бельма ниткима вышито...: где-то как яички крупные звездочки, а есть как бисером...*

— *Звездочки маленькие, в небе насажены, как грибы.*

Ср. также загадку, записанную там же: *У небесной дорожки ягодки куремками (куремок — скопление ягод или грибов)*.

Обращение к живой речи, фольклорным текстам демонстрирует, на наш взгляд, не только их взаимосвязь с моделями образной номинации, но и специфику той информации, которая заключена в астронимии, как информации, ориентированной на более традиционные, ценностно подчеркнутые области чувственно-конкретного опыта.

Глава 2. Образная номинация в антропонимии

Поскольку русский именник основан на православных святцах, образная номинация в русской антропонимии возможна лишь в прозвищах. Однако прозвища — специфические имена собственные, в которых номинативная функция ослаблена, а в ряде случаев практически сведена к нулю за счет функции характеризующей. Можно тем не менее говорить о сохранении в микроколлективах (а прозвищные антропонимы бытуют только в пределах одной деревни, села, реже — куста деревень) собственно номинативных свойств большинства прозвищ либо сохранения номинативного компонента в семантике прозвищ, по преимуществу характеризующих.

Прозвищные русские имена неоднократно становились объектом научного исследования в трудах А.М.Селищева, В.А.Никонова, Н.Н.Ушакова, Е.Н.Поляковой, З.П.Никулиной, Э.Д.Головиной и др. Разработана детальная тематическая классификация личных прозвищных имен, выявлены основные мотивировочные стимулы. Специфику образного элемента в прозвищах рассматривала З.П.Никулина [Никулина, 1980а,б]. Вместе с тем собственно номинативный аспект при изучении прозвищ обычно отходит на задний план, особенно в тех случаях, когда речь идет об образных по происхождению прозвищных антропонимах. Поэтому классификация материала для этой области образных собственных имен все же необходима.

Перейдем к описанию материала в рамках выделенных сфер отождествления.

1. Человек

Как и следовало ожидать, материала здесь практически нет. Хотя среди прозвищ встречаются номинации типа *Глиняный Лоб, Железный Нос, Кирпичный Нос, Борода*, но, судя по имеющимся мотивировочным контекстам, все они относятся к реальным предметным сопоставлениям, т.е. к метонимическим номинациям. Элементы образного отождествления есть, на наш взгляд, в названиях *Ковалек (Здоровый бугай такой)* и *Кость (Худой, маленький)*, но и здесь элемент метонимического переноса явственно ошутим. В целом же сам объект номинации не допускает приложения к нему тавтологических образов (хотя можно представить прозвища типа *Баба, Мужик, Девочка, Дочка* и т.п., но образного характера они иметь не будут).

II. Семья — материала нет.

III. Дом и Двор

Посуда, емкости	Бестерюха, Боча, Графин, Кашник, Ковшик, Короб, Котел, Детяной Кувшин, Кузов, Маленка, Пестерь, Пилик, Пиличок, Поваренка, Решето, Сковородка, Ступа, Чугунка, Шабала
Продукты питания	Булка, Вафля, Калач, Колоб, Конфетка, Куляба (плохой хлеб), Мякушка, Сковородник (круглый хлеб), Сметана, Сушки, Шаньга
Домашняя утварь	Ножик, Пахалка, Помело, Чурочка с Колоточкой
Орудия труда	Вилы, Кокоть, Лопата, Прялка, Топор, Шило
Свет, очаг	Огонь да Лучина
Одежда, обувь	Валенки, Лапоть, Упак
Хозяйственные мелочи	Банная Затычка, Вакса, Гвоздь, Кирпич, Коровье Ботало, Мыло, Пробка, Табакерка, Фунтик
Домашние животные и птицы	Баран, Борко, Бык, Кaban, Козел, Коровий Хвост, Коровье Ботало, Кот, Котейко, Кура, Мерин, Овца, Петух
Лошадиная упряжь, телега, сани	Колесо, Полоз, Хомут
Паразиты, насекомые	Клоп, Мизгирь
Огородные культуры	Моркоша, Тыква

IV. Деревья

Хозяйственные постройки	Амбар, Ветряная Мельница
-------------------------	--------------------------

V. Поле, луг

Сенокос	Кочурка. Стожар
Хлебное поле	Суслон
Лен	Ленок

VI. Окружающая природа

Животные	Бобер, Ведмедь, Волк, Воробей, Ворон, Ворона, Галка, Гоголь, Голубь, Грач, Желна, Жук, Журавль, Журавлиный Клов, Зайчик, Заяц, Змея, Болотный Зуй, Кокушка, Кулик, Лисица, Малек, Медведица, Медведь, Мейна, Мураш, Пескарь, Плишка, Поточка, Псинка, Птица, Рыбчик, Рыбус, Сокол, Сорока, Утка, Хорек, Чайка, Чижик, Чирок, Шанара, Шмель, Щука
Растения	Багулка, Верес, Комель, Липка. Орех, Пурыш, Яблочко, Яблук, Ягода
Неживая природа:	

погода	Вьюга, Зарево, Зима, Мороз, Падера, Пурга
небо	Звезда
вещество	Глоба, Камень, Кохора, Куча
Ловля рыбы	Бот, Руль
Лесосплав	Барочное Гребло
VII. Внешний мир	
Нерусские, иноземцы	Китаец, Цыган
Городские профессии	Доктор, Профессор, Терапевт
Власти	Прокурор, Прораб, Урядник
Техника	Вертолет, Радио, Телевизор
Деньги	Копейка без заду, Червонец
Меры	Десятина, Пуд, Центер
Война	Гитлер, Пулемет, Пуля
История	Гитлер, Кутузов, Чичерин
Искусство	Балалайка, Гармония, Чебурашка
Религия	Идол
Экзотические реалии	Арбуз, Камбала, Мартышка, Помидор, Тигр

Хотя классы объектов, подвергшихся номинации, в астронимии и антропонимии являются диаметрально противоположными (объекты звездного неба — природные явления, удаленные от субъекта номинации, с абстрактными внешними характеристиками; объекты прозвищного именования — люди, хорошо известные субъекту номинации, непосредственно контактирующие с ним, проявляющие при этом свои индивидуальные и социальные свойства), в целом выбор основных сфер отождествления совпадает: первое место принадлежит сфере «Дом», важное место занимают образы животных, активизировалась сфера «Внешний мир».

Обращает на себя внимание выбор «болевых точек» человеческого общения в качестве конкретных образных сфер: отношение к властям, суд, здоровье, война; в этом же русле идет отождествление с конкретными историческими личностями — *Гитлер* (символ войны, жестокости), *Чичерин* (мирные переговоры в тяжелый для страны момент), *Кутузов* (война 1812 года, одно из самых тяжелых испытаний нового времени).

Экспрессивно-оценочная функция прозвища дает себя знать в выборе: собственно языковое воплощение образной модели диктуется в конечном счете именно стремлением выразить отношение к объекту номинации, как правило, негативное, ср.: *Копейка без заду*, *Банная Затячка*, *Коровье Ботало*, *Куляба* и др.

Сферы, связанные с хозяйственной деятельностью человека («Дом и

двор», «Поле»), носят более подчеркнутый номинативный характер, чем остальные, более самостоятельны в плане выражения нового знания о предмете. В тематическом плане обращает на себя внимание гораздо более детальная разработка сферы «Дом» по сравнению со сферой «Поле». Характерно отсутствие непосредственно полевых орудий труда (ср. в астронимии *Грабли, Серп*), образа повозки. Если звезды и созвездия номинировались прежде всего через модель человеческой деятельности, причем деятельности весьма определенной — земледельческой, то человек номинируется через его жилище, наиболее тесно связанные с домом атрибуты. Косвенным подтверждением ухода от «земледельческого» типа можно считать и немногочисленные образы из других сфер «внедомной» деятельности человека: *Барочное Гребло, Бот, Руль, Вертолет*. Интересен и набор используемых при отождествлении сельскохозяйственных культур (кроме льна) — это или овощи, выращиваемые около дома, или просто приносимые из магазина (из внешнего мира). В антропонимии гораздо больше ощущается открытость образных моделей, зависимость образа от конкретной ситуации (непосредственных занятий номинатора или номинируемого, наличие тех или иных реалий в момент номинации и т.п.). Это проявляется и в перекличке многих продуктивных моделей с образной сферой «Внешний мир», ср.: *Морковь — Арбуз, Помидор; Мерин, Бык — Вертолет; Медведь — Тигр* и т.п. Продолжением «домашних» бытовых образов становятся *Радио, Вертолет* и т.п. Однако основной массив образов, связанных с хозяйственной деятельностью человека, все же опирается на традиционный уклад домашнего хозяйства русского крестьянина.

Образная сфера «Дом» разработана в антропонимах весьма разносторонне и детально — от огня в очаге до паука в углу. Выделяются и наиболее активные модели образного отождествления: «посуда», «продукты питания», «домашние животные и птицы». Рассмотрим каждую из них.

«Посуда». Эта образная модель нашла свое отражение и в астронимии, однако в антропонимии ее активность намного выше. Наряду с уже встретившимися в астронимии образными отождествлениями (ковшик, поваренка, решето) представлены все виды домашних емкостей: посуда глиняная (кашник), деревянная (бочка, маленка), плетеная (кузов, пестерь, пилик, короб, решето), металлическая (котел, сковородка, ступа, чугушка), стеклянная (графин). Отождествляемые реалии разнообразны по сфере их использования в домашнем хозяйстве: посуда для воды (графин, ковшик), для хранения продуктов (короб, бочка), для приготовления пищи (чугунка, котел, сковородка), для еды (поваренка), для обработки продуктов (ступа, решето), для прочих хозяйственных нужд (пестерь, пилик). Такая разносторонность воплощения образа заставляет сделать вывод о номинативной значимости общего образного сопоставления, общей образной модели «человек — сосуд», которую можно оценить как концептуальную: здесь обнаруживается представление о человеке воспитуемом, «наполняемом» содержанием извне, предназна-

ченном для выполнения определенной функции, своей у каждого. Такая концепция человека сложилась, очевидно, не только в силу обыденного человеческого опыта, но и под влиянием образа «человек — сосуд», распространенного в христианских текстах.

Аналогичная концепция понимания человеческого назначения сказывается и в моделях «человек — орудие труда», «человек — предмет, необходимый в хозяйстве, хозяйственная мелочь». В имеющемся материале обе эти модели реализуются, хотя и не с такой полнотой, как модель «человек — сосуд», и можно предположить, что каждая из них имеет потенции гораздо более широкой реализации, однако столь широкая представленность именно образов посуды вряд ли случайна: влияние религиозной концептуальной модели сказывается здесь с очевидной силой.

«Продукты питания». Данную группу образов также можно рассматривать как вариант реализации общей концептуальной модели, расширенное толкование которой «человек — объект (продукт, орудие) чьей-то деятельности». При такой формулировке частными реализациями модели можно пр знать и такие модели, как «домашние животные», «хозяйственные постройки». Оговоримся, однако, что выделение концептуальной модели и модели номинативной — разные стороны человеческого познания. Концептуальная модель определяет общий взгляд на объект номинации, направляет выбор сфер отождествления, которые могут совпадать с направлением концептуальной модели (ср.: человек — *Банная Затычка, Мерин, Куляба*), а могут быть ориентированы и на другие стороны предметов отождествляемой сферы: их размеры, форму, цвет и т.п.

В связи с отмеченным разграничением концептуальной и номинативной модели важно не только определить общую концепцию отождествления, но и выявить специфику развития номинативной модели. Если номинативная модель «посуда» оказывается ненаправленной, предполагающей разностороннее расширение, то модель «продукты питания» практически сводится к образу хлеба, ср.: *Булка, Калач, Калитка, Колоб, Куляба, Сковородник, Мякушка, Шаньга*. Вне образа хлеба находятся только *Вафля* (но это тоже изделие из муки), *Конфетка, Сметана, Сушик*, при этом *Сметана* — смежный образ (в полевых материалах *Шаньга* и *Сметана* — прозвища мужа и жены). Образ хлеба — специфическое для данного класса объектов (по сравнению с астронимией, где образная модель «продукты питания» вообще отсутствует) воплощение земледельческой тематики. Если в астронимии представлена модель деятельности земледельца, то в антропонимии, ориентированной на статичную, предметную образную модель, воплощением русского национального комплексного представления о действительности оказывается венец деятельности земледельца — хлеб как ее основной продукт.

«Домашние животные и птицы». В прозвищах, связанных с этой группой образов, нашли отражение практически все домашние живо-

тные, традиционно используемые в севернорусской деревне, кроме собаки. Отсутствие этого образа, конечно, может быть чисто случайным, ср. прозвищное имя *Собака* у С.Б.Веселовского [1974, 294] — правда, мотивы возникновения прозвища неизвестны. Однако видятся причины этого явления как закономерного: во-первых, закрепилось резко негативное отношение к экспрессиву *собака* в обращении к человеку — поэтому прозвище *Собака* может расцениваться только как оскорбление, без номинативного оттенка; во-вторых, характерно, что на русском Севере собака не привязана к определенному дому, она не часть домашнего обихода, как все остальные домашние животные, а существует как бы рядом, вне дома. Собака — спутник охотника, но материал показывает, что охотничьи образы не находят сколько-нибудь подробного развития в севернорусской антропонимии.

Обращение к образу домашнего животного носит двусторонне направленный характер: с одной стороны, домашнее животное — носитель определенной хозяйственной функции, своеобразное «орудие труда»; с другой стороны — это представитель определенного биологического вида, часть природы, хотя и одомашненной. Как правило, в прозвищах, основанных на образах самцов домашних животных, активизируются биологические характеристики, для образов самок — хозяйственные функции, модели поведения. Показательно при этом употребление «мужского» имени Борко по отношению к женщине.

Относящаяся сфера «Природа» представлена в антропонимии прежде всего богатейшим перечнем образов животных, охватывающем практически все разнообразие севернорусской фауны: здесь представлены звери (бобер, волк, заяц, лисица, медведь, хорек), птицы (воробей, ворон, ворона, сокол, галка, гоголь, голубь, грач, желна, журавль, болотный зуй, кукушка, кулик, плишка, псинка, рябчик, сорока, утка, чайка, чирик, чирок, шанара, гагара и просто птица, поточка), рыбы (малек, мейва, пескарь, окунь, щука), змея, насекомые (жук, мураш, шмель). Набор представителей животного мира столь велик, что отсутствие того или иного образа животного в антропонимии можно считать случайностью. Местный колорит в отборе образов очень ощутим, и это сказывается также в наличии диалектных местных названий — плышка (трясогузка), псинка (синичка), мейва (мелкая рыба), болотный зуй (кулик) и др. Ср. с астронимией, где использованы только наиболее распространенные и широко известные, освоенные фольклором образы животных, имеющих общепринятые названия.

Обращает на себя внимание, как и в астронимии, наличие образа птицы вообще (птица, поточка), а также отсутствие детализации, конкретизации образа змеи, и если в астронимии это можно было объяснить малым объемом номинируемого материала, то в антропонимии такое положение заставляет искать другие, более глубокие причины. Возможно, резкое отличие птиц и змей от человека (животные-звери осмысляются как более близкие ввиду их основных анатомических черт,

аналогичным человеческим, общей с человеком сферы и способа передвижения и пр.) превращает образы птицы и змеи в определенные образы-эталоны: птица — имеет крылья, летает по воздуху, вьет гнездо и т.п.; змея — ползает, извивается, жалит и т.п. Поэтому становится возможной номинация через соотнесение с эталоном, без дальнейшей конкретизации (хотя и конкретные образы птиц тоже весьма активны).

Широта воплощения образов животных (и шире — образов природы) в номинации человека позволяет реконструировать еще одну концептуальную модель «человек — явление природы», трактующую человека как часть природы. В рамках этой модели разрабатываются направления образного номинативного отождествления «человек-животное», «человек-растение», «человек-явление неживой природы». Выделяются и более частные образные модели — «человек-зверь», «человек-птица», «человек-рыба». Интересная модель «человек-метеорологическое явление», вобравшая в себя довольно большое число образов-конкретизаторов (вьюга, пурга, мороз, зима). Но по вполне понятным причинам модель «человек — животное» остается в рамках данной концепции главной и наиболее наполненной.

Рассмотрим подробнее модель «человек — растение», отсутствовавшую в астронимии. Среди отождествляющих образов только одно дерево — липа, отсутствуют сосна, береза, ель, т.е. самые распространенные лесные породы русского Севера (правда, отголоском образа сосны можно считать образ «комель», так как осмысление реалии в номинации — толстый, крепкий, как корень дерева — заставляет думать именно о самом мощном дереве северных лесов; в то же время контекст позволяет истолковать название как реализацию образа дерева вообще). Чисто северные реалии (багулка, верес, пурыш) сочетаются с общерусскими (орех, яблоко). Как и в астронимии, отсутствует развитие конкретных моделей «гриб», «ягода». Другими словами, модель основана на далеко не главных для севернорусского крестьянина реалиях, что свидетельствует о ее вторичности, неактивности в антропонимации. Можно утверждать, что образ леса не освоен номинативной деятельностью людей, живущих в лесу и во многом продуктами леса. Очевидно, как и в астронимии, здесь отражается традиционное для восточных славян внимание к земледельческому труду, при котором лес воспринимается как что-то неглавное, не имеющее особого значения по сравнению с полем — основным приложением сил русского крестьянина. Концептуальная модель «человек-часть природы», реализующаяся в моделях сферы отождествления «Природа», не включает в себя оттенка «человек-хозяин природы».

Модель «неживая природа» в антропонимии последовательно развивает именно мотив «нежизненности»: камень, глыба, кокора («мертвое дерево»), куча, мороз, зима — варьируются образы неподвижности, бесформенности, «застылости». Даже динамичные образы (вьюга, паде-ра, пурга) связаны с мотивом зимы, мороза.

Неожиданно отсутствие образов географических объектов типа гора, ручей, болото, а также вода, глина, тины, трясина и т.п., в которых вполне прослеживается материал для образного отождествления с человеком, ср.: человек-гора (например, прозвище *Салун-гора* в городском микроколлективе), голос, как ручеек и т.п. Объяснить незадействованность подобных образов в номинациях человека можно, очевидно, наличием концепта «человек-жизнь».

В рамках такой концептуальной модели возможно номинативное сопоставление «живое» — «живое» (человек — животное, человек — растение), возможно противопоставление «живое» — «смерть» («человек-мороз», «человек-камень»), но нет места для сопоставления живого с не имеющим отношения к живому, нейтральным по отношению к жизни-смерти. Очевидно, слабое развитие модели «человек-растение» также объясняется этой причиной: растения не представляются крестьянину живыми, одушевленными. Вполне возможно, что развитие модели «человек-предмет деятельности» просто захватывает в себя модель «человек-растение», т.е. механически расширяет круг предметов. Можно, очевидно, говорить и о том, что природа для русского крестьянина не одушевлена (животные — живые, потому что двигаются и дышат), зато одухотворена и наполнена жизнью сфера приложения его земледельческих забот — дом, поле.

Сфера «Внешний мир» занимает в антропонимии небольшое место, образы здесь не системны, случайны, обусловлены ситуацией. Обращение к экзотическим реалиям вызвано их вхождением в быт через торговлю (арбуз, помидор, камбала) или через фольклор, телевидение, кино и т.п. (мартышка, тигр). Характерно, что экзотические реалии вводятся как развитие уже существующих традиционных моделей («человек — животное», «человек — возделываемая культура»).

Практически отсутствует в антропонимии тема религии, образы суеверий. Сфера сверхъестественного явно уступает сферам быта, обыденной жизни.

Подводя итог обзору образных моделей в антропонимии, необходимо отметить, что значительность имеющегося материала, развернутость ряда образных моделей при малой активности или полном отсутствии других позволяет выделить в народной картине мира следующие концептуальные модели: «человек — часть природы», «человек — продукт (орудие) деятельности», «человек — жизнь». Эти модели не отрицают друг друга, сосуществуя в сознании народа и взаимодействуя в процессе номинации. Однако представляется, что модель «человек — продукт деятельности» возникла позднее, на стадии христианства, наложившись на старую языческую модель «человек — часть природы» и победив ее. В обеих моделях-концептах человек предстает как созерцательное, неактивное начало, как объект воздействия внешних сил. Речь, разумеется, идет не о человеке реальном, не о номинаторе или номинате, а о той концепции человека, которая существует в сознании номинатора и от-

ражается в создаваемых им названиях. Такое положение можно объяснить определенной консервативностью языкового сознания, языковой инерцией старых отработанных моделей. Необходимо учитывать и специфику номинируемой области действительности: хотя прозвища создаются не только как экспрессивно-оценочные характеристики и несут в себе определенный номинативный потенциал, заданный самим актом называния, закрепляющий в имени определенное знание, все же прозвищная номинация выявляет в человеке, как правило, косные, негативные стороны его сущности. В прозвищной антропонимии как бы отрабатывается знание о том, каким не должен быть человек. Поэтому использование в прозвищной номинации архаических концептов как бы выворачивает их наизнанку, придает им обратный смысл, отрицает их. Вместе с тем именно данные концепты диктуют все номинативные модели, в том числе и реализующие позитивное отношение к объекту номинации, и номинации чисто нейтральные.

Наличие концептуальных моделей не препятствует разнообразию разработки заданных им направлений в конкретных номинативных моделях. Ощутима ориентация на замкнутый круг домашнего хозяйства крестьянина-земледельца. Дом как мера достоинств, качеств и характеристик его владельца — эта установка последовательно реализуется в антропонимии, свидетельством чему можно считать наивысшую активность номинативной отождествляющей сферы «Дом» в антропономинации. При этом весьма примечательна ориентация не на дом как на строение, а на дом как уклад жизни, совокупность сопутствующих человеку реалий, собранных под крышей дома. В какой-то степени эта же модель реализуется и в астронимии, ср.: *Матница* — Млечный Путь, название астрообъекта разворачивает метафору «небо — крыша дома». Провищной номинации в говорах русского Севера не свойствен космизм, в ней нет гиперболически передающих размеры образов: максимальная гипербола размера — *Амбар*, в остальном образная характеристика крупных людей выражается в соотношении с реалиями небольшими, меньше человека (кузов, бочка), либо вполне соотносимыми с ним — животные, орудия труда. Такая умеренность отличает и отбор реалий для номинаций, не связанных с выражением признака размера — сопоставляемый предмет всегда соразмерен человеку. Такой подход, возможно, и определил отсутствие образов географических объектов, отсутствие образов сферы религии. Отметим, что тяготение к соразмерности человеку ощущается и в подборе образов для номинации астрообъектов, в частности, в отражении религиозных представлений — отсутствует образ бога (ср.: санскр. *divatmaja* «божественный путь», венг. *Yezus utya* «путь Христа» для Млечного Пути, герм. *Odins Wagen* «колесница Одина» для Большой Медведицы и др.), да и соотносимость с другими религиозными персонализациями (Моисей, Петр) осуществляется через бытовые реалии: *Моисеевы Пальчики*, *Петровы Ключи*.

В антропонимии, как и в астронимии, последовательно реализуется «земледельческий» тип номинации. Это сказывается и в отмеченной ограниченности масштабом дома и поля при отборе реалий для образного отождествления, и в непосредственном включении в процесс номинации образов — реалий земледельческого труда и образов — продуктов земледелия. Особенно показателен в этой связи образ хлебного изделия, весьма продуктивного в антропонимии.

Прозвища — наиболее подвижный класс собственных имен. Антропонимы этого типа возникают не в любом микроколлективе, разным оказывается отношение носителей языка к ним, возможны строгие ограничения в употреблении прозвищ. Затруднен и сбор прозвищ в полевых условиях: постороннему человеку прозвища жителей своей деревни во многих населенных пунктах стараются не сообщать. Все это не позволяет быть до конца уверенным в полном охвате бытующих в говорах образных прозвищ.

Вместе с тем экспрессивно-оценочная окраска большинства прозвищ и системы прозвищ в целом в известной степени диктует большую свободу выбора модели и материала для ее конкретной реализации. Модели динамичны, легко расширяются за счет включения в сферы образного отождествления новых реалий внешнего мира, ср.: *Вертолет, Радио, Телевизор, Чичерин, Прораб*.

Поскольку прозвища функционируют в весьма небольших, замкнутых микроколлективах, ощутимо возрастает роль индивидуального авторства для них (информанты иногда могут точно указать, кто «придумал» то или иное образное именование жителя деревни), а следовательно, и индивидуальных мотивировок образного отождествления. Даже если такая мотивировка кажется коллективу непривычной, не отвечающей свойствам объекта, она принимается как проявление ситуативной модели номинации (типа *Старик злой назвал, так все и стали звать*), без узуализации собственно образного мотива, однако может послужить в дальнейшем поводом для развития новой, уже собственно образной модели. Ср.: *Помело — Грязная такая — вот бы тебя помелом вымести, но Помело, Пахалка* — прозвища образные, предполагающие комплексную характеристику номинируемого объекта (грязная, подвижная, болтливая).

Осознание некоторой ограниченности материала и возможной неполноты охвата всех возможных моделей прозвищной образной номинации все же не дает оснований для сомнений в закономерности выделения номинативных и концептуальных моделей, произведенного на основе имеющегося материала. В пользу их достоверности говорят явные новообразования, вписывающиеся в рамки выявленных моделей, и соотносительность выводов по другим классам объектов (астронимии, топонимии), где представленность материала не ограничивается узкими рамками микроколлектива и охват его полон по всему региону.

Русская прозвищная антропонимия — сложное явление, сочетающее в себе непосредственную современность (большинство записываемых сейчас на русском Севере прозвищ возникли либо сейчас, либо в недалеком прошлом, информанты передают сведения не только о самих прозвищах, но и об их носителях, о времени и условиях создания имени, точных мотивировках, об авторе именования, о дальнейших изменениях в восприятии прозвища и т.п.) и старые традиции дохристианского именования людей по их собственным свойствам. Поэтому естественно сочетание в ней старых консервативных моделей и новых современных их конкретизаций. В настоящее время прозвищная антропономинация в говорах угасает, хотя зоны активного бытования прозвищ пока сохраняются. Так называемые школьные прозвища, изучение которых стало в настоящее время объектом пристального внимания антропонимистов [см. например: Никулина, 1980б; Сергеева, 1991], создаются по совсем иным законам, чему способствует и полный отрыв от имеющихся традиций прозвищного именования, и существенные различия в условиях жизни номинаторов, и возрастные особенности.

Глава 3. Образная номинация в топонимии

Топонимия — главный массив рассматриваемого материала (более 1 тыс. названий), выборка которого произведена из обширных картотек кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета, содержащих полевые записи русской топонимии трех областей — Архангельской, Вологодской, Костромской. Если астронимия бытует среди севернорусского населения очень неактивно, и носителями астронимов оказываются редкие информанты, а прозвищная антропонимия функционирует далеко не во всех населенных пунктах региона, то топонимия собрана путем фронтального опроса на огромных территориях. Общее количество русских по происхождению (не субстратных) топонимов оценивается в пределах 300—350 тыс. Следовательно, доля образных названий ничтожно мала и не превышает 0,5%. Такой низкий процент образных топонимов требует объяснения.

Прежде всего, топонимы именуют объекты некомпактные, протяженные, далеко не всегда воспринимаемые целостно, поэтому возможность образного предметного отождествления здесь весьма затруднена. Образная топонимия ограничивает сферу применения небольшими по размеру объектами — горами, камнями, скалами, а применительно к русскому Северу — небольшими озерами, непротяженными ручьями, компактно расположенными на берегу или краю леса небольшими сельскохозяйственными угодьями. Географические условия русского Севера таковы, что территория изобилует небольшими лесными озерами, мелкими короткими ручейками, а пожни и пашни крестьянину чаще всего приходится отвоевывать у леса и болот. Однако колхозное землепользо-

вание привело к забвению небольших старых угодий, к укрупнению и выравниванию границ лугов и полей, что, в свою очередь, повлекло за собой исчезновение многих микротопонимов, среди которых, несомненно, было немало образных.

С другой стороны, развитие образной номинации в топонимии сдерживается и тем фактом, что крестьянин оценивает топообъекты прежде всего с точки зрения возможности их практического использования, которое, в свою очередь, зависит от их собственных свойств (богатства почв, наличия зверя и рыбы и т.п.) и свойства относительных (удаленность от населенного пункта, наличие или отсутствие дороги, воды, принадлежность и т.п.). Как правило, объект, не отвечающий хозяйственным требованиям, не используется и не номинируется, если же объект приподен для обработки, то в основу названия кладется уже известный, важный для человека монопризнак: оз.Карасье, Щучье, поле Верхнее, Речное, Большое, Пал, пок. Дальняя Речка, Осинов остров, Гора и т.п.

Отмеченные факторы сдерживают развитие образной топонимации, но не исключают ее развития там, где компактность объекта и трудность его освоения сочетаются: образное название как бы снимает сложность противостояния человека и природы. Кроме того, развитию образной номинации в топонимии способствует воздействие общей модели образного видения мира, которая сильна в других сферах.

Тем не менее столь малая доля образных по происхождению названий представляется и свидетельством определенной установки на ограничение образных моделей в процессе топонимации — топонимическая система, объекты которой предельно связаны с деятельностью человека, ориентируется на номинацию по четким монопризнакам, которые в топонимии выступают как более информативные в силу односторонности требуемой информации — от топонима требуется строгое знание, а не комплексное диффузное. Поэтому «сплошной» метафоры в топонимии не бывает, хотя процент образных названий больше, например, на территории, изобилующей горами: так, в мансийской топонимии горной части Северного Урала [Глинских, Матвеев, 1975] образные топонимы составляют 3% от общего числа зафиксированных. По данным Словаря названий уральских хребтов и гор [Матвеев, 1984], среди русских оронимов — 19% образных, и даже такой «классический» тип объектов, как береговые камни, тоже далеко не всегда получает образное название. Так, среди зафиксированных Л.Г.Галушко названий камней р.Чусовой [Галушко, 1962] образные составили лишь 30%. Можно утверждать, что топонимия включает в себя метафорические образные элементы весьма избирательно, соблюдая в этом строгую меру.

Тем не менее значительность объема материала, охватывающего обширную территорию, где топонимация прилагается к бесконечному многообразию природных объектов, обладающих практической неповторимостью в плане сочетания самых различных признаков (формы, размеров, цвета почв, характера растительности, особенностей располо-

жения, условий усвоения), а также предполагающих многогранность сценок их субъектом номинации (т.е. русскими крестьянами) на протяжении нескольких веков, обуславливает гораздо большее, по сравнению с астрономией и антропонимией, разнообразие моделей и богатство конкретного их воплощения. Хотя в русской народной астрономии доля образных номинаций составляет более 80% от общего числа номинаций, а в прозвищной антропонимии — около 5%, т.е. намного выше, чем в топонимии, но широта охвата материала и многообразие микроколлективов — субъектов номинации обеспечивает именно топонимии наибольшее число вариантов разработки основных сфер образного отождествления.

Не случайно исследователи уже не раз обращались к образному топонимическому фонду. Метафора в топонимии рассматривалась целым рядом топономастов [см.: Матвеев, 1977, 1979; Матвеев, Марадудина, 1971; Пахомова, 1970; Несина, 1977; Ткаченко, 1979, 1980; и др.]. В их работах очерчен круг наиболее употребительных образных моделей, выявлены коннотативные характеристики топонимических метафор, поставлен вопрос о номинативной специфике образных топонимов, отмечены особенности системных связей образных и необразных топонимов. Однако на таком большом массиве классификация образных топонимов проводится впервые.

Необходима оговорка, касающаяся местных географических терминов, также возникших в результате образной номинации. По данным Э.М. Мурзаева [Мурзаев, 1984], существует более 100 образных по происхождению географических русских терминов, среди которых немало отмеченных именно на территории русского Севера. Некоторые из них имеют точечный ареал, другие вошли в общенародный узуз (например, нос, хребет, грива и др.). Встает вопрос о статусе топонимов, омонимичных образным географическим терминам. При его решении мы исходили из следующих положений: 1) техника образной номинации одинакова для географических классов объектов и для единичных объектов (что подтверждает и совпадение моделей номинации топонимии и народной географической терминологии); 2) образные географические термины, как правило, не имеют широкого распространения на территории, где зафиксированы образные топонимы; 3) образные топонимы, омонимичные образным географическим терминам, мотивируются информантами как образные, а не по отношению к термину. Исходя из этого, топонимы, омонимичные образным местным географическим терминам, включаются в круг рассмотрения. Исключение делалось только для тех случаев, когда географический термин широко использовался в данной местности в качестве географического детерминатива.

Сопоставление образных географических терминов и топонимов позволяет думать, что подобные термины нередко возникают как апелляция соответствующих топонимов: объект сложной формы получает образное название; если ландшафт данной местности повторяет сходную форму несколько раз, то готовый образ дублируется и возникает образный географический апеллатив. Но такие повторения весьма редки в рамках микрорегиона, поэтому и образные географические термины та-

кого рода не частотны. Зато высокой повторяемостью подобные топонимы обладают в разных (иногда смежных) микросистемах, поэтому образный квазитермин может возникнуть как межтерриториальный в речи лесосплавщиков, охотников и др. Другими словами, подобные образные географические апеллятивы возникают чаще всего не как понятийные термины, а как номинации, основанные на сходстве впечатлений от объектов. Подобный пример, как представляется, приводит М.Н.Нечай [Нечай, 1989] для топонима *Штаны* (типичного для русского Севера), который в Среднем Прииртышье стал, в силу частого повторения на довольно ограниченной территории, использоваться уже как географический апеллятив.

1. Человек

Женщина	Баба, Бабыя Ножка, пож.; Баба, поле
Старик	Старик, пок.
Тело человека:	
бок	Бокуша, гора
борода	Бородиха, лес
брюхо	Брюхан, поле; Брюшина, оз., ур., пок., поле, лес, гора
глаз	Глаз, ур., ключ; Глазки, оз.
голова	Голова, Головка, пок., поле, руч.; Голован, пож.; Головастик, пож.; Головастое, оз., бол.; Головатой, руч.; Сголовницы, Сголовные, полосы; Сголовь, поле; Сголовье, поле; Синеголов, руч.; Шестиголовое, оз.
горб	Горб, Горбы, Горбунья, Горбуша, Горбыши и др., поле, пок.
горло	Горло, бол., руч., пож., протока, поле; Горлышко, пок.; Жерло, руч., бол., яма, ур.
грудь	Титечки, пок.; Титешное, поле; Б. и М. Титка, горки
задница	Гузка, руч.; Огузье, навалок
затылок	Затылына, оз.
зуб	Зубато Поле, поле; Однозубица, пож.
кишка	Кишка, р., пож.; Кишки, пож.
колени	Коленистая, р.; Коленное Болото, бол.; Коленный, руч.; Колено, оз., пок.; Коленок, ур.; Коленце, ур.; Кривое Колено, пок.; Крутое Колено, порог.
кудри, волосы	Кудри, пок.
ладонь	Долонь, поляна; Ладощки, пок.
лоб	Лбы, пок.; Лоб, пок.; Лобан, ур.; Лобок, ур.; и др.
локоть	Локоть, оз., лес, бол., пок.
нога	Нога, пок., о-в., Кривые ноги, пок.; Ногуля, пок.; Ножка, поле, оз.; Бабыя Ножка, пок.; Ножки, поле; Коротенькие Ножки, плесо; и др.

нутро	Нутренница, Нутриешная, р.; Нутро, пок.
палец	Палец, р., пок., ур.
плешь	Павлова Плешь, Попова Плешь, пок.
пыщ, волдырь	Булдырь, гора, пок., поле; Булдырек, пок.; Буддыри, поле; Буддыш, пок.; Шишка, пок., гора; Шишки, поле, пок.
пуп	Пуп, Пупки, Пупок, Пуповина, Пупыш и др., гора, пок., поле
ребро	Ребра, поле; Ребро, наволок; Б.Ребрухи, поле
рука	Антониева Ручка, развилка дорог
сердце	Сердца, луг; Сердце, р.; Сердцево, бол.
скула	Скуловатка, оз., руч.
ухо	Марфино Ухо, бол.; Ушастик, ур.; Ушки, поле; Ушко, ур.
холка	Холки, поле
хохол	Хохолок, луг, поле
хребет	Хребет, поле, горы; Хребтиха, пок.; Хребты, поле
черсво	Черева, пок.; Череве, пок., оз.
чирей	Чирей, гора, угор
шея	Шеечное, пож.; Шеи, пок.; Шейка, пож.; Шейное, ур.; Шея, ур.
щска	Щеки, о-в, ур.; Щечки, оз.
язык	Язык, пож., гора, лог
Наглый человек	Наян, перекал

II. Семья

Мать	Матка с Батькой, пок.
Отец	Матка с Батькой, пок.; Отец-озеро, оз.
Брат	Два Брата, руч., пож.; Девятибратцы, Девять Братьев, ур.; Пять Братьев, пож.; Три Брата, пож.; Шесть Братьев, пож.
Сестра	Сестреницы, два залива рядом
Пасынок	Пасынки, Пасынок, руч., пок.

III. Дом и двор

Части дома	Гобец, омут; Окошечки, бол.; Окошечко, бол.; Окошечная Гляда, бол.; Окошко, омут; Опечек, омут; Охлупень, пож.; Печь, гора; Погреб, лог, омут; Полати, гора; Солиныша, полоса; Стена, ур.
Внутреннее убранство	Диван, Фомин Диван, поле; Зеркало, пок.; Зеркальное, оз.; Перина, дорога; Подушка, пок.; Скатерка, пок.; Скатерки, гора; Скатерти, поле; Скатерть, пок.; Гришин Стол, пож.; Второе и Первое Стуло, пож.; Сундук, пок.
Орудие труда	Веретенки, Веретешко, поле; Гребень, ур.; Коромыслица, Коромыслиха, Коромысло, поле; Ножик, пок.; Ножницы, ур.; Прялка, пож.; Бабы Трепало, перекал; Шило, мыс, пож.

Посуда

Блюдо, пок., поле, омут, ур.; На Блюде, Блюдечко, пок.; Блюдечки, оз.; Блюдце пож.; Бочка, нав.; Братыня, пож.; Бурачок, мыс; Бутылка, пок.; Бутылки, поле; Горшки, пож.; Горшок, пож., оз.; Ендова, руч., ур., пок.; Ендовище, пож.; Ендовка, луг, гора; Ендовы, пок.; Кадочка, ур.; Кашник, наволоок; Квашня, пок.; Квашонка, поле; Ковшик, омут; Коробейки, наволоок; Коробок, поле; Коробочки, ур.; Корчага, пок.; Корчажка, омут; Корчажное, поле; Кори́то, омут, пок., пере́кат; Котел, Котелок, омут; Котел, бол., ур.; Котелки, пок., поро́г; Котелок, оз.; Котельные, оз.; Котлецы, заводь, пок.; Котлы, пож.; Кринка, оз., р., пок., омут; Кринка Бездонная, водоворот; Кринки, пере́кат; Кувшин, пож., гора; Кувшинчик, о-в; Кузов, пере́кат, пож.; Лагуны, оз.; Ладейка, Ладки, Ладочка, пож.; Лохани, ур.; Лукошечный, Богат, омут; Поваренка, пож.; Решето, пок.; Рюмки, поле; Рюмочки, пок.; Скворода, Сквородка, поле, пок.; Сквородки, поле, пок., бол.; Сквородник, пок.; Сквороды, пож.; Солоник, ур.; Стопа, оз.; Стопка, гора, поле; Стопки, поле; Ступа, пож.; Ступки, ур.; Ступное, оз.; Ступы, ур.; Туеса, пере́кат; Ушатик, пож., руч.; Ушатные, оз.; Ушатный Камень, поро́г; Чарка, оз.; Чаша, омут, пож., поле, бол.; Чашевито, наволоок, Чашечка, пок.; Чашечная, бол.; Чаши, пок.; Чашка, пок., оз.; Чигунка, бол.; Чугунец, пок.; Чугунка, пок., руч., бол., лес; Чугунное, пок.; Шабала, овраг, пок.; Шайка, пож.

Продукты питания

Баранка, Баранки, поле; Белая Мука, руч.; Блин, пок., поро́г; Блини́ха, Бли́нхи, Бли́нница, Бли́нничное, Бли́нши́ко, Бли́нное и т.п., поле, пок., о-в; Брага, оз.; Булка, мыс; Витушки, пож.; Калач, поле, лес; Калачи, два мыса; Калачики, пок.; Калитка, бол., залив, пок.; Каша, сенокос; Квас, Квасник, Квасни́ха, Квасни́ца, Квасной, Бабкин Квас, руч.; Коврига, Коври́жка, пож., гора, мыс, болото, поле; Коври́жный Бугор, пож.; Колбаса, ур., пок.; Колобок, Осин Колобок, пок.; Коровая́ха, ур.; Коровай, гора, поле; Коровайчик, поле; Коровашек, поле; Коровашки, поле; Крендель, гора; Кулебака, пож.; Лепеха, Лепешки, пож.; Обьедки, пок.; Олабыш, Олабыши, пок.; Олашка, о-в; Олябыш, паш.; Пирог, о-в; Пирогы, Пирожки, поле; Пирожок, ур.; Пресной Пирог, пок.; Пряженник, пок.; Рыбники, полосы; Сахар, пруд; Сахарец, полоса; Сахарна Головка, о-в; Сахарник, Сахарница, пок.; Сахар, Сахарный, Сахаровик, руч.; Сметана, ур.; Сметанный, Молочный, руч., Шашы́га, руч., бол., поле; Шанежница, пож.; Барань Ши, руч., Яичное, поле; Яичный, луг

Одежда и обувь

Бант, паш.; Гасник, пок., наволоок, р.; Гачи, наволоок, озеро; Голенище, пок.; Зонтик, пок.; Малый и Большой Кокошник, пож.; Колпак, пож., бол.; Колпаки, пож.; Лапоть, поле, пок., оз., о-в; Лапотный, мыс; Лапоток, бол.; Лента, лес, пок.; Ленточка, яма в реке; Моршня, пож.; Обори́ны, полосы; Ону́ча, пок.; Огучка, Ону́чки, пож.; Опояска, горка; Очки, оз., пож.; Платы, Платки, ур.; Портки, Порто́чки, поле, пож.; Порто́чное, оз.

	Поршни, пож.; Ремень, пож.; Рукав, Рукава, Рукавок, пож., поле, бол., оз., р.; Самшурница, луг; Сапог, бол., луг, лес, поле; Сапоги, пож.; Сапжок, бол.; Чулок, пок.; Чулки, Чулочницы, Чулочные, пок.; Шапка, поле, пож.; Шапочка, пож., лес, угор; Шеломок, бол., поле; Шляпа, залив; Шляпное, поле; Осиновая Шляпа, бол.; Штаны, пож.; Штанины, лога, пож.; Штанный, Штанное, поле; Шубной Рукав, бол.
Ткань, лоскутки	Бархат, пож.; Лоскуты, наволок; Липаки, пок., поле; Бабкины Ряпак, участок леса; Тряпицы, пож.
Домашняя утварь, хозяйственные мелочи	Веровочка, пож.; Веровочки, пож.; Долги Веревки, пок.; Веревочный, руч.; Клин, Клинья, Клинок, Клинки и т.п., поле, пок.; Клички, ур.; Клубаки, Клубок, пож.; Клюка, Клюки, пок., поле; Костыль, пок., ур.; Кочерга, лес, Кочережное, бол.; Крюк, пок., поле; Лямка,, Лямки, пок.; Огарок, пож., бол.; Петля, мыс; Петли, пож.; Плаха, поле, бол.; Плита, омут, наволок, пок.; Проног, Пронюги, лес; Совок, пок.; Спицы, полосы; Стеклышко, яма в реке; Струны, о-в на бол.; Стырек, ур; Сумки, горка; Табакерка, пож.; Труба, бол., оз., руч.; Трубка, пок.; Трубки, поле; Черепицы, поле; Ящики, пок.
Домашние животные и птицы	Баран, руч., поле, гора; Слудка Баран, гора; Бараниха, гора; Бараньи Ручьи, р.; Бараний Рог, поле; Бараньи Рожка, Бараньи Ножки, скала; Баранья Голова, пож.; Барашек, наволок; Короткие Барашки, поле; Бурена, Бурена с Теленочком, пож.; Бык, пок., гора, поле; Быки, пок.; Быченечный, руч.; Бычишка, руч.; Бычки, пок., поле; Бычок, р., протока; Бычье Горло, руч.; Жеребенок, гора; Жеребец, пок.; Жеребчик, руч.; Кобыла, пож., р., бол.; Кобылка, р., бол.; Кобылки, пок., порог; Кобылья Голова, лес, пож.; Бурая Коза, порог; Козел, порог, руч.; Конь, пож.; Конь-болото, бол.; Конь-камень, гора; Конек, гора; Коньки, поле; Короновый язык, мыс; Коровьи Языки, ур.; Коровья Нога, ур., изгиб р.; Кошачий Хвост, пож.; Курье Гузно, оз., пож.; Курья Нога, д.; Овечка, пож.; Петух, Петушок, гора; Петушок, о-в леса; Петушок и Курочка, поле; Красные петушки, бол.; Свинья, камень в реке; Свинья в Крынке, луг; Свинчик, о-в; Свинные Обьедки, поле; Собака, пок.; Собачье Горло, протока; Собачья Голова, поле; Щененок, пок.
Паразиты	Блоха, поле; Глизда, Глиста, пож.
Телега, сани, лошадиная упряжь	Вожжа, полоска, руч.; Вожжи, поле, пок.; Кнут, пож.; Кнуты, поле; Колесо, полянка, залив, о-в; Колесник, лес; Обод, пож.; Ободницы, пож.; Оглобельники, Оглобельница, Оглобля, пож., поле; Подкова, оз.; Полос, лес; Седло, пережат, пок., бугор; Седловатый, руч.; Пашкино Седелко, поле; Седелко, пок.; Седлина, пок.; Хомут, р., порог; Хомутиха, Хомутная, Хомутная, Хомутина, поле, пок., оз., р.
Орудия труда	Лопата, луг; Лопатка, пок.; Осинова Лопатка, пашня; Лопатошные, Лопаточка, Лопатихи, Лопатницы и пр., пок., поле; Обух, Обушное, Обушница, поле, пок.; Топор, пож., бол., поле; Топорик, поле; Топорики, пож.; Топорки, пож.; Топоры, поле

Огородные культуры	Горошины, пож.; Грезд, часть д.; Луковица, пок.; Луковка, мыс, пож.; Маковка, пож.; Огурец, оз.
--------------------	---

IV. Деревня

Строения	Амбарчик, гора, каменная гряда на оз., пож.; Жерновок, гора; Колокольня, гора
Улица	Длинная улица, бол.

V. Поле, луг

Пахота	Борозда, Бороздка, мель на оз.; Борозда, руч.; Ворона, перскат; Лемежи, лес
Молотба	Кичига, Кичиги, угор

VI. Окружающая природа

Животные:

звери	Веприк, горка, пок., д.; Вепрь, гора; Волчонко, пок.; Волчьи, лес; Выдрий Хвост, пок.; Зайчики, Зайцы, Зайчиха, Зайчихи, пок.; Заяшка, о-в; Заяц, пок.; Заяц-плясун, перекат; Заячий Ушки, лог; Заячья Губа, оз., залив; Кунья Лапа, лес; Лисий Хвост (Хвостик), пок.; Лисьи Подушки, ур.; Лисьи Хвосты, пок.; Лисьи Шубы, пок.; Лоси, перекат; Лось и Лосиха, камни на реке; Медвежья Голова, пок., мыс; Медвежья Лапа, поле; Медвежья Нога, о-в; Медвежья Пасть, ур.; Мышь Стожье, ур.; Мышь Тропки, гряды над водой; Мышь Черепа, ручь.; Олений Рог, о-в, пож.; Оленич, о-в; Олень-болото, бол.; Олень Копыто, бол.; Олень Ухо, бол.; Оленьи Рога, Оленьи Рожка, луг, ручьи, лог, бол.; Оленья Нога (Ножка), бол.; Хобот, ур., р., поле и др.
-------	--

птицы	Баклан, о-в; Ворона, о-в, пож.; Вороний Нос, мыс; Воронья Лапа, пок.; Воронья Лапка, пок.; Воронья Шляпка, о-в; Гнездо, оз., пок.; Мерзлое гнездо, д.; Орлиное гнездо, ур.; Гогарий Зоб, гора; Гогарий Нос, поле; Жаворонок, руч.; Журавлиная Шея, мыс; Журавлиное Горло, мыс; Соловей, руч.; Сорочий Хвост, поле; Утка, пож., пок., перекат, часть л.; Утки, пок., полосы, лес; Уточка, Уточки, полосы; Уточкина Нога, луг
-------	---

пресмыкающиеся	Змея, р.; Змееватик, руч.; Змейка, р.; Яшерница, р.
----------------	---

рыбы	Окунь, мель на р., бол., о-в на бол.; Палтошь Звено, поле; Рыбная (Рыбья) Голова, пож.; Щука, Щуки, пок.; Щучий Нос, мыс, пок.; Щучий Хвост, ур.; Щучий Хребет, мыс; Щучки, пок.; Щучье Звено, мыс; Щучье Ребро, гора; Щучьелый Нос, поле; Щучьи Шеки, ур.
------	--

Растения	Материала нет
----------	---------------

Неживая природа:

луна (?)	Лунишки, пок.
солнце	Солнышко, пок.

река Корабли, гора, дорога; Кораблик, пок., мыс; Корабль, пож.; Палуба, пок.; Судно, ур., пок.

VII. Внешний мир

Царь У Белого Царя, Белый Царь, пок.; Лесной Царь, ур.; Дворец, пок.; Терем, гора; Теремок, пок.

Суд Тюрьма, пож.

Война Булава, пок.; Пистолет, пок.; Ружье, пок.; Сабельная, пок.; Сабельница, поле; Сабленки, бол.; Сабли, пок., поле; Сабля, бол., оз., лес

История, страноведение Алтай, поле; Америка, луг, часть д., поле, д., пок.; Амур, хутор; Арараты, поле; Байкал, оз., пож.; Вавилон, д.; Волга, руч.; Дарданеллы, залив, перекат; Дон, ур.; Дунай, р.; Иерусалим, поле, пож.; Индия, пож.; Кавказ, пож.; Камчатка, пож., поле; Карпаты, ур., бол.; Китай, д.; Крым, пож.; Кубань, поле; Ленинград, пож.; Москва, пож.; Москва Золотые Маковки, берег; Париж, гора; Питер, пок.; Гогушкин Питер, поле; Сахалин, пож., о-в на бол., часть пос.; Сахара, поле; Сибирь, поле; Турция, д.; Украина, Вторая Украина, поле; Урал, гора, дорога; Хасан, бол.; Новые Черемушки, часть д.; Шанхай, многоквартирный дом; Эверес, бугор; Япония, д.; Море, поле; Океан, пож., бол.

Искусство, фольклор Илья Муромец, наволок; Балалайка, пож., р.; Бандура, оз.; Бубен, наволок; Бубенец, Бубенцы, пож.; Бубно, пок.; Бубны, оз., поле; Гармошки, ур., лес; Гусельница, пож.; Гусельное, оз., пож.; Гусельцы, пок.; Гусли, пок., гора; Гуслия, гора

Религия Адово Болото, бол.; Адовая Курья, р.; Ады, пок.; Алтари, Алтарики, пок.; Ангельское, оз.; Бесов Мыс, пож.; Лешева Ноша, пок., Лешего Могила, ур.; Лешья Зыбка, ур.; Чертов Котел, омут; Чертов Палец, поле; Чертова Кружка, пок.; Чертова Окошко, бол.; Чертовы Кудри, ур.; Чертовы Пальцы, поче; Чертовы Портки, пок.; Чертовы Творила, пок.; Гроб, мыс; Крест, Кресты и т.п.

Деньги Алтыницы, Алтынное, поле; Гриваны, Гривницы, поле; Денежка, полоса, пок., о-в; Денежки, полосы; Денежница, пок.; Золотая Деньга, пок.; Копейка, ур.; Рублевик, пож.; Рубли, поле; Целковые, пож.

Торговля Базар, пож.

Игрушки Матрешки, пок.

Техника Аэроплан, поле; Метро, участок леса

Топонимический материал подтверждает устойчивость основных моделей отождествления, которые были отмечены для астронимии и антропонимии: здесь, как и в предыдущих двух классах имен, сохраняется приоритет сферы «Дом». Однако сферы «Человек» и «Окружающая природа (животные)» для топонимии оказываются равноценными. Более

широко, чем в ранее рассмотренных классах имен, представлена и сфера «Внешний мир».

Обращает на себя внимание высокая активность модели «часть тела человека». В топонимии представлена практически вся структура человеческого тела: голова — волосы, глаза, уши, скулы, щеки, лоб, затылок, шея; туловище — грудь, брюхо, хребет, зад; руки и ноги — локоть, колено, пальцы; внутренности — кишки, черев, сердце. Такая же разработка характерна для образов животных: здесь учтены практически все специфичные для животных (в сравнении с человеком) части тела: лапа, клюв, хвост, хобот, рога, копыто, крыло. Важны конкретизации — *Журавлиная Шея, Кунья и Медвежья Лапа, Уточкина Нога, Оленьи и Бараньи Рога, Куриное Гузно, Коровий, Лисий и Выдрин Хвост*. Хотя «поведенческие» отождествления с животными, весьма распространенные в антропонимии, встречаются и среди образных топонимов (ср.: *Заяц-плясун, Бурена с Теленочком, Змея* и т.п.), однако для топонимии более существенным оказывается структурное, формальное отождествление. Анатомия человека и животных становится эталоном, согласно которому идет познание окружающих человека природных объектов. Продолжая сопоставление топонимии и антропонимии, можно сказать, что в антропонимии действует модель отождествления с животным динамичным, «живым» (даже когда мотивом номинации становится внешний вид животного, он предстает в динамике: у медведя важнейшую роль играет особенность передвижения, у кабана — способность растолстеть, у барана — типичная поза и т.п.), в топонимии же отождествляемое животное или человек предстают статичными анатомическими фигурами.

«Анатомическое» восприятие человека и животных находит в топонимии крайнее выражение в образах внутренностей (*Кишка, Сердце, Мышь Черева*). Отточенная подробность топонимического «изучения» анатомии весьма сокращает круг животных, используемых для образного отождествления по сравнению с топонимией — исключаются животные и птицы, не обитающие на русском Севере, нет разветвленной видовой дифференциации.

Отметим, однако, что подход к пространственным (пожни, покосы, поля, болота, озера) и линейным (реки, ручьи) объектам в топонимии неодинаков. «Анатомический» подход характеризует номинацию пространственных объектов, для линейных обычно работает та же модель, что и в антропонимии. Реки и ручьи как бы приравниваются к живому, им приписывается модель поведения живого существа. Продуктивной оказывается модель «ручей — певчая птица», ср.: *руч. Соловей, Жаворонок*, аналогична номинация *руч. Бык, Бычечный*. Эта образная интерпретация журчащей воды, журчащего ручья в русской топонимии подготовлена частотными образованиями от глаголов звучания, говорения, ср.: *руч. Болтун, Брякун, Брякунец, Буркун, Воркуша, Говорушка, Плакса, Ревун* и под.

«Эталонный» подход к образу человека и животного проявляется и в образном отождествлении «соотнесенность объектов — отношения между людьми». В топонимах русского Севера в качестве отождествляющей образной сферы для этой модели взяты исключительно семейные отношения, отсутствуют образы отношений социальных, представленные в топонимии других территорий и других народов [см., например: Матвеев 1977; Березович 1991]. Возможно, здесь сказывается давление анатомической модели: активность сферы отождествления «человек как биологическое существо» не допускает притяжения иной сферы социальных отношений, кроме семейной как наиболее «биологичной».

Характерно, что целостное воссоздание образа человека в русской топонимии очень редко: единственный развернутый образ — *Баба* (выделяются ее голова, нога, грудь и т.п.). Однако образ *Бабы* (*Бабки*) опосредованно, как бы за кадром, в номинации все же присутствует, ср.: *Бабкин Квас*, *Бабкин Ряпок*, *Бабье Треполо*. Мужские образы лишены конкретной пространственной разработки: старик, царь — номинации камней, сломанного столба, т.е. аналогичны номинациям точечных объектов в астронимии (ср.: *Три Царя* — Пояс Ориона).

Совпадает с астронимиями и модель «братья (сестры)» — рядом расположенные объекты», хотя в топонимии эта модель дополнена и развита образом «отец и мать» (ср. также: *Лось и Лосиха*, *Петушок и Курочка* — модели с использованием образов людей и животных аналогичны).

В разработке моделей сферы «Дом» уже не играет роли критерий соразмерности с человеком, поэтому достаточно широк круг крупных предметов — прежде всего строений и частей дома. Сам дом как строение и помещение разработан весьма подробно: в топонимии нашли отражение главные части дома — печь, окно, погреб, стены, крыша (ожлупень), кухня (солныш), полати. «Домашние» образы в топонимии представляют дом как типичную крестьянскую избу, однако целостный конкретный образ дома в ней отсутствует, так же как и образ человека. Здесь ощущается тот же расчлененный, анатомический подход: номинатор видит дом как бы изнутри, как стройную систему образов-эталонов, комплекс которых позволяет познать любой новый предмет действительности.

Наиболее разработанными в топонимии, как и в антропонимии, оказываются номинативные модели «посуда» и «продукты питания». Их тематическая наполненность может быть признана совпадающей, хотя набор образов-конкретизаторов в топонимии гораздо шире, в антропонимии не были, в частности, задействованы такие реалии, как блюдо, блюдец, кринка, горшок, бутылка, чашка, шайка, братыня и некоторые другие. Складывается впечатление, что причины этого — в более тщательном отборе образов в антропонимии, где для отождествления с человеком подбирается образ, сочетающий в себе более сложный комплекс признаков, включающий специфику формы, функции, размерности, материала изготовления и т.п. При топонимии оцениваются лишь форма, размер и способность быть емкостью.

Большой объем материала позволяет выявить наиболее частотные образы. Для модели «посуда» в топонимии такими являются горшок, кринка, котел, чаша, сковородка, использующиеся по всей территории русского Севера. Преимущественный выбор этих, а не других образов, возможно, связан с поиском эталонов сложной объемной формы, для которых отбираются наиболее полифункциональные предметы, в которых форма становится главным представителем.

Среди образов продуктов питания, также гораздо более многочисленных и разнообразных, чем в антропонимии, снова все же главным оказывается «хлеб», причем топонимы *Коврига (Коврижка), Коровай (Коровашек)* распространены по всей территории. Для гидрообъектов характерна (но не частотна) модель «напиток», ср.: руч. *Брага, Бабкин Квас, Квас, Квасник, Молочный, Медовый*.

Модели «посуда» и «продукты питания» в топонимии как бы объединены в единый комплекс: посуда служит для отождествления объектов отрицательного рельефа (озера, низины, впадины), продукты питания — положительного (горы, холмы, возвышенности). В сочетании этих двух типов объектов — символ готовой еды, приготовленного кушанья, ср. пож. *Сковородка*, на ней горка *Пирожок*.

Менее развернута, но очень частотна в топонимии номинация через образы одежды и обуви. Номинации *Штаны (Портки, Гачи)* можно считать образными универсалиями для всей территории русского Севера. В наборе образов-конкретизаторов сталкиваются традиционные и новые представления, ср.: *Гасник, Лапоть, Моршни, Оборины, Онуча, Шамшурка, Шеломок* — и *Бант, Зонтик, Шляпа*. Новые включения можно отметить и в других моделях, ср.: пож. *Бутылки, Рюмки, Диван*, но число их невелико, а новизна весьма относительна. В целом разработка сферы «Дом» лежит строго в русле традиционных представлений о быте русского крестьянина.

Последовательно выдерживается «земледельческий» тип номинации — реалии земледельческого труда оказываются главенствующими в пределах сферы. Исключением можно считать образ корабля, довольно частотный в топонимии региона, который можно рассматривать и как дань той роли, которую играло судоходство по северным рекам в жизни крестьянина, и как определенный выход за пределы традиционных представлений.

Учет реализации номинативных образных представлений в рамках активных образных сфер «Человек», «Дом», «Природа (животные)» позволяет выделить основную концептуальную модель «природа, земля — след человека», при которой человек первичен, а все вокруг — следы его деятельности. При этом имеется в виду не человек — субъект номинации (он всегда вне концепции), а человек первый, древний, идеальный. Мифы, развивающие эту концепцию, есть у многих народов — ср. античный героический эпос, финский цикл «Калевала», мифы северных народов [Анисимов, 1959; Штернберг, 1936]. Именно эта модель «следа

героя» последовательно реализуется и в севернорусской топонимии. Однако непрекращающийся процесс номинации, идущий параллельно с процессом познания природы как системы объективно существующих явлений, диктует самостоятельный по отношению к мифу-концепту подход к образным отождествлениям. Целостный образ человека распадается, детали общей картины превращаются в модели-эталоны, каждая из которых вступает в автономные отношения с действительностью, черпая уже непосредственно из нее ресурсы для своего развития, отрабатывая новые методы отождествления. Новая независимая связь: предмет номинируемый—предмет — база номинации выводит процесс за рамки традиционных представлений узкого «домашнего» круга, характерного для топонимации, влечет за собой появление новых реалий в качестве отождествляющих. Крайним проявлением выхода номинативного процесса из сферы «Дом» представляется появление так называемых «вторичных топонимов» (типа Камчатка, Дунай), как бы приравнивающих мир номинатора к большому внешнему миру. Во вторичных топонимах модель образной номинации как бы вывернута наизнанку: не неизвестное называется через известное, а, наоборот, свое, известное получает имя чужого, малоизвестного объекта. Номинатор ориентируется при этом на объекты широко известные, но мотивирует соотнесение случайными, часто подчеркнуто индивидуализированными причинами [ср.: Отин, 1980, 1986а;б; 1991].

В севернорусской топонимии отмечены названия, в основу которых положено отождествление с 33 географическими объектами мира [ср.: Печерских, 1974, где севернорусские вторичные топонимы стали объектом специального исследования]. Это страны (Япония, Индия, Турция), края (Алтай, Кубань, Украина, Сахалин, Камчатка), города страны (Ленинград, Москва) и мира (Париж, Вавилон, Иерусалим, Шанхай), гидрообъекты (Байкал, Волга, Дон), горные системы и горы (Урал, Карпаты, Эверест) и др. Номинативное сближение может быть вызвано разными причинами: личными воспоминаниями номинатора, общими представлениями о всемирно известных центрах культуры, религии, развития сельского хозяйства и т.п. Так, номинации *Дунай*, *Карпаты*, *Хасан* отражают военный опыт жителей русского Севера, топонимы *Вавилон*, *Иерусалим* возникли под воздействием религиозных представлений-стандартов, названия *Байкал*, *Москва*, *Сибирь*, *Сахалин*, *Камчатка* выражают эталонное представление о красоте, особенностях климата, расположении географических объектов (самое большое озеро, самый красивый город, самый дальний край страны, богатый край с суровым климатом и пр.). Среди вторичных топонимов есть повторяющиеся на разных территориях (*Дунай*, *Карпаты*, *Сахалин*, *Камчатка*, *Индия* и др.), однако в основной массе это единичные фиксации, заслуживающие рассмотрения не как отражение общей картины мира, а как проявление определенного направления образного отождествления. Здесь приобретает значение лишь сам пречень имен (вне использован-

ных мотивировок), в котором очевидна приоритетность определенных географических имен в народном сознании.

Остальные модели образного отождествления в рамках сферы «Внешний мир» оказываются традиционными, общими с астрономическими и антропонимическими (хотя и более разработанными). Выделяется конкретная модель-образ «оружия» в сфере «Война», «музыкальные инструменты» — в сфере «Искусство», остальные образы единичны.

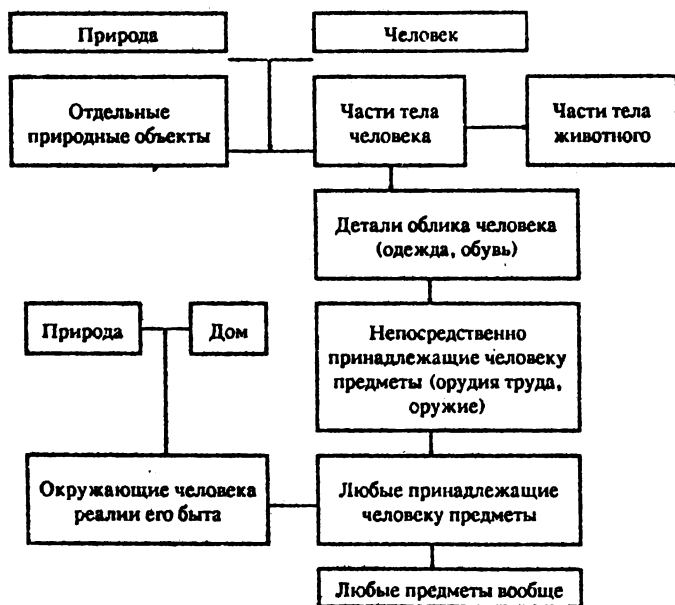
Особого внимания заслуживает сфера «Религия». В топонимии религиозные мотивы широко отражаются вне образной номинации: часты названия «по церкви», мемориальные названия типа *Богомольная гора* и т.п. [ср.: Летова, 1982]. В образной же топонимии религиозные мотивы не занимают особого места. Они либо работают на чисто оценочные характеристики (*Адово болото, Адовая Курья, Бесов Мыс, Чертовы Полосы*), либо сочетаются с бытовой образностью, без связи с мифом, причем отнесенность к религиозной сфере вновь несет на себе лишь оценочную нагрузку: *Лешева (Чертова) Ноша, Чертова Кружка, Лешева Зыбка, Лешего Могила, Чертовы Кудри, Чертов Котел, Чертово Окошко, Чертовы Творила* и т.п. В подобных номинациях мифологический персонаж как бы приравнивается к человеку в его бытовом, хозяйственном укладе, хотя и противопоставляется в оценке.

В целом можно говорить об эталонном характере образной номинации в топонимии: части тела человека и животных, предметы крестьянского быта в результате длительного процесса номинации, тщательного отбора номинирующих образов прочно закрепились как идентификаторы определенных свойств географических объектов. Многие из них получили способность служить при необходимости эталонами и определенных классов объектов — речь идет о возникновении географических апеллативов, сохраняющих свою номинативную образность. Появление подобных наименований, по функциям приближающихся к терминам, — доказательство эталонной значимости образа, его номинативных возможностей. Однако такие апеллативы весьма неустойчивы и находятся в промежуточной зоне между именами собственными и терминами.

Образная номинация в топонимии мифологична по своему исходному положению: мифом о человеке, ставшем миром, землей, водой и т.п., обусловлен подход к образному богатству, задано направление отбора в отождествлении, предполагающее расчлененное восприятие основного образа — фигуры, тела человека [ср. подобное отождествление, сохранившее наглядность в угорской топонимии: Ромбандсева, 1965; Власова, 1980]. Направленное номинативное движение образных отождествлений можно представить на схеме (см. с. 86).

Есть основания полагать, что номинация гидрообъектов шла в несколько ином направлении: особое отношение к воде как к источнику жизни поддерживает концептуальную модель «вода — живое существо», поэтому непосредственные отождествления река — человек, река — живо-

тное могут восходить к наиболее древней модели номинации гидрообъектов. Однако материал в целом показывает, что образные номинации эталонного характера реализуются и в именовании гидрообъектов линейного характера, а в пространственных гидрообъектах оказываются ведущими. Очевидно, здесь сказывается бытийный фактор: в хозяйственной деятельности крестьянина озеро приравнивается к сельскохозяйственному угодью, в то время как реки и ручьи сохраняют известную отстраненность, самостоятельность в этом плане, они только как бы сопутствуют хозяйственной деятельности. Поэтому в образной номинации с ними соотносятся и более самостоятельные образы-олицетворения.

Отметим, что образная номинация в топонимии отражает устойчивые установки, ориентированные на усвоение новых реалий для образного отождествления — поиск новых образов продолжается. В известной степени это может быть связано с тем фактом, что укрупнение сельскохозяйственных угодий, отмена частного землепользования резко сократила число микрообъектов, которые, как уже было отмечено, являются основным полем приложения образной номинации природных объектов. Названные социальные процессы существенно затормозили процесс топонимии вообще — в настоящее время новые топонимы на территории русского Севера возникают крайне редко, а многие старые забываются. Возможности же образной номинации сократились катастро-

рофически, и это приводит к быстрому исчезновению, угасанию старых образных номинативных моделей. К этому необходимо добавить, что применение техники резко меняет рельеф даже тех угодий, которые продолжают разрабатываться, что приводит к утрате объективных оснований исходной мотивации образных названий, а следовательно, к искажению первичной образности или к полному забвению ее.

Прогрессирующая тенденция к утрате традиционных моделей топонимии в целом и образной прежде всего негативно сказывается на процессе искусственной топонимии, получившей широкое развитие в советскую эпоху. Изучение и осознанное использование исторически сложившихся образных топонимических моделей — важный шаг на пути оптимизации искусственного топонимизирования [ср.: Матвеев, 1974; Иванова, 1977].

Образная номинация именами собственными по данным севернорусских говоров реализуется в значительном количестве конкретных образных моделей, вписывающихся в рамки семи основных сфер образного отождествления: «Человек», «Семья», «Дом и двор», «Деревня», «Поле, луг», «Окружающая природа», «Внешний мир». Эти семь сфер характеризуются различным уровнем активности в образной номинации, однако для всех классов объектов, рассмотренных в разделе, неоспоримым следует признать приоритет сферы «Дом» и весьма слабую активность сферы «Внешний мир».

Астронимия, антропонимия и топонимия на территории русского Севера обнаруживают четко прослеживаемую общность в отборе отождествляющих образов как в плане совпадения наиболее продуктивных моделей, так и в плане существования конкретных идентичных образов. Иллюстрацией высказанного утверждения может служить следующая таблица:

Образ-модель	Конкретные реализации образных моделей		
	астронимия	антропонимия	топонимия
«Женщина»	бабы	—	баба
«Мужчина»	старик	—	старик
«Семья»	мать, братья, сестры, семья	—	мать и отец, братья, сестры
«Части тела человека»	голова, палец	—	голова, палец и т.п.
«Строение»	колодец	амбар, ветряная мельница	амбар, дворец, терем
«Части дома»	матница	—	охлупень и т.п.

«Мебель»	стол, стул, рукомойка	—	диван, стол, стул
«Домашняя утварь»	коромысло, метла	помело, пахалка, ножик	коромысло, сундук, ножик и т.п.
«Орудия труда»	кичига, грабли	вилы, лопата, топор, прялка, шило	кичига, лопата, топор, прялка, веретено, шило, ножницы и т.п.
«Посуда»	ковш, поварешка, решето, солоник, кувшин, кузов	ковш, поварешка, решето, кашник, кузов, короб, котел, бочка, сковородка, ступа, чугунка, шабала	ковш, поварешка, решето, солоник, кринка, кашник, кузов, короб, котел, бочка, сковородка, ступа, чугунок, шабала
«Продукты питания»		булка, калач, калитка, колоб, шаньга, сметана	булка, калач, калитка, колоб, шаньга, сметана
«Одежда, обувь»	лапоть	лапоть, валенок	лапоть, штаны, сапог и т.п.
«Домашние животные, птицы»	конь, мерин, курица с цыплятами	мерин, кура, петух, кот, кабан, боров, баран, овца, бык, коровий хвост, козел	конь, курочка и петушок, кошачий хвост, свинья, баран, овца, бык, корова, корова с теленком, коза, козел
«Воз, упряжь»	телега, повозка, дуга	хомут, полоз	хомут, полоз, вожжи, оглобля и т.п.
«Стог»	стожар	стожар, ксчурка	—
«Укладка снопов»	грушка, промежки	суслон	—
«Дикие животные»	волчица, волчий хвост, зайчик, лось, лосиха, медведь, медведица, птица, утка, змея, мышьи тропки, соловьиное гнездо	волк, заяц, лисица, медведь, птица, утка, ворона, гагара, журавль, змея, окунь, сорока, щука	волк, заяц, лисий хвост, лось, лосиха, медведь, утка, ворона, гагарий зоб, журавлиная шея, змея, мышьи тропки, мышьи черева, окунь, соловей, сорока, щука
«Растения»	луковка, грезд, куколек	морковь, ленок, багулка, верес	луковка, грезд
«Социальные отношения»	царь, поп	прокурор, прораб, урядник	царь, поп

«Оружие»	—	пулемет, пуля	пистолет, ружье, сабля
«Музыкальные инструменты»	—	балалайка, гармошка	балалайка, гармошка, бубен, гусли и т.п.
«Религиозные образы»	крест	—	крест
«Деньги»	—	копейка, червонец	копейка, алтын, гривана, денежка, рубль и т.п.

Можно говорить о том, что номинация объектов звездного неба, географических объектов и человека в говорах русского Севера имеет единую образную номинативную базу, единство которой обеспечивается и общими, и конкретными образами совпадающих сфер отождествления. В этом видится наглядное подтверждение тезиса об исключительной роли отсубъектной направленности при образной номинации. Установка номинатора при этом предполагает обращение к наиболее близким ему сферам и прежде всего к собственному дому, продуктам собственной деятельности, наиболее известным человеку животным, растениям. Направленная образного отождествления очерчивают круг, ограничивая поле номинативной деятельности крестьянина его собственным миром, за пределы которого выхода практически нет. Даже религиозные представления, образы фольклора, которые, несомненно, играли огромную роль в духовной жизни русского человека, не становятся ведущими в процессе познания действительности и не включаются в замкнутый мир образной номинации.

Такая специфика севернорусской образной номинации ощущается особенно наглядно, если сравнить ономастический материал русского Севера и данные ономазиологических экспериментов по номинации собственными именами различных объектов (минералов, тканей, смоделированных созвездий, фотоизображений географических объектов — в этом последнем случае использованы данные Т.А.Гридиной: Гридина, 1977), которые проводились среди горюжан — представителей интеллигенции и учащейся молодежи г.Свердловска.

Далее приводятся полученные названия в порядке убывания частотности общих образных моделей (при этом даются только сами образы, а не их конкретные реализации в названиях — фиксация всех названий заняла бы слишком много места). Образы, совпадающие с образами народной номинации в ономастике русского Севера, выделены. В персень включались лишь те материалы, которые не являлись продуктом условной или символической номинации.

Неживая природа: айсберг, барханы, бережки, болото, бугор, бура, весна, ветер, вечер, вода, водопад, волна, восход, вулкан, гейзер, глина, гора, град, гроза, дождь, дубрава, дюны, закат, зарница, зоря, засуха, звезда, земля, иней, искра, капля, кочета, коралл,

космос, кочки, лава, лед, ледник, лес, лето, луг, лужайка, луна, луч, льдинка, малахит, метель, метеоритный поток, молния, море, небо, ночь, облака, огонь, озеро, океан, осень, песок, плазма, плато, полюшко, поляна, прибой, пурга, пустыня, радуга, разлив, ракушка, река, роса, ручеек, северное сияние, скала, смерть, снег, снегопад, снежинка, солнце, сосулька, степь, тайга, тина, туман, тучка, утро, холм, цунами, шторм.

Животные: аист, акула, бабочка, белка, белый медведь, бобер, буйволица, верблюд, ворон, выхухоль, гидра, голубь, грач, гусь, дикобраз, динозавр, единорог, ежик, енот, жаба, жираф, жук, журавль, зверь, зебра, змея, зубр, ихтиозавр, кит, коала, кобра, коршун, косатка, крокодил, крот, крыса, ласточка, лебедь, ленивец, летучая мышь, лиса, лось, лягушка, мамонт, махаон, медведь, медуза, морская звезда, морской еж, морской конек, мотылек, носорог, нутрия, ондатра, осьминог, павлин, пантера, паук, пеликан, пингвин, ползучее животное, пони, птица, рак, рыба, рысь, светлячок, селезень, скорпион, слон, сова, сойка, спрут, страус, стрекоза, тигр, трясогузка, тюлень, удав, улитка, утка, цапля, чайка, червь, черепаха, электрический скат, ястреб, ящер, ящерка.

Растения: абрикос, астра, бамбук, банан, белая акация, белый гриб, береза, боярышник, брусника, бутон, васильки, вишня, гвоздика, гранат, гриб, дерево, ель, камыш, кашка, княженика, колокольчик, корневище, красноголовик, лепестки, листья, лопух, малина, мимоза, мох, незабудки, одуванчик, опенок, орех, осина, пальма, плесень, роза, ромашка, рябинка, ствол, сибель, сучок, тополь, трава, тростник, тюльпан, хвоя, хлопок, хризантема, цветок, яблоко, ягода.

Человек: альпинист, Арзель, атлет, баба, близнецы, богатырь, богиня, богомалец, брат, бритоголовый, великан, велосипедист, викинг, вождь, всадник без головы, герон, гиом, гоцик, дед, джигни, Дон Кихот, женщина, звездочет, здоровак, исполнитель, калека, клоун, купец, лектор, Лемешев и Штоколов, либерал, мать, Могол, молящийся, монах, Мономах, мотоциклист, мудрец, мужик, мужчина, мушкетеры, мыслитель, негр, Нефертити, олимпиец, охотник, пловец, подружки, последний из могиан, предки, Пьеро, разночинец, ребенок, римлянин, рыцарь, сектант, семейка, сестры, сирота, скороход, Снегурочка, снежный человек, солдат, старик, страж, сыщик, толстяк, тореодор, уса́тый, фашист, хан, хан Батый, хозяйин, царевна, царь, цыганка, Чебурашка, человек, человечек, шут, эмбрион человека.

Части тела человека и животных: бивень, бородавка, веши, волосы, глаза, голова, горб, грешбощ, грудь, губы, запылок, зуб, клык, клюв, кожа, кровь, кулак, лапа, лицо, морда, нога, нос, палец, пасть, переносица, перья, профиль, ребра, рог(а), рука, усы, хвост, челюсти, череп, чешуя, шерсть, шея, шкура.

Дом и другие строения: арка, бастион, башня, Вестминистер, витражи, ворота, дом, забор, замок, избушка, карусель, каток Медео, качели, колодец, Кремль, крепость, купол, Ласточкино гнездо, лестница, мельница, монастырь, далатка, Пизанская башня, пирамида Хоопса, стена, столб, Тауэр, терем, тоннель, форточка, хижина, частокол, шатер, юрта.

Посуда: бутылка, ваза, ковш, корзина, котел, кубок, кушвин, поварешка, чайник, чаша, черпак, чугунок.

Продукты питания: балык, белковый крем, борщ, дюшес, желе, коврига, кондитерское изделие, конфета, кофе с молоком, красная икра, креветочное масло, леденец, манная каша, мармелад, молоко, мясо, пенка, рафинад, сало, сахар, слоеный торг, соль, томатный соус, халва, холодец, шаньга, шоколад, щербет.

Одежда, обувь: бантик, башмак, берет, ботфорт, буденовка, веер, венец, головной убор индейца, каска, киргизка, кокошник, коляк, корона, кссынка, кружева, папах, пилотка, платье, сапог, сомбреро, тиара, тупей, туфель, шапка, шлем.

Мебель: зеркало, ковер, обон, одеяло, стол, стульчик, табуретка, шкаф.

Ткани, материалы: атлас, бархат, вата, велюр, войлок, джинсовая ткань, замша, парча, плюш, поролон, ткань.

Орудия труда: гончарный круг, коромысло, молот (ок), пила, плоскогубцы, серп, топор, шило.

Поле: копна, скошенная трава, снопы, солома, стог, хлебное поле.

Лошадиная упряжь: подкова, седло.

Домашние животные: баран, бык, вол, конь, корова, кот, котенок, кошка, лошадь, овца, пес, петух, поросенок, свинья, собака, такса.

Культурные растения: кукуруза, лен, мак, морковь, подсолнух, помидор.

Прочие предметы быта: бисер, бревно, бусинки, весы, вилка, губка, иголки, известка, кирпич, клин, ключ, колышек, конверт, краска, лучинки, мочало, мыло, наждачная бумага, песочные часы, помада, расческа, рыболовный крючок, синька, стекло, труба, утюг, чемодан.

Средства передвижения: бригантина, вертолет, дельтоплан, катер, ковер-самолет, корабль, ладья, лодочка, парашют, парус, парусник, ракета, самолет, эсминец; дороги, лыжня.

Музыкальные инструменты: балалайка.

Война: арбалет, бумеранг, истребитель, кинжал, копье, лук, нож, пика, сабля, стрела, трезубец.

Кроме того, в номинациях широко отразились образы искусства (часть этого материала включена в сферу «Человек», см.: Ариэль, Дон-Кихот, гном и др.), но основанные на них номинации тяготеют к символическим, поэтому к рассмотрению не привлекались.

Приведенный материал показывает, что прежде всего в корне изменилось соотношение основных направлений номинации, т.е. основных семи отождествляющих сфер. Главенствующее место в номинациях принадлежит сфере «Внешний мир», она диктует подбор образов-конкретизаторов в каждой из моделей. «Домашние» образы отступили на задний план, и речь идет не о малой доле образов крестьянского быта, что было бы естественно для горожан, а об отсутствии образов быта городского как активных средств номинации.

Самыми частотными оказываются образы неживой природы, среди которых немало экзотических (ср. айсберг, барханы, вулкан, гейзер, дюны, комета, коралл, метеоритный поток, северное сияние и т.п.). Ориентация на экзотику ощущается и среди образов животных (ср. гидра, дикобраз, динозавр, единорог, кит, коала, кобра, крокодил, мамонт, медуза, осьминог, ящер и т.п.), аналогичный подход ощущается практически во всех выделенных моделях.

Вместе с тем среди экспериментальных номинаций немало и основанных на традиционных образах. Процент совпадений составил около 22%. Интересно, что материал позволил выделить сферу «Поле» и единственным отраженным в экспериментальных номинациях музыкальным инструментом оказалась традиционная балалайка, а образная модель «посуда» почти целиком построена на традиционных образах. Отметим, однако, что такое совпадение не вытекает из общности народной карти-

ны мира и представлений испытуемых — для городской молодежи многие традиционные реалии оказываются как раз экзотизмами. Следовательно, здесь можно говорить о традиционном «субстрате» в современных окказиональных моделях.

Представляется, что коренное отличие общей концептуальной установки номинаторов-испытуемых и номинаторов-крестьян русского Севера — это главный фактор противостояния материала: для русского крестьянина основной оказывается установка на собственный опыт, у испытуемых — на чужой, на некое общее совокупное знание, которое усвоено не в процессе личной деятельности, а опосредованно, через книги или средства информации. Для номинатора-крестьянина характерна установка на традицию, для испытуемых — на ее нарушение, на поиск нового, нестандартного. Для создателей севернорусской ономастики важно чувственно-конкретное знание предмета, для городского жителя — обьем умозрительного знания.

Показателен в этом плане и эксперимент, поставленный М.В.Голомидовой [Голомидова, 1987] и предполагающий создание окказиональных названий естественных географических объектов (проведен во время одной из топонимических экспедиций на Урале). Участниками эксперимента стали члены экспедиции, т.е. люди, хорошо знакомые с традиционными моделями топонимации. Приведем все образные окказиональные топонимы, созданные испытуемыми: *Бумеранг*, о-в; *Верблюдик*, гора; *Виктория*, луг (стоит тополь с развилкой буквой V); *Вилы*, участок берега; *Груша*, залив; *Грязное Копыто*, лужа; *Гусиный След*, старица; *Двугорбая*, гора; *Детская Неосторожность*, луг; *Джунгли*, участок берега; *Змеиный Хребет*, гора; *Зубастый*, участок дороги; *Кавардак*, луг; *Карась*, гора; *Китовая*, гора; *Коготь*, мыс; *Лапа*, коса; *Лягушечья Пятка*, лужа; *Мамонт*, поляна (она же *Носорог*, *Слон*); *Медвежий Хребет*, гора; *Непотопляемый Авианосец*, отмель; *Нос*, мыс; *Одинокая Берта*, поляна; *Палец*, коса; *Партер*, луг; *Подкова*, старица, залив; *Растрепан*, гора; *Сапог*, залив; *Серпик*, курья; *Спина*, гора; *Сторож*, поле; *Тонзура*, гора; *Три Богатыря*, гора; *Улыбка Великана (Людоеда)*, гора; *Хамелеон*, гора; *Шляпа*, гора; *Язычок*, гора. Можно говорить о столкновении в материале трех тенденций: ориентации на собственный чувственный опыт, следование (возможно, и неосознанное) топонимической традиции, и, наконец, весьма частотный выход в сферу экзотики. Причем в такой ситуации экзотические и традиционные образы фактически уравниваются: серп или медведь освоены конкретным практическим опытом субъекта номинации ненамного лучше или так же), чем, допустим, бумеранг или хамелеон. Номинативные образы теряют в современной номинации свою чувственно-конкретную силу, они становятся схематичными отголосками чужого знания.

Подобный процесс ощущается как реальный не только в экспериментально организованной номинации. Аналогичные результаты дают наблюдения А.К.Матвеева за процессом топонимации, разворачивающейся в

ходе реального освоения местности микроколлективом, в составе которого находился и он [Матвеев, 1986а, 1991]. Среди созданных номинаторами немало чисто ориентирующих, но образные номинативные единицы оказываются, как правило, за кругом и непосредственной деятельности номинаторов-охотников (но ср. необразные топонимы той же условной системы — *Глухариная Горка*, *Толина Просека*, *Пыхтун*, в которых эта деятельность находит отражение), и их профессий — в названиях *Затерянный Мир*, *Потусторонний Мир*, *Затерянный Мир*, *Чистилище*, *Райское Кольцо*, *Кольцо Нибелунгов* не задействованы лингвистические, физические, философские предметные сферы, хотя таковы научные специальности номинаторов. Можно, очевидно, говорить о внешнем следовании прежним номинативным моделям, хотя материал для их наполнения черпается сейчас уже из другого источника.

Процесс переосмысления традиционной установки начался и в естественно складывающейся народной номинации — появление антропонимов *Чичерин*, *Кутузов*, *Гитлер*, топонимов *Япония*, *Турция*, *Индия* и под. об этом свидетельствует. Для узуальной топонимии развитие новой номинативной установки диктуется нередко деятельностью топографов, геологов, в чьих первоименованиях реализуется именно «экзотический стандарт» образной номинации. Ср. оронимы *Лев-гора*, *Шпили*, *Русский Шатер*, *Снежная Церковь* в топонимии Алтая [Чернышова, 1988], а также топонимы северных районов Дальнего Востока: *Абориген*, гора; *Аида*, руч.; *Альбатрос*, руч.; *Атлет*, руч.; *Бараний амфитеатр*, кратер; *Викинг*, руч.; *Гном*, руч.; *Голубой Грифон*, гейзер; *Дашла*, руч.; *Икар*, руч.; *Леда*, руч.; *Сольвейг*, руч.; *Сфинкс*, мыс; *Чук и Гек*, два озера и т.п. [Леонтьев, Новикова, 1989]. Подобные названия нередко оказываются символическими или чисто отсубъектными, однако в них закладывается и образная комплексная информация об объекте, организованная в рамках уже не практического опыта, а эрудиции номинатора.

Переход к новому, «внешнему» типу образной номинации в известной степени обусловлен растущей ролью субъекта как главного компонента номинативной ситуации. Объем общего накопленного знания снижает информативную значимость образных номинаций в отобъектном плане, однако повышает потребность в информации о субъекте. Необычность образного воплощения знания говорит о специфике знания номинатора о мире и, следовательно, характеризует его как личность. Образная номинация внешнего типа как бы вбирает весь мир в индивидуальность субъекта, открывая эту индивидуальность миру через название. Однако возможность такого открытия прямо связана с раскодированием образной мотивировки, а она нередко оказывается весьма индивидуально изощренной, не расшифровывается и, следовательно, объективно должна быть оценена как информативно пустая. Современная искусственная номинация использует по преимуществу

новый, внешний тип, поэтому нередко созданные образные названия обречены на неудачу в своем функционировании.

Отметим, однако, что выход в сферу общего знания у номинаторов современности нередко имеет опорой традиционную образную модель, что сам субъект номинации может и не осознавать, ср.: руч. *Жаворонок, Соловей* — и руч. *Аида, Далила*; оз. *Сестреницы* — и оз. *Чук и Гек*. Специфика воздействия традиционного подтекста нового номинативного типа требует своего изучения.

Возвращаясь к севернорусской образной номинативной модели, отметим, что ее можно охарактеризовать как практическую, т.е. основанную на практических знаниях субъекта номинации, замкнутую, автономную, т.е. ограничивающуюся кругом быта субъекта номинации, «земледельческую» по преобладающей тематике образов-моделей, объектно ориентированную, т.е. нацеленную на воплощение в номинации прежде всего свойств объекта. Номинацию нового типа можно соответственно охарактеризовать как умозрительную, открытую, тематически свободную, субъектно ориентированную.

Традиционная севернорусская модель может быть также охарактеризована как концептуально обусловленная, т.е. отражающая народную картину мира определенной эпохи. Рассмотрим подробнее это положение.

В ходе анализа были выявлены исходные мировоззренческие установки, которые оказывают влияние на процесс номинации, хотя сам субъект номинации этого и не осознает. Так, анализ образных антропонимов проясняет исходную установку «человек — продукт человеческой (внечеловеческой) деятельности», основанную на религиозном мировоззрении средисековой Руси. Анализ топонимического материала дает возможность утверждать, что существует также установка «природа — след человека, его воплощение», которая определяет антропоморфический принцип номинации, развивающийся далее как антропосоциальный. Совмещаются с перечисленными и установки на тождество человека и животного мира, на модель «мир—дом». Выявленные на основании анализа русского ономастического материала, данные концептуальные модели — каждая сама по себе — не представляются специфичными именно для него. Однако соотношение перечисленных моделей в процессе номинации определяет специфику русской номинативной модели.

На наш взгляд, материал демонстрирует следующее сочетание концептуальных моделей, определяющее национальный тип общей образной картины мира: центральное положение занимает концептуальная модель «мир—дом», ограничивающая поиск образных номинативных моделей кругом домашних предметов, орудий труда и продуктов деятельности крестьянина-земледельца. Такой подход преломляет модель «человек—животное», вычленив из нее и развивая вариант образа «домашнее животное», в котором закрепляется социально направленная характеристика человека, не ограничивающаяся констатацией внешних

биологических черт. Трансформируется и модель «природа—воплощение человека», приобретаая вид «природа—поле хозяйственной деятельности человека», вызывая к жизни многократно реализующиеся номинативные модели типа «объект природы—объект хозяйственной деятельности». Мотив «внешнего хозяина», присутствующий в моделях-концептах «человек—продукт деятельности» и «природа—след человека», исчезает, концептуальный образ творца приобретает черты, близкие субъекту номинации. Формируется образ, адекватный носителю языка, но отстраненный от него. Эта отстраненность находит выражение в образах «старик», «баба, бабка», представленных в астронимии и топонимии. Возможно, специфическим выражением такой отстраненности можно считать образ «царь». Реализацией этого мотива представляются и многочисленные топонимические легенды: *Старик шубу потерял, У бабы корова сбежала, Старики, видать, пашню разрабатывали* и т.п.

В настоящее время, когда номинативный процесс в севернорусской ономастике угасает, образ «старика», «стариков» охватывает и сферу самой номинации, ср.: *Старики называли, Старики почто-то назвали*.

Русская образная ономастическая номинация, реализуя модель «мир—дом», закрепляет в образных ономастических картинах патриархального крестьянского быта—многодетная семья, богатый стол, главное место на котором занимает хлеб, полный скотины двор, разнообразная домашняя утварь, поле, уставленное укладками снопов и стогами сена, амбар, наполненный зерном.

Оттесненные на периферию, модели «человек—животное», «природа—человек» проходят стадию механической переработки, превращаясь в номинативные модели-эталоны.

Практическая направленность основной концептуальной модели подавляет исходные мифологические установки, снижая их, давая им бытовые мотивировки. Севернорусская ономастика практическая свободна от религиозной окраски.

Выделяемые в материале концептуальные модели позволяют предположить следующий ход развития номинативных установок в севернорусской образной ономастике: исходная общая номинативная модель была основана на мифологической картине мира, где главенствующими были антропоморфические и зооморфические образы, отражающие языческое отождествление природы и человека, космологическое по целивой направленности [ср.: Топоров, 1982, 10 и след.]. Разработка этих исходных образов шла в направлении все большего учета хозяйственной, практической деятельности человека, в результате чего модель «природа—человек» постепенно приобретала вид «природа—результаты хозяйственной деятельности человека», при этом потребность в детальной разработке образных сфер дробила и расчленяла общую космологическую картину, превращая ее в набор гносеологически важных эталонов. Христианизация привела к уничтожению концептуальных ос-

нов исходной мифологической модели, и уже выработавшиеся на основе последней образы-модели продолжили свое развитие чисто автоматически. Номинативная деятельность оказалась в известной степени оторванной от модели мировоззренческой, что привело ее к консервации. Статичность системы образной номинации в севернорусской ономастике лучше всего подтверждается практически полным отсутствием в ней собственно северных, новых для русского крестьянина сфер образного отождествления.

В настоящее время трудно говорить о проявлении новых тенденций в севернорусской ономастике: старая номинативная система разрушается, базы для возникновения новой практически нет.

РАЗДЕЛ III. ОБРАЗНАЯ НОМИНАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗНЫХ ОНОМА

Имена собственные, будучи индивидуализированными именованиями объектов действительности, не связаны напрямую с понятийным языковым содержанием, а потому в процессе функционирования оказываются более динамичными в плане вхождения в узус. Там, где апеллятив проходит длительный путь становления понятийного наполнения его лексического значения, имя собственное является в языке как условный знак конкретного единичного предмета, категориальной характеристикой которого язык уже обладает. В этом смысле ономастическая номинация всегда вторична, и поэтому общие критерии оценки ее пригодности существенно снижены.

Результаты образной номинации в ономастике имеют свою судьбу в узуализации, отличную от необразных номинативных единиц. Понятийное значение производящего слова, обладающее идентифицирующей конкретностью, причем конкретностью, относящейся к иной, чем для объекта номинации, предметной сфере, создает вокруг образного имени собственного определенный ономасиологический фон, преспятствующий восприятию данного онома как чисто условного индикатора единичного объекта. Номинативный образ относится к слову и диктует потребность разгадки причин номинации, причем при каждом новом употреблении имени образ оказывается своеобразным раздражителем, вынуждающим вырвать имя собственное из текста и как бы повторить заново процесс номинации. В этом отношении образное имя собственное в большей степени, чем необразное, сближается с апеллятивами, поскольку в образном онома явственнее понятийный компонент его семантики, освещенный чувственно-конкретным смыслом номинативного образа—отражения «нашего знания о некоторых признаках [в этом случае о комплексном признаке.—М.Р.] данного объекта» [Воробьева, 1971, 5].

Заново отработанная ономасиологическая образная модель обогащается новыми оттенками воплощения образа в номинируемом объекте, а это, в свою очередь, вносит коррективы в дальнейшее разворачивание номинативного процесса в пределах данной модели, т.е. в пределах заданной сферы отождествления. Не случайно так часто отмечаемые исследователями случаи «образного притяжения» новых номинаций, возникающих по реально существующим или народноэтимологически переосмысленным образным моделям, для смежных объектов.

Аналогичные процессы, сопровождающие факты предикатной номинации именами-идентификаторами классов объектов, как уже упоминалось, подробнейшим образом исследуются в лингвистике текста и художественной стилистике. «Пульсация» же образной номинативной модели в ономастике изучена слабо. Между тем специфика ономастического варианта функционирования образной номинативной единицы, когда в зоне «напряжения» [Foss, 1966] или «взаимодействия» [Black, 1962] оказываются задействованы не столько понятийные семантические сферы, сколько чувственно-конкретные образы двух объектов, связанные в номинации интуитивным побуждением номинатора, заслуживает подробного изучения. Его задачам и подчинены главы данного раздела. Проблемы функционирования образных номинативных единиц рассматриваются в трех аспектах: образная номинация и мотивационное значение узуализированных образных номинативных единиц; образная номинация и проблема освоения традиционных образных моделей; образная номинация и проблема заимствования образных моделей.

Глава 1. Образная номинация и мотивационное значение образных номинативных единиц

Имя собственное возникает, как правило, в индивидуальном речевом употреблении, которое часто не осознается носителем как собственно номинация. Нередки свидетельства информантов: *Он [имярек] как-то сказал, все так и стали звать*. Естественно, что факт усвоения окказионализма в качестве номинативной единицы зависит нередко просто от авторитета первономинатора в микроколлективе. Но в большинстве случаев правомерность употребления данной номинации проходит проверку многими ситуациями повторной мотивировки в многочисленных мотивирующих контекстах.

Различные классы имен собственных предоставляют разные возможности для наблюдения за встречным движением процессом мотивации и номинации. Поэтому имеет смысл рассмотреть соотношение номинации и мотивации для образных именований астрообъектов, человека и географических объектов отдельно.

Астрономия

Как уже отмечалось, астрообъекты — сложно воспринимаемое явление действительности: удаленность, невключенность в материальную, «вещную» жизнь человека затрудняет ориентацию среди них в ночном небе. Для русских людей затрудненность эта осложнена малой освоенностью звездного неба, выделением на нем лишь нескольких объектов,

что, в частности, исключает возможность ориентации по смежным объектам. В таких условиях образ, заключенный в астрониме, становится главным инструментом отыскания созвездия на небе.

Инструментальная функция образа диктует его постоянную включенность в языковую деятельность носителей языка, другими словами, образ всегда осущитим в названии, что ярко проявляется в мотивирующих контекстах, ср.:

— *Бабы [Плеяды] на небе есть: звезды кучкой, будто бабы кучкой собрались сплетничать; Гряздох [Плеяды]—будто кто бросил луковку, а она разгрездилась там; Дуга [Большая Медведица]—она как хомут: пошире, потом узко; Зубья [Пояс Ориона]—как из грабель зубья в небо воткнуты; Кичига [Большая Медведица]—хвост у ней, спереди пошире, там поуже и три звезды назаде; ковшиком Кичига-то и есть; Кичига как клюшка хоккейная; Кичига как наша горбуша; Кичига идет коленом таким; Кичига [Пояс Ориона]—три большие звезды коромыслом; Кичиги [Пояс Орион]—три звездочки по палке ровно идут; Кичижка [Большая Медведица]—вои как лен молотят: три звезды как хвост, четыре как выемка; Коромысло [Пояс Ориона]—девка по воду пошла, в месяцу заблудилась; Куколек [Плеяды]—только что стебелька нет; Лапоть [Плеяды]—он на лапоть казал: сверху круглое, а снизу продолговато; Ложка [Большая Медведица]—по Ложке время определяли: как ручку повернет, вставай—у нее сперва круглое, а потом ручка; Лось [Большая Медведица] сперва как морда лося показывает, а потом один рог в сторону торчит, а второго не видно, как лосиная голова сбоку; Он [Лось—Большая Медведица] как морда лося—широкий, некрасивый; У него [Лося] два рога и хвост; Три звезды в хвосте да четыре туловище; Луковка—така кругленькая [Плеяды]; Медведица—в середине хвостик длинный такой, а со стороны лапки; Молотило [?]—звезды как молотило, черен такой, кадца и било; вначале прямо звезды, а потом било; Петров Крест—как на кладбище кресты были; Путик [Млечный Путь] теряется в небе, как путик в лесу; Рукомойка [?] как рукомойка сделана, чашечка, здесь ушки, перевесло, носочек выдан; Семь сестер [Плеяды]—звезды собрались, как девки пугливые; Серп [Большая Медведица]—в полукружье звездочки, а потом ручка; Утиное Гнездо [Плеяды]—как утка на яйцах сидит; Много звезд, как яиц в уточьем гнездышке; Куча звезд, как утята около уточки; Как гнездышко; Утка [?]—у нее шея есть и голова; и т.п.*

Приведенные мотивировочные контексты демонстрируют, на наш взгляд, два разнохарактерных момента: с одной стороны, образ может легко и детально оживать в названии, при этом единое представление об отождествляемом предмете непротиворечиво членится на представления об отдельных его частях: молотило—кадца и било; рукомойка—чашечка, ушки, перевесло, носик; серп—полукружье, ручка; кичижка—хвост и выемка и т.п. С другой стороны, образ может становиться поводом для разнообразных образных параллелей, порой непрямо связанных с ис-

ходным, запечатленным в названии представлением: семь сестер—девочки пугливые; гряздок—луковка разгрездилась; утиное гнездо—утка на яйцах сидит; кичига—ковшик, хоккейная клюшка, коса—горбуша.

Оба момента демонстрируют номинативную активность образа в названии, его генерирующую силу. И если факты первого ряда свидетельствуют об опущаемом информантами полном наложении образа на объект, что порождает новые, окказиональные или входящие в узус названия частей созвездия (ср., например, астроним *Хвост*), то во втором случае мы сталкиваемся с осознаваемым несовпадением названия и существующего образного представления об объекте. Это проявляется в нескладываемости образа в целостную картину, нередко отмечаемой информантом: лось—рога и хвост; медведица—лапки и хвост и т.п., либо в поиске другого, тематически смежного (*У медведицы восемь звездочек в одном месте, она фигурой вроде воробья*) или дистантного (*Кичига вроде хоккейной клюшки*) представления.

Оба случая номинативно активны, поскольку в результате создается база для новых номинаций. Русская народная астронимия, освоившая очень небольшое количество объектов звездного неба, накопила богатый арсенал образных названий — до 90—100 для каждого созвездия. Причины такого невероятного изобилия номинативных вариантов и дублетов кроются в постоянном поддержании ономастологической активности астронимических образов как условия нормального функционирования астронима. Постоянное мотивирующее языковое окружение астронима становится генератором новых образных ситуаций и новых образных названий.

Мотивирующие контексты обнаруживают и еще одну особенность функционирования образных астронимов: одно и то же образное название одного и того же объекта может иметь существенно отличающиеся мотивировки, ср.: *У Медведицы... хвостик—две звезды—и бюст, а морды не видать—бай, зверек какой: головы нет, одна фигура кругом идет; У Медведицы голова и туловище, а лап нет; У нас Медведица токо была, она время указывала, у ее морда и лапы, бай, три, бай, четыре, не считала я, а хвоста нет; Медведица круглая, звезды большие на голове и маленькие на хвосте; Как я разумею, там морда одна—ни лап, ни хвоста, глазок тоже не видно, а у медведя глазки маленькие, пошто и звездок таких нет.* В приведенных контекстах варьируется воплощение в созвездии образа зверя: есть хвост—нет хвоста, есть морда—нет морды; есть лапы—нет лап и т.п., однако во всех случаях наличие осознание мотивированности заключенного в названии образа. Ср. также мотивировки названия Лось, приведенные ранее. Подобная множественность интерпретаций говорит об одном из главных достоинств образной номинации—ее мотивационной гибкости, позволяющей не только номинатору, но и любому носителю языка произвести успешную операцию по наложению номинирующего образа на объект.

Такая вариативность образных мотивировок может, однако, вступать в противоречие с языковой формой—самим названием. Тогда появляются новые номинативные варианты воплощения одного и того же образа, ср.: *Лось—Лосиные Рога, Медведь, Медведица—Медвежья Лапа, Медвежья Голова*. Новые названия получают новые образные мотивировки и могут даже соотноситься с другими объектами звездного неба. Рассмотрим несколько подобных случаев.

Утка, Уточка, Утиное Гнездо. Последнее название наиболее часто. Согласно утверждению А.Подвысоцкого, астроним *Утиное Гнездо* проник в севернорусские говоры из ненецкой астронимии (подробнее об этом см.гл.3 настоящего раздела), поэтому можно, очевидно, считать, что именно этот астроним был первым в выделенном номинативном ряду. Ранее уже приводились мотивирующие контексты (как *утка на яйцах, много звезд, как яиц в утичьем гнездышке, как гнездышко*), дающие три варианта образа-картины: «утка в гнезде», «яйца в гнезде», «гнездо»—утка то становится главным элементом картины, то вносит дополнительные коррективы в образ (именно утиное гнездо), то исчезает вообще. Совершенно иную интерпретацию того же названия дает мотивирующий контекст *куча звезд, как уята вокруг уточки*, где компонент названия «гнездо» реализуется через образ выводка птенцов (ср. также *Курица с цыплятами* и *Куриное гнездо*). Разные варианты истолкования образа порождают номинативный вариант *Утка*, образное наполнение которого, судя по мотивирующему контексту (*у нее шея есть и голова*), уже не совсем обязательно включает в себя образ гнезда или образ выводка. Появление параллельных названий, сходных по образной интерпретации, приводит к смене объекта у нового названия (скорей всего, в настоящее время астроним *Утка* тяготеет к обозначению Большой Медведицы). Возникает фрагмент образной картины, связь двух объектов: *Утка—Утиное Гнездо*. С другой стороны, для нового астронима *Утка* вполне закономерен дублирующий номинативный вариант *Уточка*. В севернорусских говорах эта лексическая единица служит обозначением плетеного из бересты солоника с деревянной пробкой в форме утиной головы. Закономерно развитие *Уточка—Солоник, Солоничка*, подкрепленное наличием общей продуктивной модели «посуда».

Кичига, Кичиги. Образ трех участников молотьбы, стоящих в ряд с кичигами в руках, подкрепленный помимо расположения звезд на одной прямой и внешним моментом—положение именно данных звезд утром указывало время начала молотьбы—закрепился за созвездием Пояс Ориона в варианте *Кичиги*. Разработка образа в мотивирующих контекстах привела к усилению образа собственно кичиги, т.е. палки особой формы (ср.: *Три звездочки по палке ровно идут*), который вскоре был совмещен с более подходящим по конфигурации объектом—Большой Медведицей (кичига не прямая, а изогнутая палка) — в варианте *Кичига*. Функционирование мотивирующих контекстов, активизировавших

образ этого типа молотила, привело к развитию смежных образов — «молотило», «приуз», которые также воплотились в новых астрономических названиях. С другой стороны, образ палки, оказавший влияние на варьирование образа «кичиги» — «кичига», нашел новую реализацию в названиях *Аршин*, *Аршинчик*, *Аршинница*, возможно, *Безмен* и *Коряга*. Отметим также возможность воздействия на развитие образа палки для пояса Ориона названий *Коромысло* и *Старикова тросточка*, от образного отождествления с кичигами не зависящих.

Грездень, *Гряздок*, *Луковка*. В имеющихся контекстах каждый из астрономов мотивирован самостоятельно (*Луковка* — «кругленькая», *Гряздок* — «луковка разгрездилась»), однако наличие образа луковницы в мотивирующих контекстах астронома Гряздок заставляет сделать вывод о производности второго астронома. Отмеченный автономный мотивировочный контекст — попытка поиска новой мотивировки (скорей всего, индивидуальная).

Таким образом, в астрономии образный характер астрономов не исчезает в процессе узуализации, а постоянно поддерживается в языке, о чем говорят записи севернорусской диалектной речи. Устойчивое сохранение образности астрономов, диктуемая потребностью в инструментальности названий объектов звездного неба, поддерживает постоянную активность номинативного процесса, обеспечивает возникновение все новых и новых номинативных единиц, способствует номинативной детализации объектов, т.е. появлению названий их частей, мотивированных образом объекта в целом: *Плеяды* — *Гряздок*, *Луковка* — *Альциона*.

Во многих говорах утрата интереса к звездному небу приводит к забвению связей образа и объекта, образа и названия, что влечет за собой разрушение древней астрономической системы. Характерно, однако, обилие окказиональных образных номинаций-сравнений даже в тех случаях, когда информант просто даст целостное описание звездного неба, заранее признавшись, что названий отдельных объектов он не знает, ср.: *Ране звездок больше было: была кучка такая кружком, была крестиком, а то были звездки, как лягушачий крек, пятошками такими все, вгустую, меленьки такие, как поварешек густо их* [очевидно, имеется в виду Млечный Путь]; *Еще, бывало, пройдут полоской, неровно так, как кружком...; А еще разные фигуры на небе кажут: где — как кустичками, крупинками, где-то кругло, а прямо не бывает, все фигурой какой.*

Астрономические контексты вообще нагружены образностью: нередко информант дает сразу цепь образов, из которых второе звено уже не носит метафорического характера, а как бы развивает еще одну возможность образного именования объекта: *Сяди видно Осьи Гнезда, кучкой звездь, как ситьево, меленьки-меленьки* (ср. астроном *Сито*).

Можно говорить о мотивационном значении как обязательном компоненте семантики образного астронома, условия существования и данного конкретного астронома, и астрономической системы в целом.

Антропонимия

Антропонимы-прозвища, как показывают наблюдения, редко реализуют свои мотивационные значения в тексте: как правило, они употребляются либо чисто номинативно (*Сорока в магазин вчера приходила; У Барана сын вернулся; Пускай у Вафли ночуют* и т.п.), либо с запланированной экспрессивной оценочностью, большей частью негативного характера (*Ничего не понимает, его и зовут Кувалдышем; Когда похорошему, дак Козлом не назову, а как поругаемся, дак все Козел*). Собственно образная информативность проявляется в антропонимах лишь при специально созданных условиях, например, при выяснении причин возникновения прозвищ. В этом плане существенно отличие от астронимии, где мотивировочные контексты способствуют поиску объекта, становятся фактически толкованием связи между называемым и называющим.

Приведем примеры мотивирующих контекстов для севернорусских прозвищных антропонимов:

Бестерюха — «толстая, как бестерь»; *Бобер* — «старательный, все тащил себе»; *Борко* — «толстая, неповоротливая, как боров»; *Борода* — «сам маленький, как борода»; *Бот* — «в разные стороны мотался»; *Боча* — «толстая и не шевелится»; *Булка* — «как булка белый»; *Вафля* — «толстая очень»; *Ветряная Мельница* — «куда ветер, туда и ум у нес»; *Вилахи* — «высокий, как вилы»; *Ворон* — «черный был»; *Ворона* — «рассеянный был»; *Вьюга* — «работать был — как вьюга, не поспевашь»; *Галка* — «порат головой вертела»; *Галка* — «черный и маленький»; *Гармонья* — «плохо говорила [в нос], как испорченная гармонь»; *Гвоздь* — «тощий»; *Глоба* — «глыбистый, плотный человек»; *Графин* — «маленький»; *Жук* — «черный»; *Журавль* — «большой ростом»; *Звезда* — «распущенная», ругалась, погулять любила; *Зима* — «злой, как зима»; *Кабан* — «толстый»; *Камень* — «жадный»; *Кашник* — «глупый был, глиняны мозги»; *Кирпич* — «красное лицо»; *Китаец* — «частит, не разберешь»; *Клоп* — «маленький»; *Конфетка* — «красивый»; *Копейка без заду* — «тощая»; *Котел* — «голова котлом дак»; *Кура* — «с длинным носом»; *Лисица* — «хитрая была»; *Маленка* — «толстая»; *Мерин* — «работающий»; *Моркоша* — «голова длинная была, как у моркови»; *Полоз* — «длинный, тощий»; *Поточка* — «маленькая»; *Прокурор* — «ругался со всеми»; *Прораб* — «шибко много знает»; *Пурга* — «в голове ветер»; *Радио* — «говоркая»; *Рябчиково Яичко* — «рыжий с веснушками»; *Стожар* — «высокий»; *Тыква* — «толстая»; *Утка, Шанара* [вид утки], *Гагара* — «крикливые»; *Яблоко* — «красивая была».

Приведенные контексты наглядно демонстрируют определенный отход носителей языка от исходного образного характера антропонимов: информанты ограничиваются выделением одной, редко двух характеризующих черт, образ выпрямляется до символизации одного абстрактно-

го признака, причем сфера отождествления дает направление оценке называемого объекта.

Доказательством тому, что исходное значение образного антропонима было шире, чем современное мотивационное значение, могут служить те случаи, когда мотивационные контексты для одного и того же прозвища давали разные информанты, ср.: *Утка* — а) «долгий нос»; б) «толстая да страшная»; *Сорока* — а) «порат бойкая была, ужо скачет, как сорока»; б) «у кого что вареное, у кого что печеное, все бегала»; *Сметана* — а) «белый»; б) «квельый»; *Прялка* — а) «вертится, суетится»; б) «худая»; *Пилик* — а) «лицо оспой испорчено»; б) «носик маленький»; в) «мордочка, как у пиличка, дутые губки»; *Воробей* — а) «шустрый», б) «быстрый», в) «разговаривал «ту-ту-ту»; г) «ловкой, маленькой, аккуратной»; д) «ёмок был, как воробей порхает». Последний пример особенно показателен: из разных мотивировок постепенно соберется разносторонняя характеристика человека, образно отождествляемая с воробьем, в то время как для каждого информанта (особенно для первых трех) образное по происхождению название оборачивается символическим обозначением какой-то одной черты.

Среди мотивирующих контекстов есть и такие, которые воссоздают собственно образное мотивационное значение, ср.: *Кулябка* — «неражая такая, кривая, черная вся» (куляба — «неудачный, плохой, подгоревший хлеб»); *Долгая Лямка* — «она длинная, как жердина, вот потому долгая, а «лямка» — что идет, из стороны в сторону шатается» (здесь показательно аналогичное астрономическим мотивировочным контекстам включение образа-синонима в мотивировку); *Мизгирь* — «все сплетничал, пленку свою плел» (первоначально выделен один признак, однако дальнейшее образное сравнение существенно дополняет характеризующий образ); *Дегтяной Кувшин* — «сам по себе похож на кувшин — маленький, толстый, а дегтяной — потому что сварливый»; *Рена* — «здоровый, светлый такой, волосы белые и кожа белая, ядреный такой»; *Псинка* — «хитрая была, как птичка псинка — серая, хвостик алый, маленькая, везде з берется» и т.п.

Вместе с тем мотивировочные контексты иллюстрируют характерное для прозвищ стремление к использованию в целях экспрессии символизации предмета как знака определенного качества. Ср. в связи с этим: *Бык*, *он же Цыган* (*Бык* — потому что упрямый, *Цыган* — потому что черный). В данном случае сказывается изначальная установка номинации на символизацию каждого признака вместо поиска образной номинации, представляющей оба признака в комплексе. Ср. также: *Поваренка* — «глупая, как деревянная поваренка», где важным оказывается уже не какой-либо специфический признак, а общая негативная оценка, для выражения которой сопоставление именно с данным предметом носит в конечном счете случайный характер: важно просто, чтобы сопоставляемый предмет был не одушевленным; *Кашник* — «глиняные мозги», где возможность образного истолкования в мотивировке все же остается.

Мотивировки сходных образных прозвищ наглядно демонстрируют широкие возможности образной номинации человека, ср. разные мотивировки одного и того же образа-модели по отношению к разным носителям: Ворона — а) «кудрявая-кудрявая голова, волосья все растрепаны, как воронье гнездо, вот и назвали птицей»; б) «неповоротливая была»; в) «тяжелая на слово была: накаркает что-то плохое вечно»; г) «черноглазый был, черный, кричит, тараторит без умолку»; д) «нос долгой да кричит, черная»; *Грач* — а) «черный, как цыган, был»; б) «кричит все»; *Хомут* — а) «ноги колесом»; б) «грубый был, злой».

Однако мотивировки обнаруживают и случаи, когда не вполне совмещаются или вообще не совпадают «прочитываемые» в образном прозвище одного и того же человека образы-характеристики, ср.: *Петрунька Зайчик* — а) «на зайца похож как раз: глаза большие и чуть наось»; б) «за быструю походку прозвали»; *Зарево* — а) «жаркая кровь, всегда красный ходил», б) «огненио-рыжий был». Такие случаи лишний раз подчеркивают неисчерпаемые возможности образа, его «оборачиваемость», способность отвечать разным индивидуальным восприятиям.

Среди мотивировок одного и того же прозвища встречаются и образные/необразные параллели, ср.: *Заяц* — «лесной житель» (необразная мотивировка), «глаза кружились» (элемент образной); *Волк* — «хамоватый» (образная), «он лесовал, ходил все по лесу» (символическая); *Валенок* — «без хитрости — валенок ведь самый простой крестьянский предмет» (образная), «валенки не любил носить в детстве» (ситуативная); *Мартышка* — «Мартын отец был, да и на обезьяну похож» (в одной мотивировке совмещены сразу две возможности); *Кулик* — «нос, как у кулика»; «фамилия Кулижский»; *Окуль* — «Рыбкин у него фамилия», «глаза такие пучеглазые». В подобном случае приходится, очевидно, говорить о народноэтимологическом характере образной номинации, когда уже заданный внешними причинами образ заставляет по-новому осмыслять знакомый объект.

Большинство мотивировок антропонимов носит индивидуальный, субъективный характер. Однако встречаются прозвища, которые в данном микроколлективе узусализированы именно с исходной образной мотивировкой: *Верес* — «и задеть нельзя: вспыхнет, трещит», «больно горячий, а верес хорошо горит»; *Вертолет* — «быстро ходит и все время оглядывается по сторонам», «идет быстро и все так головой вертит». Подобные примеры свидетельствуют об определенной тенденции к сохранению образности в антропонимах, хотя в целом бытование прозвища выпрямляет исходную образность, сводя ее к одному — редко двум мотивирующим признакам, что снижает собственно номинативную функцию прозвища, превращая его в прозвище-характеристику. Очевидно, именно поэтому прозвища все более сужают сферу употребления во взрослом коллективе, стремящемся к нейтральным именованиям лица [ср.: Пестерева, Рут, 1988].

Топонимия

Из трех рассматриваемых классов собственных имен топонимы в наибольшей степени склонны к превращению в условные номинативные знаки. Довольно ощутимая изменчивость очертания земельных угодий и (хотя и в меньшей степени) береговой линии озер, с одной стороны, общая тенденция к закреплению имени владельца в названии земельных участков, с другой, наконец, потребность выразить в названии такие существенные для землепользования признаки, как размер, удаленность от жилья и т.п. — все это приводит к забвению образной внутренней формы топонима. Сложные и составные топонимы типа *Березово Колено*, *Фалина Голова*, *Козьминская Голова*, *Осинови Лопатка*, *Михалевский Рог* и др. свидетельствуют о приоритете однопризнаковых номинаций перед образными и о стертости образного звучания топонимов.

Действительно, образ ничего не добавляет к уже функционирующему топониму: в инструментальности названия топообъект, как правило, не нуждается — практическое, непосредственное материальное освоение топообъектов позволяет субъекту номинации представить себе объект на таком уровне конкретного знания, который во много раз превосходит информативность образного названия. Хозяйственная значимость объектов практически исключает и возможность символического пересмысления образной мотивировки в целях придания номинативной единице оттенка экспрессии. Поэтому образное мотивационное значение у топонимов, как правило, отсутствует.

Исключения составляют номинации труднодоступных или опасных мест (перекаты, крутые изгибы реки, топкие места в болотах), которые тяготеют либо к сохранению информативной глубины образного отождествления (*Журавлиное Горло*, мыс), либо к развитию экспрессивной оценочности (*Собачье Горло*, протока). Наиболее консервативны в плане образности номинативные единицы, воплощающие в себе признак усложненной формы: *Медвежья Лапа*, *Кунья Лапа*, *Бараньи Рога* и т.п., особенно номинации, основанные на образах посуды и хлеба. Характерно, что мотивации таким топонимам информанты обычно дают не как несомненные, а как вероятностные: частотны контексты типа *наверное, на кринку похожа, видать, как коврига по форме* и т.п. — свидетельство того, что важна не столько образная информативность данного названия, а реальность существующей образной модели номинации.

Мотивировки обнаруживают и другое свойство топонимической образности — постоянное существование в сознании информантов — носителей языка ощущения возможной вариативности выражения признака усложненной формы. В контекстах постоянно соседствуют образы разных или сходных образных сфер: перекат *Кринки* — «там лыжина така зашла, как чаша»; полянка *Усиха* — «изогнулась полянка, как старухин

батога»; пок. *Вилашки* — «тут поле и тут поле, а посередке дорога, как подпор сделано»; пок. *Бык* — «высокое место, как звериная спина». Так же, как и в астронимии, мотивировочный контекст оказывается не только толкованием мотивировочного значения топонима, но и полем отработки образных моделей номинации, окказиональных номинативных вариантов, которые могли бы затем реализоваться в номинации сходных объектов.

Мотивационное значение топонима *Бык*, приведенное выше, заставляет обратить внимание на еще один аспект отражения образного конкретного чувственного представления в номинации. В образных мотивировках зооморфических топонимов нередко свидетельства об ассоциации не с целостным образом животного, а с его особенно характерной частью тела, ср.: *бык* — «горбатая спина», «узкое горло», «рога, как у быка»; *баран* — «как лоб бараний крутой», «завернулись, как рога закручены у барана»; *утка* — «широкое, плоское, как клюв у утки» и т.п. Причем подобные мотивировки встречаются и у образно тождественных им топонимов (*Бычье Горло*), и у топонимов, отражающих целостный образ животного (*Баран*, *Бараний*, *руч.* и т.п.). В таком совмещении целостного образа в названии и мотивировки «по части» видится след способности первобытного образного мышления, воссоздающего целое по его части. Подобный «левополушарный прием метонимического изображения целого через часть», допускающий изображения животного посредством изображения лишь его головы, отмечает В.В.Иванов [Иванов, 1986, 22]. Восприятие топообъекта здесь аналогично восприятию примитивного рисунка: ассоциация с мордой (спиной) медведя (вепря, коня) достаточна для возникновения в сознании чувственно-конкретного образа зверя и для появления топонимов *Медведь*, *Вепрь*, *Конь*. Аналогичным представляется осмысление в зоообразах звездного неба. Однако современное мышление постепенно утрачивает не столько способность, сколько доверие к такому восприятию — логика мышления противится возникающему несовпадению, появляются новые образные названия, отражающие представления об объекте адекватно видимому. Ср. астронимы *Лосиные Рога*, *Медвежья Голова*, *Медвежья Лапа* и т.п. Ср. также топоним *Бараньи Лобики* [Леонтьев, Новикова, 1989, 83], присвоенный ручью группой современных геологов (метонимический перенос образного восприятия долины ручья, изобилующей валунами характерной формы). Интересно в этом плане свидетельство одного из испытуемых в эксперименте Т.А.Гридиной: давая изображению горы двойное название *Баран*, *Рога*, номинатор поясняет: «Сначала бросилось в глаза сходство скалы с головой барана, затем появилась потребность уточнить, что напомнило внешний облик барана» [Гридина, 1977, 25]. Очевидно, именно такое движение мысли и ведет к активной разработке модели «часть тела человека (животного)» в постмифологической номинативной установке.

Наиболее отработанными в современных севернорусских говорах оказываются образные мотивировки речных гидронимов, ср.: р.*Косая* — «она там как пьяная идет, петляет во все стороны»; р.*Змея (Вилуха)* — «Там река выливается во все стороны, как змея ползет среди кустов»; руч. *Быченечный* — «течет «бу-бу-бу», как пчела» (последний пример интересен совпадением с исходным этимологическим осмыслением связи ре-алий — бык и пчела в славянских языках, как известно, восходят к одному корню — Фасмер, III, 416; ЭССЯ, 3, 104).

Необходимо подчеркнуть, что в целом образная мотивация, как и образная номинация, не занимает существенного места в топонимической системе, информанты тяготеют к ситуативным объяснениям соотносительности топообъекта и предмета: ур.*Белый Бычок* — «бычка увидели»; ур.*Кадочка* — «видно, кадушечка вкопана была»; ур.*Шаньги* — «убирать сено с шаньгами поехали после заговенья» и т.п. Учитывая, что большинство подобных объяснений дается очевидцами (или выдается как свидетельство очевидцев) и что наряду с ними отмечаются и образные мотивировки тех же названий, тоже опирающиеся на знания информантов о реальных свойствах объектов («круглая такая, покато» — ур.*Кадочка*; «камень белый большой, на бычка похож» — ур.*Белый бычок*; «она и правда круглая, как наши шаньги» — ур.*Шаньги*), можно предположить, что обе мотивировки — и образная, и необразная — истинны, и исходная ситуативная мотивировка послужила толчком для отбора образа. Совмещение образного и реального предметного или ситуативного в мотивировках обусловлено самой сущностью общей образной номинативной модели, нацеленной на хозяйственную, практическую деятельность человека. Мир образов и мир реалий предельно сближен и взаимообусловлен, одно рождается из другого. Представляется символичной в этом смысле мотивировка «бычка увидели» — в которой возможности образного и реального отождествления фактически уравнены.

Подчеркнем, что сами информанты образным мотивировкам предпочитают реальные и стараются отыскать их практически всегда, даже на уровне домысла: *Бараниха* — «видать, бараны там скрывались», *Гусли* — «видно, гусли когда-то потеряли». Характерен следующий текст: *Мы вот недавно смеялись, каких только назывей не было... Пашню-то поединоличному нарежут кусками разными — кто что увидит, вот и называют Царские Ворота да Золотой Якорь* — где ощущается ироническое отношение к образной модели как таковой (интересно, что приведенные названия отсутствуют в современной топонимической системе данного населенного пункта — никаких сведений о подобных топонимах не было дано и после дополнительных вопросов, на других территориях подобные номинации также не зафиксированы). Народное сознание отрицает подчеркнуто эмоционально-окрашенное образное видение, выбивающиеся из сферы привычной жизни топониминации оцениваются как «смешные». Соответствие реальности — отличитель-

ная черта, главная установка в народной картине мира, и отношение к образной номинации выверяется именно по этим критериям. Отметим, что указанная позиция ощутима не только в топонимии, но и в астрономии, а в антропонимии «высокие», внереальные мотивы оборачиваются негативными оценками.

Вместе с тем потребность в образном осмыслении действительности постоянно ощущается в речевой деятельности носителей севернорусских говоров. Продуктивные для образной номинации предметные отождествления встречаются и при описании объектов, имеющих узואльное не-образное название, ср.: «узенько болото, как вожжа какая» — бол. *Семеново*; «есь глубоко место тут у нас недалеко, *Яромна яма* званье ей, как котел она»; «в воде ямки небольшие, как мисочки»; «болото *Залозное* полукругом, полумесяцем идет»; «круглышка такая, как монетка» [о безымянном небольшом озере]; р. *Черная* — «вода как чай»; пок. *Вершинка* — «как шелковый платок раскинут» и т.п.

Эта информативная сила традиционного образа диктует в ряде случаев и устойчивые народноэтимологические переосмысления, развивающиеся в рамках общей номинативной образной модели. Показательна в этом отношении судьба топонимов *Конь*, *Кобыла*, довольно частотных для островов (леса, суши) и берегов со строго очерченными обрывистыми склонами. Образные мотивировки демонстрируют устанавливаемую ассоциативную связь между объектом и впечатлением от могучего круп, корпуса животного, метонимически разворачивающегося в образ коня. Ср. вместе с тем свидетельства о языческом обычае приносить в жертву коней именно на таких ландшафтно выделенных местах (обрывах, больших валунах и т.п.) [Мурзаев, 1984, 289]. Местные жители не хранят воспоминаний о подобных действиях, реальный мотив сменился образным.

Аналогичную оценку «лошадиных» названий гидрообъектов даст Е.С.Отин, опровергая первичность образной мотивировки для гидронимов типа *Конь*, *Жеребец*, *Битюг* [Отин, 1967, 1972]. Подчеркнем, что вторичность образного переосмысления наименования не лишает его образной силы, если это переосмысление не противоречит общему направлению образного отождествления в языке.

Подводя итог рассмотрению мотивационных возможностей образных номинативных единиц, отметим, что три класса собственных имен демонстрируют три возможных подхода к реализации образных по происхождению номинаций в процессе функционирования: для астрономии характерно сохранение образного наполнения мотивационного значения, живой связи объекта и образа, заключенный в названии образ активен и сохраняет свою относительную независимость от собственно языковой формы, становясь стимулом дальнейшего развития номинативного процесса; для антропонимии мотивационное значение основывается на выпрямлении образа, сведении его к однопризнаковой характеристике экспрессивно-оценочной значимости; для топонимии типично стремление к нейтрализации образа, снятию образной мотивировки.

Всем трем классам свойственны некоторые общие черты в осмыслении готовых образных единиц: стремление к расчленению признакового целостного комплекса, к «прослеживанию» воплощения образа в названии, попытки разворачивания синонимических образных рядов как средство более точного проникновения в смысл образа, порождающая номинативная способность мотивировочных контекстов, вызывающая к жизни новые названия объектов — тех же или смежных.

Для зооморфических и антропоморфических названий характерна общая тенденция к переходу от старых метонимических мотивировок (характерная часть тела — целостный образ) к собственно метафоре, побуждающая номинаторов либо модифицировать название (Лось — Лосиные Рога, Баран — Бараньи Лобики), либо наполнять его новым смыслом (ср. интерпретации образа лоса, медведя в астронимии).

Можно проследить некоторые параллели между направлениями мотивации в топонимии и антропонимии, топонимии и астронимии. Так, «псевденческая» мотивировка образа животного, характерная для антропонимии, проявляется в мотивировке топонима *Волчы*, лес — «там такие ели сухие, как злые, на волка похожи». Совпадают мотивации для номинации «царь» — отдельно стоящий, выдающийся объект — в топонимии и астронимии.

В целом материал демонстрирует пластичность отобранных народной традицией номинации образов-моделей, их способность отражать конкретные свойства-комплексы номинируемых предметов, сохраняя конкретную тождественность самим себе.

Глава 2. Образная номинация и трансформация традиционных образных моделей

Как уже отмечалось, образная номинация собственными именами основывается на определенных концептуальных моделях, являющихся составными картины мира определенной эпохи. Такие модели-концепты крайне консервативны, традиционны. Правильнее было бы сказать, что в рамках концептуальной модели разворачивается не сам номинативный процесс, а начальный отбор сфер отождествления и конкретных образов-моделей. Сформированная модель приобретает определенную техническую самостоятельность и в дальнейшем развивается уже не за счет динамики модели-концепта, а за счет механического расширения числа отождествляемых представлений в пределах образа-модели.

Развитие номинативной модели не могло ограничиваться только ее расширением за счет появления новых образов-конкретизаторов. Естественным этапом развития должна была стать трансформация тех или иных древних образов, возникших еще в эпоху исходной концептуальной модели. Пути таких трансформаций интересно было бы проследить в современном ономастическом материале.

Если обратиться к севернорусской ономастике, то следы трансформаций должны ожидать в рамках антропоморфической и зооморфической моделей, восходящих к древнейшей языческой концептуальной модели «природа — человек — животное». Названия, возникшие в рамках таких моделей, в принципе могут восходить к весьма ранним эпохам и сохраняться в исконном лексическом фонде. По отношению к апеллитивам высказанное положение привычно и не вызывает возражений. Однако вопрос о праславянском или даже индоевропейском наследии в ономастике обычно не ставится. Между тем представляется закономерной постановка проблемы исконного корпуса образных моделей в том или ином языке, в частности русском.

Естественно, что в данном случае, когда речь идет о глубокой древности, трудно рассчитывать найти следы древних образов в севернорусской топонимии, возникшей лишь в средние века, и тем более в прозвищной антропонимии, относящейся к севернорусским крестьянам XX в. Однако обнадеживает астронимический материал — в силу древности астронимических знаний человечества и наличия общих моделей индоевропейского уровня в севернорусском материале, позволяющих говорить о глубокой древности задействованных в русской астронимии конкретных образов. Задача данной главы — реконструировать древние образы, сделав попытку проследить их возможные трансформации.

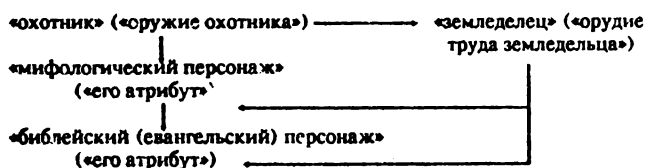
Рассмотрим два случая предполагаемых трансформаций.

Ср.: *Косарь* (Орион), *Косари*, *Кичиги*, *Кичижница*, *Габлн*, *Габельцы*, *Зубья*, *Кащеговы Зубы*, *Старикова Тросточка*, *Моисеева Палица* (Пояс Ориона). В данном списке представлены почти все самостоятельные (т.е. не дублирующие названия других астрообъектов) названия Пояса Ориона в севернорусских говорах. Как видно из материала, все они (кроме астронима *Кащеговы Зубы*) связаны с образом определенного орудия труда или вообще предмета в руках человека. С определенной оговоркой к этой же группе можно добавить и астронимы *Аршин*, *Аршинница*. Такое тематическое однообразие вряд ли можно считать случайным. Ранее уже отмечалось, что в древних астронимических системах греков, германцев, славян созвездие Орион связывалось с образом небесного охотника (аналогично — у чукчей), причем разработка образа предполагала наличие оружия как необходимого охотничьего атрибута. У греков таким атрибутом оказывается меч. У чукчей, согласно звездному мифу, охотник Кривоспинник делится из лука (группа звезд, находящихся впереди созвездия) в смеющихся над ним женщин (*ηαυσqαtjοmκτλ* — Плеяды), причем в картине звездного неба присутствует и пущенная охотником стрела (*Celgьтаqьл* — созвездие Альдебаран) [Богораз, 1939, 24].

Если считать образ охотника для Ориона одним из древнейших индоевропейских образов, то настойчивое «орудийное» отождествление Пояса Ориона у русских (и шире — у славян) может быть истолковано как давление старого образа, старой номинативной модели, хотя и преобра-

зованной по «земледельческому» типу — отсюда *Габли, Кичиги* (*Кичига*), *Косари*. У других славянских народов находим также образ косы, ср. укр. *Коси*, польск. *Kosy*, словац. *Kosa*, лужиц. *Kosa*. Названия *Моисеева палица, Старикова Тросточка* перекликаются с германским *Yacobstab* «жезл св. Якоба» для Пояса Ориона — результат переосмысления фигуры охотника в фигуру святого, происшедшего под воздействием новой концептуальной модели христианства, диктующей восприятие неба как божественной обители. Ср. также нем. *Friggerock* «прялка Фрей», где сливается мифологическое и бытовое представление, аналогичное русскому *Господнему Коромыслицу*.

Схему развития образа, отождествляемого с созвездием, можно представить следующим образом:

Своеобразной трансформацией вертикального типа можно считать астроним *Кашеговы Зубы* — «фольклорный (сказочный) персонаж» («его атрибут»). Хотя для данного астронима вполне реальной представляется и чисто внешняя, механическая линия трансформации: *Габли, Габельцы* → *Зубья* → *Зубы* → [чь?] *Кашеговы Зубы*.

Механическим развитием образа «орудие труда» → «предмет в руках» → «трость» → «палка» → «предмет, похожий на палку» можно считать названия *Аршин, Аршинчик, Аршинница*.

Переработкой исходного образа «охотник» мог стать и образ коромысла, который в русской астронимии также связан с Поясом Ориона, хотя в украинском и румынском языках образ «девушка с ведрами», «девушка с коромыслом» отождествляется с созвездием Лебедя (ср. укр. *Дівка з відрами*, рум. *Fatamare cu sobilita* «девушка с коромыслом»). Ср. также рус. *Колодец*, укр. *Криниця*. Женские образы в астронимии встречаются довольно часто, ср. северный образ «группа девушек» (сам. *nijdi kerrigaj* «девушки пляшут», коряк. *names qat'mkьn* «группа девушек», эским. *Arnaraqegyt* «группа женщин», а также приведенное выше чукотское название *Плеяды*, перекликающийся с греческим *Плеяды* — дочери Плейоны. В русском языке с тем же созвездием связан астроним *Бабы*. Вполне возможно, что разработка номинативной модели «женщины» — *Плеяды* связано с древним соотношением женского начала и воды, влаги (*Плеяды*, по представлениям многих народов — ср.: римляне, славяне, турки — тесно связаны с дождем, так как восходят впервые весной, как раз в момент начала дождей, отсюда лат. *Pleiades* — поэтическое обозначение ливня; славянское предание, что Петровы-

ми ключами—Плеядами небо отпирается для весенних дождей; тюркская легенда о козе, старающейся копытцами удержать Плеяды ниже к земле и повлиять тем самым на наступление дождливой погоды). Развитие «земледельческого» типа номинации и усиление практической направленности в образной номинации заставляет развивать именно орудийный, а не антропоморфический образ — для воды это как раз образ коромысла. Мифологическое концептуальное отождествление «женщина — вода» развернулось в образ женщины (девушки) с ведрами или коромыслом. Такой образ уже не отвечает структуре объекта — Плеяды как мелкое звездное скопление не может быть отождествлено с указанными образами. Очевидно, разные земледельческие народы по-своему решали для себя проблему трансформации образных представлений об объектах звездного неба — русские связали образ человека с ведрами именно с Поясом Ориона (ср. одну из мотивировок в говорах русского Севера: *Девка по воду пошла, в месяцу заплуталась*), возможно, не без влияния образного поля «человек — орудие его труда» для этого объекта звездного неба. Возникший новый образ (коромысло) механически распространился и на другие объекты звездного неба, реализуя образ-модель «орудия труда».

Интересно, что собственно русские трансформации идут по пути последовательного исключения из астронимической номинации целостного образа человека, воплощенного в названии, и даже опосредованного представления о нем, ср.: *Кичиги* — «люди с кичигами в руках», но *Кичига* (Большая Медведица) — уже только сам предмет; *Коромысло* (Пояс Ориона) — «человек (люди) с коромыслом», но *Коромысло* (Большая Медведица) — только образ палки-дуги.

Возможно, что именно эта тенденция диктует появление астронимов *Аршин*, *Коряга* для Пояса Ориона. Ономастическая номинация в севернорусских говорах подчеркнута предметна, она тяготеет к расчлененному отношению в образном воплощении, не предполагая единых целостных картин в номинации.

Близким к образу небесного охотника в тематическом плане оказывается образ зверя в астронимии русского Севера. Сезернорусские астронимы, образованные по модели «созвездие—животное», связаны с тремя зообразами: «волк», «медведь», «лось». Все они с той или иной степенью вероятности отождествляются с Большой Медведицей. С этим же созвездием связан и единственный в русской астронимии образ домашнего животного — «конь» («мерин»).

Образ медведя требует особых комментариев: напрашивается вывод о вторичности связанных с ним названий, их обусловленности существованием научного астронима Большая Медведица. Однако отрицать возможность самостоятельного осмысления образа нельзя. Полевые материалы говорят в пользу самобытности образного названия, ср.: *Медведица — звезда большая, сильная; Медведица — созвездие из пяти звезд; Несколько звезд вроде зверя, кто лосем зовет, кто медведицей;*

Есть Старая Медведица и Молодая Медведица; На небе Северная Медведица есть; Медведь (Большая Медведица) если пришел к востоку, скоро свет будет; Звезды по небу рассыпаны, а тут кучка такая, дак Медвежье Гнездо; ср. также: Лосем звезды есть: на медведя и на лося похожи, это звери близкие... Кто Лось, кто Ковш скажет (информант утверждает, что не знает созвездия Большая Медведица, следовательно, не знаком с научным астронимом).

Приведенный материал свидетельствует, по крайней мере, о том, что образ медведя (медведицы) достаточно органично вошел в астрономическую систему (см. также мотивирующие контексты в главе 1 настоящего раздела). О возможности развития подобных астронимов на народной почве говорит и хант., манс. *togetw* «медведь» для Большой Медведицы.

В целом отождествление Большой Медведицы, а также других объектов звездного неба со зверем — типичная модель для многих народов. На севере стандартным отождествлением оказывается Большая Медведица — «лось» («лосиха»), ср.: кет. *qaj*, манс. *Sorup*, хант. *wor sali* и др. Однако ничто не препятствует воплощению и формулы Большая Медведица — «медведь» («медведица»): медведь играет в жизни народов Севера не меньшую роль, чем лось, а форма созвездия не содержит себе никаких специальных признаков ни того, ни другого зверя (ср. приведенные контексты). К сожалению, гипноз предположения о научном происхождении «медвежьих» названий мешает собирателям фиксировать астронимы типа *Медведица* (их просто отбрасывают как «литературные»). Между тем выявление характера соотношения названия и объекта, а также географии «медвежьих» астронимов может помочь в решении вопроса о происхождении подобных названий.

Наряду с «медвежьими» астронимами в говорах встречаются и «волчьи». Речь идет не об отмененном еще А.Н.Афанасьевым названии Венеры — *Волчья звезда*, а о попытках соотношения астронима *Волчиха* именно с созвездиями, ср.: *Волчиха низко лапу опустила, а когда встанет на четыре лапы — сеять надо* (о Большой Медведице); *Звезд-то не одна, много их вместе, звезда натрое глядит, вот Волчихой-то и зовется*. Подобные названия могут быть восприняты как перенесения: *Волчья звезда* — Венера, Венера — *Волчиха* (такой вариант для Венеры зафиксирован Топонимической экспедицией в Омской области в 1987 г.), а дальше срабатывает привычная модель «зверь» — Большая Медведица. Однако возможен и несколько иной путь возникновения данного астронима — дальнейшая разработка образа зверя.

Общезвестно некоторое противоречие в соотношении образов медведя и лося с формой созвездия: три звезды ручки ковш в научной астрономии официально трактуются как хвост (то же в севернорусских юрах, хотя есть редкие толкования тех же трех звезд как шеи медведя). Средневековые карты разрешали противоречие между астронимическим образом и реальным представлением о медведе, изображая

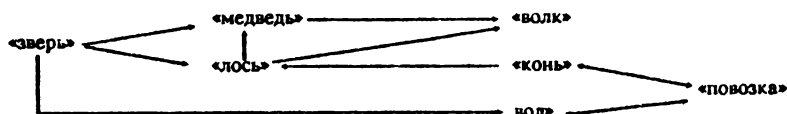
Медведицу с длинным хвостом. Носители севернорусских говоров ограничиваются ироническими замечаниями о несоответствии земных и небесных зверей (медведя, лося). У волка же (волчихи) хвост есть, и появление названия *Волчиха* вместо *Медведица* — факт, в чем-то равный пририсовыванию хвоста небесной медведице на старых картах.

С другой стороны, мотивировочные контексты демонстрируют и другие возможности соотноснения названия и образа зверя: так, неоднократно встречается интерпретация Большой Медведицы как головы лося, при котором «хвост» превращается в рог зверя. Ср. еще: *Семерка* — *самые знатные звезды были: ее еще Медведицей звали, а кто лосем называет: наперед кругло, а сзади еще три звездочки казали — медведь как будто задом стоит к нам-то, а голова далеко, она как шею вперед тянет. А когда повертают звезды* [речь идет о движении созвездия по небу в течение ночи], *так это уже Лось. Лось — он мордой к нам стоит; Северная Медведица на севере стоит, пять звезд как медведя туловище: головаверху и две лапы, как медведь в цирке выступает, на задних лапах стоит. Их не видно, а видать-то голову и две лапы, он их к груди прижал.* Эти записи 1989 г. отражают уже несомненно поздние интерпретации соотношения названия и объекта, но наглядно демонстрируют широкие возможности образной трансформации.

Вместе с тем устойчиво повторяющийся мотив «хвоста» в трактовках может быть фактом чисто автоматической разработки общего образа зверя (ср. использование в астронимии образов «птица», «гнездо»). Как уже отмечалось в разд. II, «хвост» как образ-модель широко представлен в топонимии, отождествление с хвостом типично и для апеллятивной лексики как литературного языка, так и говоров. Для Большой Медведицы можно предположить своеобразный разрыв названия и инструментальной мотивации, помогающей найти созвездие на небе: названия *Лось*, *Медведь*, образ-инструмент — «зверь с хвостом».

Наличие наряду со звериным, «охотничьим» образом образа бытового («повозка»), соотносимого с Большой Медведицей в языках Евразии еще со времен Гомера, дает пищу гипотезе об еще одной трансформации древнего образа. Небесная повозка запряжена волами, о чем свидетельствует лат. *Triones* «волы», *Septentriones* «семерка волов» для Большой Медведицы. А.В.Миртов [Миртов, 358, 374] фиксирует астронимы *Чипега* и *Ярмо* (где «ярмо» — упряжка из двух волов) для звезд хвоста Большой Медведицы. Для севернорусской зоны образ вола не мог быть органичным. Основное тягловое животное для земледельца Средней и Северной Руси — не вол, а лошадь. Образ коня, возникший, как принято считать со времен В.И.Даля, под воздействием тюркских астронимов — названий двух звезд ковша Малой Медведицы — мог быть и самостоятельным вариантом звериного образа, тем более что у русских и тюрков с конем отождествляются разные объекты звездного неба.

Можно представить себе следующую схему развития образов, соотносимых с Большой Медведицей:

Для русского Севера специфичны образы лося и коня (В.И. Даль связывает образ коня для Большой Медведицы с восточной зоной, южно-русскими источниками этот астроним не зафиксирован). Появление астронима *Лось* связывают с влиянием астронимии северных народов, которое, несомненно, было поддержано трансформационными возможностями образа «конь». Отсутствие «звериных» образов на юге России заставляет думать, что образы хищников для севернорусских названий Большой Медведицы — не следы древнего образа медведя, а трансформация образа лося. Модель как бы завершает круг «зверь» — «тягловый скот» — «зверь», подчиняясь смене хозяйственной деятельности народа — субъекта номинации (на русском Севере земледельцы снова становятся охотниками).

Предложенные реконструкции не бесспорны. Однако несомненно, что в развитии образной номинации постоянно соотносятся следующие тенденции: механическое срабатывание традиционной модели, автоматическое расширение круга образов в пределах модели, в котором первостепенной оказывается роль языкового стандарта, — и концептуальная трансформация образов в связи с модификацией народной картины мира, формированием нового типа мировосприятия.

Глава 3. Образная номинация и проблема заимствования образных моделей

Взаимодействие народов, опорой которого становится двуязычие в зонах контакта, предполагает не только взаимообмен хозяйственными и культурными реалиями, но и определенное наложение национальных картин мира, образных концептов действительности. Такое наложение не может не отразиться в живых языковых процессах, одним из которых является процесс образной номинации. Взаимодействие (воздействие) образных представлений может, очевидно, иметь как общий характер (модификации общей номинативной модели, сдвиги в отборе основных сфер образного отождествления, развитие новой для данного языка образной модели), так и частный (появление нового образа в рамках традиционной модели). В обоих случаях вопрос об иновлиянии на процесс образной номинации должен решаться в масштабах наложения соответствующих номинативных сфер, в нашем случае — в масштабах взаимодействия астронимических, антропонимических и топонимических систем различных языков.

Отметим, что реальные возможности для наблюдений за иноязычным воздействием на образный номинативный процесс различны для трех классов собственных имен. Так, для антропонимии, где прозвищные именованья фиксируются в основном для ныне живущих, в пределах современного, в настоящее время функционирующего микроколлектива, не обладающего двуязычностью, нет смысла говорить о конкретных образных параллелях, хотя не исключена возможность выявления определенного воздействия чужих образных моделей.

В топонимии русского Севера, где формирование системы проходило при тесном взаимодействии с топонимическими системами финно-угорских народов, где до сих пор массивен пласт субстратной топонимии финно-угорского происхождения, есть смысл поиска и следов финно-угорских моделей общего характера, и общих конкретных образов в именовании топообъектов.

Наконец, в астронимии, наиболее архаичном классе собственных имен, есть перспективы подробного изучения возможности воздействия на русскую астронимическую систему образных отождествлений астронимии соседних с русскими народов: финно-угров, самодийцев, тюрков и др.

Прежде чем обратиться к рассмотрению конкретных примеров взаимодействия образных систем, выскажем несколько общих замечаний о возможности заимствования образов. Как показал анализ материала, собственно номинативная база образного отождествления в севернорусских именах собственных обладает определенной целостностью — опорой на единую модель-концепт «мир — дом», единой направленностью на «земледельческий» принцип отбора отождествляемого материала, ощутимо большим количеством общих образов, реализующихся во всех трех классах собственных имен. Поэтому допустив и доказав наличие образного воздействия картины мира другого народа в одном из классов онома, мы тем самым получим серьезные основания говорить о продуктивности поиска подобных параллелей и в других классах (хотя методика такого поиска может оказаться и различной).

С другой стороны, уже отмечалась определенная автономность, замкнутость севернорусской образной номинации, направленность ее на отработку специфичности для русского человека сфер образного отождествления, определенное «противостояние» чужим образам. В этом отношении представляется показательным фактическое неприятие образов религиозной сферы — библейских, евангельских, а также образов официального славянского языческого пантеона (исключением, хотя и не вполне доказанным, является образ Волоса в астрониме *Волосожары*, распространенном в южнорусских говорах и говорах Сибири, см об этом: Иванов, Топоров, 1973, 1974; Рут, 1971; Карпенко, 1972, 1973). Поэтому следует ожидать, что образы способны взаимодействовать только в русле привычных для русского человека вещей, входящих для него в понятие «дом», или на пути механического развития собственно русской модели-образа.

В системе русских ономастических образов есть сферы, стоящие на периферии основного круга «дом». Прежде всего это образ-модель «дикие животные» (общее направление отождествления с явлениями природы непродуктивно в севернорусской ономастике, однако именно обозначения диких животных, как исключение, занимают важное место среди производящих номинативных основ). Естественно именно здесь искать межъязыковые параллели в образной номинации, не исключая возможных воздействий и в сфере «Дом». В частности, представляется, что широкое распространение в русской прозвищной (в том числе и дохристианской) антропонимии именований по модели «человек — дикое животное» (включая в это понятие птиц и рыб, пресмыкающихся и насекомых) произошло не без влияния тотемных и воршудных имен финно-угров и тюрков, переосмысленных в русле образности. Утверждение модели и ее растущая продуктивность подкреплялись моделью «человек — домашнее животное», лежащей в сфере образного отождествления «Дом». Возросшая активность данной сферы отождествления в антропонимии могла дать толчок к развитию соответствующей топонимической модели, тем более что принципы отождествления при номинации людей и некоторых топообъектов (прежде всего гидрообъектов) аналогичны (ср.: *Заяц* — прозвище подвижного, прыткого человека небольшого роста и перекаст *Заяц-пласун*). В этой связи интересно наблюдение И.А. Воробьевой, отмечающей меньший вес метафоры, основанной на сопоставлении с дикими животными, по сравнению с метафорой—отождествлением с животным домашним в сибирской топонимии [Воробьева, 1989, 11]. В севернорусской топонимии положение обратное. Не связано ли это с различным характером взаимодействия народов при заселении русского Севера и Сибири?

Показательным в этой связи представляется и несовпадение исконных фольклорных и «антропонимических» образов животных. Это особенно заметно при сопоставлении ономастического материала с значениями образных характеристик — нарицательных номинаций русского литературного языка (ср. особенно: *медведь, заяц*), в которых ощутим иронический оттенок, как правило, отсутствующий даже в современных прозвищах, образованных по данной модели.

Однако оценить исходное содержание образности на материале современных зооморфических именований людей очень трудно, поэтому приходится ограничиваться догадками. Процесс реконструкции былых путей возникновения модели затруднен и тем, что во многих случаях прозвище возникает от фамилии и уже только потом получает образную мотивировку (ср. *Окунь* — «фамилия Рыбкин и глаза, как у окуня»; *Кулик* — «нос острый, как у кулика, а фамилия Кулижский» и др.). Древний образ, заложенный в фамилии, давнѣе потерял свою силу, и «оживление» его часто идет по случайному, во многом субъективно истолкованному признаку, чему немало способствует экспрессивное выпячивание образа, являющееся характерным для антропонимии.

В астронимии обращение к модели «объект звездного неба — дикое животное (птица)» оказывается более результативным. Русские астронимы *Лось* и *Утиное Гнездо* находят параллели в астронимических системах финно-угорских народов и самодийцев. Как уже было отмечено, образ лося характерен для манси, ханты; ср. также саам. *sarvas* «лось», мар. *Шарды-шыдыр* «лось-звезда» для Большой Медведицы. У чукчей и ханты с диким оленем ассоциируются и другие объекты звездного неба, в частности Малая Медведица. Образ лося включен в разработку представления о Большой Медведице у эвенков и якутов. Вместе с тем нельзя не отметить отсутствия образа у прибалтийско-финских народов: финские, карельские, вепсские, эстонские астронимы разрабатывают представление о рыболовном запоре, у эстонцев также бытует астроним *Suredratta* «большая повозка», *Suur Vanker* «большая телега». Образ лося (*losiowa gwiarđa* «лосева звезда») по отношению к Полярной звезде встречается также у поляков. На русской территории ареал распространения астронима *Лось* и связанных с ним вариантов (*Лосиха*, *Лосица*, *Лоси* и т.п.) включает в себя обширные территории северной и центральной России, а также Урал, Сибирь и Дальний Восток, совпадая с зоной бытования этого обитателя лесов.

Нет сомнения, что толчком для становления образа лося в русской астронимии послужил «звериный» тип астрономии северных народов. В пользу влияния «охотничьей» северной модели и появление варианта *Лоси* (ср. картину звездного неба у чукчей, где образ дикого оленя соотносится с целым рядом объектов — Богграз, 1939, 24—25), и стремление увидеть в объекте именно самку (ср.: *Лосиха*, *Лосица*, *Большая Лось*, *Остяцкая Лось*) — различие, важное именно для охотничьего осмысления образа. Вместе с тем нельзя отрицать активность субъекта номинации — севернорусского крестьянина — в выборе и отработке именно этого звериного образа. Отметим, что, по свидетельству Б.А. Рыбакова [Рыбаков, 1981, 475 и след.], лось — одно из сакральных животных у славян, проживающих в зоне его обитания. Сочетание древнего культа зверя и активной образной модели в астронимии контактирующих народов привело к становлению этого самого частотного из севернорусских астронимов.

Мотив древнего тотемного восприятия, нашедшего выражение в «звериной» модели образной номинации, видится в астрониме *Лосева Кичига*, где контаминируются два образа: «звериный (охотничий)» и «земледельческий». Такое сочетание возможно и как чисто механическое соединение двух распространенных названий. Однако возможность контаминации дает и концептуальная модель «человек — животное», восходящая к тотемистическим представлениям о мире. *Лось* при таком восприятии образа оценивается как главный объект неба, его хозяин. Тогда название — реализация типичной именно для русских расчлененной модели, при которой главный субъект деятельности — центр мира, объединяющий все его реалии, — «исчезает». Выше уже отмечалось, что

в образной картине «мир — дом» человек как целостный образ фактически отсутствует. Точно так же исчезает на звездном небе *Лось* — остается только его *Кичига*.

Подводя итог анализу данной астрономической параллели, подчеркнем, что совпадение образов не возникает в силу простого внедрения чужого образа в существующую образную систему — просходит модификация на уровне более общих направлений образного отождествления. Необходимым условием такой модификации является органичность конкретного образа для общей картины мира у носителей языка.

Астроном *Утиное гнездо*, как уже отмечалось, традиционно возводится к ненецкому источнику. В ненецком Плеяды — *Нябы сар'ню* «утиное яйцо», энцы называют Плеяды *Кондику* «утиное гнездо», ср. также хант. *suu-tsez-kolir* «гоголиное гнездо», коми *Утка-поз* «гнездо утки». В русском языке астронимы *Гнездо*, *Птичье Гнездо* фиксируются и в южной России, т.е. вне зоны контакта с уграми и самодийцами. Общность образных астронимов вновь оборачивается не простым заимствованием, а взаимодействием двух образных моделей. Образ «гнездо» представляется более органичным для русской образной системы: во-первых, в русской астрономии он более вариантен (ср. еще *Куриное гнездо*, *Соловьиное Гнездо*, *Лосиное Гнездо*, *Медвежье Гнездо*, где гнездо выступает уже как детерминант со значением «созвездие», а также *Осьи Гнезда* и *Курица с цыплятами*), во-вторых, лежит в русле концептуальной модели «дом». В то же время северная охотничья модель, ориентированная на внимание к деталям природных явлений, закономерно порождает астроним *Утиное Яйцо*, основанный на характерной рябоватой окраске утиных яиц.

Утверждение в русской астрономии названия *Утиное гнездо* могло идти двумя путями: либо произошла контаминация ненецкого «яйцо утки» с русским *Птичье Гнездо* → *Утиное Гнездо*, и русский астроним оказал, в свою очередь, влияние на модификацию северного астронома; либо же из двух существовавших в самодийских языках вариантов русская астрономическая система восприняла именно *Утиное Гнездо* — как конкретизацию исконного образа «птичье гнездо». В любом случае возникновение нового астронома произошло не за счет механического включения понятного образа в номинацию, а в результате закономерного развития существующей модели.

Таким образом, «заимствование» чувственно-конкретных носителей номинативной информации в ономастических системах, в частности, в астрономической, видится как внешнее побуждение к активизации ресурсов собственных образных моделей, к некоторому сдвигу в осмыслении их. Здесь не происходит семантической интерференции, как при заимствовании языковых метафор [ср.: Семчинский, 1975, 63], интерференция идет на доязыковом, чувственно-конкретном уровне, языковая номинативная единица возникает не путем простого калькирования, а в результате длительного вхождения нового образа в традиционную

образную картину мира. Рассмотрим это явление еще на одном астрономическом примере.

Образ коня — универсальный образ в русской ономастике: он нашел отражение во всех трех классах собственных имен, причем в топонимии оказывается и частотным, и двойственным по мотивации — реализуется и его анатомический вариант, и поведенческая модель. Поэтому не вызывает удивления появление образа коня по отношению к наиболее крупному объекту звездного неба — Большой Медведице. Астрономы *Горбатый Мерин*, *Горбатый Конь* с *Телегой* целиком вписываются в русскую «земледельческую» образную модель, перекликаясь при этом с общеевропейскими образами «зверь» и «повозка», связываемыми с этим же объектом звездного неба. Есть все основания видеть в данных астрономии типичные реализации развивающейся русской астрономической образной модели. Вместе с тем наглядна перекличка с тюркскими названиями двух звезд Малой Медведицы — «белый мерин» и «серый мерин», входящих в типичную для тюрков номинативную картину небесного пастбища, где кони пасутся, привязанные к небесному колу — Полярной звезде. О факте взаимодействия астрономических образов говорит и русское *Небесный Кол*, *Прикол* для Полярной звезды, а также свидетельство В.И. Даля о том, что Большая Медведица в народе представляется конем или лосем, который кружит по небу, привязанный к колу или стожару — Полярной звезде.

Данный пример особенно нагляден в плане специфичности образных заимствований. Если при обычном заимствовании заимствующая система выступит как пассивно воспринимающая новое включение и проявляется лишь закон адаптации, то при заимствовании образа заимствующая система активна, она использует все продуктивные моменты собственных производящих моделей, и адаптация образа осуществляется до момента включения его в систему. В данной ситуации ощутимы сами моменты адаптации — они проявляются и в оттенке «горбатый» в образе коня, и в допускаемой вариативности «кось» — «лось» (при этом образ привязываемого к колу коня чередуется с образом бродящего вокруг стожара лося), обусловившей эпитет «горбатый» (ср. интерпретацию сходного образа «бык» в топонимии и антропонимии — «спина горбатая, как у быка», «как спина у быка, горбом»; лось тоже воспринимается как зверь с горбатой спиной, поэтому заменивший этого зверя конь оказывается горбатым — или, наоборот, наложение нового образа лося на старый образ коня повлекло за собой возникновение этого эпитета). Показателен образ «стожар» — попытка перевести образ животного в сферу собственно земледельческих образов, а также мотив телеги — одновременно и сохранение традиционного образа повозки, и отталкивание от чуждого образа пастбища, аналогичное замене «кол» — «стожар».

Образ телеги наводит и на другие размышления: это либо показатель одновременного существования двух параллельных образов для Боль-

шой Медведицы — *Лося* и *Повозки*, причем существования в сознании одного и того же носителя языка, иначе была бы невозможна контаминация образов животного и телеги; либо существовал образ еще одного животного, впряженного в повозку (возможно, вола — см.гл.2 настоящего раздела).

Параллели во многих контактирующих языках находит образ птичьего пути для созвездия Млечный Путь: он встречается и у тюрков, и у финно-угров, и у балтийских народов, и у восточных и западных славян, ср.: польск. *droga Ptasia*, *Gensia droga*, лит. *Paūkssių kelias*, *Paūkssių takas*, лат. *Putni cels*, башк. *Кош Юлы*, *Коз Юлы*, казах. *Күс жолы*, кирг. *Куш жолы*, тат. *Күек Каз Юлы*, чуваш. *Хуркайак суле*, коми *poika lebzan-tui* «дорога летящей птицы», *Dzodzog tuj* «гусинья дорога», лив. *lindēd-ziek* «птичий путь», морд. *Карконь Ку* «журавлиный путь», *Нармонь Ку* «птичий путь», саам. *Lodde raiddaras* «лестница для птиц», удм. *lud zazag suras* «дикого гуся дорога», хант. *dzodzek-tui* «путь гуся», фин. *Linnunrata* «птичий путь», эст. *Linnu-tee* «птичий путь», *Linnu-tee-rada* «след птичьего пути».

Сам по себе астроним *Птичий путь* может быть причислен к образным лишь со многими оговорками: в интерпретации объекта как дороги есть, разумеется, элемент образного отождествления, однако сочетание «птичий путь» может быть истолковано как реальная предметная номинация: «путь (направление), по которому летит птица». Однако к образной системе отсылает севернорусский вариант астронима *Птичий Полаз*. Лексема *полаз* в говорах русского Севера не зафиксирована, внутренняя же форма его позволяет соотносить лексему с глаголами *лазять*, *лезть*. В связи с этим обращает на себя внимание саамское название Млечного пути — *Lodde-raiddaras* «лестница для птиц». Сходную трактовку можно дать и значению русского астронима, хотя образное истолкование подобного сочетания представляет большую трудность. К сожалению, астроним имеет в полевых записях единичную фиксацию, лишенную мотивировки. Возможно, в финно-угорских языках существовала мифологическая интерпретация этого неожиданного сочетания. Обратим, однако, внимание на украинский астроним *Путь в вырий*, где *вырием* назван «птичий рай», т.е. место, куда переселяются души птиц. Возможно, образ лестницы — мотивация идеи подъема вверх. В конечном счете образ лестницы для птиц может носить и характер закрепившейся в названии загадка: *Как птицы поднимаются в небо? — А вот по этой лестнице*. В любом случае наличие перекликающихся образов в двух контактирующих языках (русском и саамском) заставляет думать о воздействии одной образной системы на другую. Вполне возможно, что здесь как раз тот случай начального активного взаимодействия двух образных систем, который не нашел еще окончательного завершения, приостановленный разрушением старой русской астронимической системы. О том, что взаимодействие все же идет в настоящее время, свидетельствуют записи 1990 г. в Виледском районе Архангельской обла-

сти, т.е. в зоне живого контакта с коми, ср.: *Зырянская Лыжня, Лыжня — Млечный путь: В небе есть Зырянская Лыжня — зыряне-то на лыжах дивья ходили, по всякому снегу пройдут; Зыряна говорили, что в небе Лыжня есть, смотришь ночью — и правда: как снежная полоска в небе и видно, как кто-то на лыжах идет.* Здесь чужой образ воспринимается как вполне понятный, но еще отстраненный от номинативной деятельности информантов: для них важно подчеркнуть, что это чужое название, хотя они и подтверждают закономерность подобного образного отождествления. Время должно внести свои коррективы в отношение к образу, привести к наиболее адекватной русской астрономической системе формы астронима.

Подчеркнем, что заимствование образного представления — это всегда определенная трансформация и чужой модели, и своей, принимающей. Не случайно материал двух соседних глав так перекрещивается — это две стороны одного сложного процесса преобразования консервативной традиционной номинативной образной системы.

Встает вопрос о возможности взаимодействия контактирующих образных топонимических систем. Для русской топонимии рассматриваемого региона это вопрос о наличии финно-угорских образных моделей в русской образной системе топонимии, т.е. образного финно-угорского субстрата. Вопрос этот разрешим лишь при наличии знания о системной модели образной топонимии языков-субстратов. К сожалению, в советских исследованиях по топонимии финно-угорских народов нет полного обзора образных топонимов [ср.: Мамонтова, 1982; Муллонен, 1988; ср. также: Nissila, 1939, 115 и след. — финский ученый ограничивается списком «сравнительных» карельских топонимов, производимых от названий вещей и предметов быта, не уточняя мотивировок возникновения названий], а приводимые примеры образных моделей весьма скудны. Можно говорить о наличии в вепсской и карельской топонимии моделей «топообъект — посуда» (ср.: *kattilkoski*, ур. <*Kattil* «котел» — Мамонтова, 71; *katiŋoja*, р. <*katil* «котел» — Муллонен, 112), «топообъект — орудие труда» (карел. *Kirvesniemi*, мыс. <*kirves* «топор»; вепс. *kirvesjarv*, оз. <*kirvez* «топор» — там же), «топообъект — одежда, обувь» (карел. *Kinnas*, *Kinnasuo*, бол. <*kinnas* «рукав: ца» — Мамонтова, 72), а также некоторых других моделей, совпадающих с русскими образными моделями топонимии. Однако материал слишком необъемен для выводов о взаимовлиянии образных номинативных моделей.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: среди интерпретированных субстратных топооснов практически отсутствуют основы, которые могли бы быть расценены как образные. Русская субстратная топонимия финно-угорского происхождения не обнаруживает или почти не обнаруживает образных этимонов языков-источников. Образные топонимы русского Севера не обнаруживаются и среди так называемых семантических калек (ср.: г. *Старик*, она же *Акова*

<akka «баба, женщина» и Akannisku, Akanoja — Мамонтова, 74; с мотивировкой: Она [горка] одинокая такая, как фигура человека — запись сделана в Каргапольском районе Архангельской области в 1989 г.; у нас нет доказательств, что в языке-субстрате топоним Акова был образным по происхождению). Такому избирательному принципу усвоения топонимии коренного населения русскими может быть два объяснения: во-первых, естественно предположить, что объекты, обладающие свойствами, затрудняющими их освоение, т.е. как раз те, для которых наиболее вероятна образная номинация, получают мотивированные названия на родном языке в силу явной потребности в отчетливой информативности названия. Чисто условные именованья, какими являются иноязычные топонимы, здесь не закрепляются; такое положение вполне вытекает из свойств образной номинации.

Во-вторых, логично допущение об усвоении образных именованний языка-субстрата в собственно русской интерпретации — через семантическое калькирование (и только через него). Другими словами, образные топонимы в субстратном пласте могут отсутствовать именно потому, что они вошли субстратом в образную систему русской топонимии. Остается только выявить этот субстрат в образной топонимии русских. Последнее, однако, возможно лишь при системной сопоставленности топонимического образного материала двух языков. Заимствованные образные модели весьма часты в оронимии Урала [ср.: Матвеев, 1984].

Вопрос о возможности заимствования образных моделей и определенных фрагментов образных систем еще раз подчеркивает основное качество образных системных моделей — их постоянную активность.

Функционирование образных онома — продолжение номинативного процесса в них: образная информация, заключенная во внутренней форме образной номинативной единицы, стимулирует подвижность образных моделей, углубляет знание об объекте, трансформирует новое знание, облекая его в традиционные, отработанные чувственно-конкретной практикой формы.

Заключение

Для человека — носителя языка — мысль всегда выступает облеченной в слова, однако «вербальный мир есть... не мир, а способ человеческого представления реального мира, детерминированный в итоге его законами» [Колшанский, 1980, 11], и сила языка не только в том, что он решает задачу «именования посредством слов, наконец, точных, того, что никогда не имело имени или что дремало в складках далеко отстоящих слов» [Фуко, 1977, 181], но и в его способности сохранить в имени отпечаток времени и условий имятворчества и облика творца-номинатора. Так называемая языковая картина мира важна не столько сама по себе, сколько потому, что она — картина мира, но мира, уже оставшегося за спиной нашего ушедшего вперед знания.

Образная номинация — процесс, концентрирующий в себе диалектику логического и чувственно-конкретного, воплощающий в имени интуитивное знание о сложных ассоциативных связях предметов и явлений, о глубинном тождестве внешне не сопоставимых реалий, — по праву может занять важное место среди источников изучения и реконструкции архетипических структур народного мировосприятия [ср.: Топоров, 1982, 9].

Не отрицая творческой активности речевой деятельности, смысловой пластичности лексической семантики, считаем необходимым подчеркнуть первичную, определяющую значимость довербальных компонентов в общей модели производства образных по мотивировке номинативных единиц — исходных установок субъекта номинации, вытекающих из его чувственно-конкретного практического опыта. Ономаσιологический контекст (термин И.С.Торопцева) образного словопроизводства начинается не только до ситуации коммуникации, но и до речи, хотя именно для последующего воплощения в акте речевой коммуникации. Свидетель твою таких довербальных усилий оказывается воплощенный в номинативной единице результат образного отождествления неизвестного, нового знакомому, привычному.

Выявление основных сфер образного отождествления, оценка номинативной активности каждой из них позволяет определить набор концептуальных моделей, характеризующих общие представления носителей языка о месте человека в окружающей его реальности.

Общая модель образной номинации данного языка всегда национально специфична в том смысле, что закрепляет в себе исторически сло-

жившуюся в сознании народа—субъекта номинации картину мира. Система конкретных образов-моделей позволяет реконструировать эту картину с достаточной полнотой и точностью.

Имена собственные — особая подсистема языка, в которой закодированы наиболее традиционные образные представления, отражающие круг непосредственных человеческих представлений о мире. Специфика семантики онама, ее жесткая номинативность, делающая имена собственные «неинтересным с семантической точки зрения классом» [Чсйф, 1975, 131], ограждающая их от семантического воздействия речевого контекста, позволяет этим номинативным единицам сохранить с максимальной чистотой заключенную в них исходную информацию об объектных и отсубъектных установках номинатора.

В севернорусских топонимах, астронимах и прозвищных антропонимах отразилась традиционная русская национальная образная система, основанная на концептуальной модели «мир—дом». «Земледельческий» тип образной номинации характеризуется приоритетом конкретных образов-моделей, связанных с предметами, орудиями и результатами, продуктами деятельности крестьянина-земледедца. Ощутимо тяготение к ограниченному, замкнутому кругу образов повседневной жизни номинатора.

Сопоставление образной номинации в трех классах собственных имен — астронимии, топонимии, антропонимии — позволяет говорить о единстве основного образного арсенала номинации: совпадает выбор сфер образного отождествления, набор наиболее продуктивных конкретных образов-моделей и даже конкретные реализации образа в названии. Тем самым подтверждается тезис о подчиненности образного номинативного процесса единой концептуальной модели восприятия действительности, что, в свою очередь, позволяет гипотетически распространять выявленные образы-модели и на другие номинативные подсистемы языка.

Вместе с тем для каждого из классов существуют особенности воплощения образа в номинируемом объекте: так, для астронимии возможно пространственное «дорисовывание» образа при абстрактной конфигурации созвездия, сочетание «точечных» и «пространственных» возможностей наложения образа на объект; для антропонимии характерно сочетание учета физических характеристик отождествляемого предмета с их моральной оценкой; для топонимии типично использование образов реальных человеческого быта и деятельности, частей тела человека и животных как образов-эталонов для познания неисчерпаемого многообразия свойств географических объектов, их формы.

Функционируя в языке, образные номинативные единицы по-разному реализуют заложенную в них в процессе номинации образность: для астронимов образ становится инструментом соотнесения имени и объекта, для антропонимов образное наполнение имени превращается в орудие выражения экспрессивно нагруженной оценки объекта номинации,

в топонимах образность быстро угасает, способствуя превращению их в немотивированные номинативные знаки.

Образная номинация как особый тип номинации опирается при своем возникновении на мифологическую концептуальную модель отождествления разнокатегориальных предметов реальной действительности. Дальнейшее развитие образной номинации идет в тесном взаимодействии традиционных установок и постоянной потребности более точной передачи конкретного знания о предмете. Внешние воздействия (смена концептуальной модели мира, контакты с другими народами — носителями образных ономастических систем) играют роль мотивов в модификации традиционных образов. Усвоение новых конкретных образов сопровождается всплеском активности традиционной общей модели, предполагающей адаптацию инородного образа, включение его в круг образов традиционных.

Образная номинация допускает механическое тематическое расширение модели, выходящее за рамки традиционного круга представлений — для русской образной ономастической номинации такой механически расширенной моделью стала модель «объект — предмет действительности», возникшая из исходной традиционной модели «объект — продукт (орудие) человеческой деятельности». Современная искусственная номинация модифицировала данную модель как модель «объект — предмет внесубъектной (т.е. не связанной с субъектом номинации в процессе его практической деятельности) действительности», ориентированной на «экзотические» образные сопоставления, демонстрирующие общий познавательный кругозор номинатора. Севернорусская ономастика хранит прежнее направление номинации, отражая, при всех существующих инновациях, прежде всего традиционные модели. В известной степени это связано с заторможением номинативного процесса: новые названия не появляются, старая система грозит разрушением. Поэтому, с одной стороны, ономастический материал русского Севера предоставляет условия для изучения архаичных образных моделей, с другой стороны, все более насущной становится потребность в срочном сборе исчезающего материала.

Будучи традиционной, образная ономастическая модель отнюдь не является однородной. Исторически сложившаяся, она не раз гибко трансформировалась, подчиняясь разнообразным внешним и внутренним влияниям, и поэтому в известной степени внеисторична, соединяя в себе мифологические реликты и современные их интерпретации, развившиеся и реализовавшиеся в новых номинативных единицах.

Общая модель образной номинации предполагает высокую активность номинатора, которая сказывается прежде всего в выборе сферы образного отождествления, определяющего не только модель номинации, но и организацию познания свойств объекта. Такая «отобразная», отсубъектная номинация обеспечивает результативность первого этапа знакомства с новой реальностью и в дальнейшем, когда объект уже познан,

может смениться номинацией необразной, либо получить новые, глубинные мотивировки. Первоначально направления такой отсубъектной образной номинации ограничиваются мифом, хранителем которого выступает язык. Развиваясь, образная номинация вырабатывает гибкие механизмы образного отождествления, которое постепенно становится все более отобъектно ориентированным, дающим возможность отобъектного выбора одной из многочисленных сфер отождествления и — в ее рамках — конкретного образа-модели. Севернорусская ониматическая образная номинация, восходящая к древним мифологическим моделям, выработала широкий круг образов-эталонов, обеспечивающих непосредственную связь между номинируемыми предметами и представлениями о явлениях иносферного порядка. Именно эти образы-эталоны, закрепившиеся в языке как определенные номинативные стандарты, и составляют опорные точки системы народных представлений о мире.

Номинативная образная единица приходит в речевую коммуникацию как новая единица языка, несущая новую информацию о действительности. Языковую образность определяет прежде всего мир конкретно-чувственных представлений носителей языка. Однако семантические течения речевого потока по-своему обрабатывают комплекс номинативных мотивировок, наполняя номинативную единицу новыми оттенками смысла, прежде всего коннотативного характера. Этот процесс обеспечивает выразительную силу образной номинативной единицы, ее экспрессивную и эстетическую значимость, аксиологическую наполненность. Наиболее активно данный процесс прослеживается в антропонимии.

Коннотативное наполнение существующего номинативного фонда влечет за собой потребность в отработке коннотативных смыслов в ходе создания новых номинативных единиц. Севернорусская ониматическая номинативная модель характеризуется практической, бытовой направленностью, даже религиозные представления здесь пропускаются через призму домашнего предметного мира (ср. астроним *Господне Коромылице*, топонимы *Лешева Зыбка*, *Чертова Кружка* и т.п.). Однако существование в номинативном корпусе таких единиц, как астроним *Три Царя*, топоним *Москва Золотые Маковки* и т.п., свидетельствует о реальной тенденции использования образной номинации как средства эстетизации действительности.

Образная номинация — сложное явление на стыке языка, познания и эмоций, реконструкция исходной традиционной модели которой позволяет восстановить познавательные активные фрагменты древней картины мира в сознании наших предков и наметить плодотворные направления в развитии образной искусственной номинации.

Литература

- Абшишев Х. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. Алма-Ата, 1949.
- Авельичев А.К. Заметки о метафоре // Вестн. МГУ. Сер.9, Филология. 1973. №1.
- Авельичев А.К. Метафора внепоэтического контекста: (на материале языка современной французской и итальянской рекламы): Автореф. дис. ... канд.филол.наук. М., 1973б.
- Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973.
- Акопова С. Отпредметные названия человека // Рус.яз. в школе. 1986. № 5.
- Анисимов А.Ф. Космологические представления народов Севера. М.; Л., 1959.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: (синонимические средства языка). М., 1974.
- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. М., 1973.
- Артемова Е.Ю. Психология субъективной семантики. М., 1980.
- Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т.37, №4.
- Арутюнова Н.Д. Языковая метафора: Синтаксис и лексика // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Арутюнова Н.Д. Тождество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
- Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: К проблеме языковой «картины мира» // Вопр. языкознания. 1987. №3.
- Арутюнова Н.Д. Образ: Опыт концептуального анализа // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988а.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988б.
- Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Багирова Д.Р. Некоторые аспекты вторичной номинации в сфере прилагательных // Вторичная номинация в современном английском языке. Пятигорск, 1987.
- Байбулин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
- Баранов Г.С. Референциальные аспекты метафоры в общественном сознании // Методология развития общественных наук в условиях перестройки: Тез. докл. Западносиб. регион. науч. теорет. конф. (октябрь, 1988 г.). Кемерово, 1988.
- Бартош В.И. Развитие сравнения в процессе познания // Философские исследования. Минск, 1970.
- Басилая Н.А. Семасиологический анализ бинарных метафорических сочетаний. Тбилиси, 1971.
- Басилая Н.А. К вопросу о кодировании и декодировании метафоры // Тр. Тбил. ун-та. Тбилиси, 1972. №4: Гуманитарные науки.
- Бахмутова Н.И. О некоторых основных понятиях процесса метафоризации // Вопросы стилистики. Саратов, 1972. Вып.4.
- Белашова Е.А. Варианты членности слова как номинативной единицы // Языковая семантика и речевая деятельность: Вопросы русского языка и литературы. Кишинев, 1985.
- Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания: Ономастика. Киев, 1972.

- Березович Е.Л.* Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.
- Бессарабова Н.Д.* Метафора как языковое явление // Значение и смысл слова. М., 1987.
- Бессонова О.М.* Очерк сравнительной теории метафоры // Научное знание: логика, структура, понятие. Новосибирск, 1987.
- Бессонова О.М.* Референция, метафора и критерий метафоричности // Логико-семантический анализ структур знания: основания и применение. Новосибирск, 1989.
- Блинова О.И.* Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983.
- Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984.
- Боброва Т.А.* О природе названия и принципах номинации // Рус.яз. в школе. 1974. №4.
- Богораз В.Г.* Чукчи. Л., 1939. Ч.2: Религия.
- Болотов В.И.* К вопросу о значении имен собственных // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М., 1972.
- Бондалетов В.Д.* Семантическое изучение топонимии // Вопр. географии. М., 1974. Вып. 94: Топонимия Центральной России.
- Бондалетов В.Д.* Русская ономастика: Учеб. пособие. М., 1983.
- Брагина А.А.* Синонимы и метафоры // Рус.яз. в школе. 1975. №6.
- Брагина А.А.* Лексика языка и культура страны. М., 1986.
- Брагина А.А.* К сопоставительному изучению языковой образности // Методы сопоставительного изучения языков. М., 1988.
- Брутян Г.А.* Гипотеза Сепира—Уорфа (лекция, прочитанная в Лондонском университете в 1967 г.). Ереван, 1968.
- Брутян Г.А.* Принцип лингвистической дополнителности // Философ. науки. 1969. №3.
- Брутян Г.А.* Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // Вопр. философии. 1972. №10.
- Брутян Г.А.* Методологические аспекты принципа дополнителности // Философ. науки. 1974. №5.
- Брутян Г.А.* Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976.
- Бурмистров Ю.Я.* Стилистический аспект в изучении образности слова и фразеологизма // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980. Вып. 9.
- Бутенко Н.П.* К вопросу о семантике собственных имен // Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970.
- Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Вайсман Н.Н.* Смысловая структура метафорических значений сенсорных прилагательных // Иностранная филология. Алма-Ата, 1975. Вып. 6.
- Варина В.Г.* Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Вартазарян С.Р.* От знака к образу. Ереван, 1973.
- Васюточкин Г.* О мышлении художественном и математическом: (заметки на полях одной книги) // Содружество наук и тайны творчества. М., 1968.
- Вергун Э.М.* Верификация символической нагруженности топонимов // Теория верификации лингвистических отношений. М., 1988.
- Верещин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.
- Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Ветлужских Т.Л., Махура С.М., Рут М.Э.* Образная номинация в речи детей школьного и дошкольного возраста // Детская речь и пути ее совершенствования. Свердловск, 1989.
- Власова Д.Д.* Топонимы, отражающие религиозные представления кодинских манси // Вопр. ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14: Собственные имена в системе языка.
- Вояк В.Н.* Языковая метафора в художественной речи. Киев, 1986.
- Вояк Е.Б.* Образная номинация: (внутриязыковой и междязыковой аспекты). М., 1987.

- Войтик Л.С. К вопросу о смысловой структуре слова: (на материале лексико-семантической группы наименований животных). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975.
- Войтик Л.С. К исследованию семантических структур наименований животных // Семантика языковых единиц лексического уровня: на материале английского языка. Элиста, 1983.
- Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. М., 1989.
- Волоцкая З.М. Элементы космоса в фольклорной модели мира: (на материале славянских загадок) // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- Воробьева И.А. К вопросу о лексическом значении имен собственных // Актуальные проблемы лексикологии: Докл. лингв. конф. Томск, 1971. Ч.1.
- Воробьева И.А. К понятию «экспрессивность» в топонимике // Региональная лексикология и лексикография Алтая. Барнаул, 1983.
- Воробьева И.А. Русские зоотопонимы Западной Сибири в ономастиологическом аспекте // Функционирование и историческое развитие диалектной и топонимической лексики Алтая. Барнаул, 1989.
- Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки / Гос. Яросл.-Рост. ист.-арх. и худ. музей-заповедник. Ярославль, 1960.
- Воронцова Е.П. Соотношение денотативной и сигнификативной информации при реализации картины мира лексико-семантическими средствами: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
- Восканян А.В., Григорян Г.П. О принципе лингвистической дополнителности // Вопр. философии (Ереван). 1988. №6/7.
- Габинская О.А. Номинация и лексическая объективация // Словопроизводственный процесс и функционирование производных единиц в языке и речи. Курск, 1986.
- Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тез. докл. М., 1971. Ч.1.
- Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972.
- Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Гак В.Г. К эволюции способа речевой номинации // Вопр. языкознания. 1985. №4.
- Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- Галстян А.С. Психолингвистический анализ процесса метафоризации: Дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1985.
- Галушко Л.Г. Названия «камень» реки Чусовой // Вопросы топонимистики. Свердловск, 1962. Вып.1.
- Гальперин И.Р. Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах // Филол. науки. 1982. №5.
- Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. №1.
- Гипатулин М.М. К проблеме типологии мотивации // Иностраный язык. Алма-Ата, 1971. Вып.6.
- Глинских Г.В., Матвеев А.К. Материалы по мансийской топонимике I. // Вопросы ономастики. Свердловск, 1975. Вып.10.
- Говердовский В.И. Феномен коннотации на денотативном уровне // Языковая практика и теория языка. М., 1974. Вып.1.
- Голев Н.Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1974а.
- Голев Н.Д. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974б. Вып.8—9.
- Голев Н.Д. О способе номинации // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976. Вып.2.
- Голев Н.Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977. Вып.7.

- Голев Н.Д. Заметки об условно-символической номинации в русском языке // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980. Вып.9.
- Голомидова М.В. Искусственная номинация в топонимии: Дис. ... канд. филол.наук. Свердловск, 1987.
- Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.
- Голышева В.Г. Явление окказиональной метафорической номинации в идентифицирующем знаке // Лексическая семантика и фразеология. Л., 1987.
- Гриб В.В. Проблема взаимосвязи образа и знака: (На материалах языкознания). Минск, 1978.
- Гридина Т.А. Образные ономастологические модели в орнимоии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып.12.
- Губанова В.А. Мотивировочные признаки. Их разряды. Функционирование // Проблемы ономастологии. Курск, 1974. Вып.2.
- Гудавичюс А.И. Семантический процесс антропоцентрической метафоризации: (на примере зооморфизмов русского и литовского языков) // Семантические процессы в системе языка. Воронеж, 1984.
- Гулий К.В. К вопросу об изучении метафоры: (лингвистические аспекты) // Вестн.Харьк.ун-та. Харьков, 1986. №284.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Гусев С.С. Наука и метафора. Л., 1984.
- Гутман Е.А., Черемисина М.И. Названия животных в составе сравнений // Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1970. Вып.4.
- Гутман Е.А., Черемисина М.И. Образные значения зоонимов в словарях // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976. Вып.5.
- Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик: (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Гюльмяц К.М. Образное употребление названий животных в сравнениях и метафорах: (на материале русского и польского языков) // Тр.Самарк. ун-та. Новая серия. Самарканд, 1971. Вып.217: Вопросы фразеологии IV.
- Девкин В.Д. Разновидности номинации // Учен.зап. МГПИ им. В.И.Ленина М., 1971. Т.475: Вопросы немецкой филологии.
- Дешериева Т.И. К проблеме языковой номинации // Филол.науки. 1988. №3.
- Донецких Л.И. Эстетические функции слова. Кишинев, 1982.
- Донских О.А. Системный подход к анализу процесса формирования слова // Системный подход и современная наука. Новосибирск, 1979. Вып.5.
- Дубченко В.В. Перенос наименования как одно из средств ономастологии // Проблемы ономастологии: Науч.тр.Курск.пед.ин-та. Курск, 1977. Т.175.
- Дудко В.А. Метафорическая номинация: (логико-гносеологический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Минск, 1984.
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкеберг М. и др. Общая риторика. М., 1986.
- Евтушевский Ю.И. О природе, типах и направлениях изучения вторичной номинации // Вторичная номинация в современном английском языке. Пятигорск, 1987.
- Елсуков А.Н. Метафора и фантазия в структуре детского мышления // Филос. науки. 1982. №2.
- Ермаков Б.М. О соотношении образа, знака и языка // Формирование научного мировоззрения. Чебоксары, 1980.
- Ермаченко М.Н. К общей модели имени собственного. // Учен.зап. МГПИИЯ им.Мориса Тореза. М., 1970. Т.55: Вопросы романо-германской филологии.
- Жинкин Н.И. Проблема эстетических форм // Художественная форма. М., 1927. Вып.1: Философское отделение.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
- Жуль К.К. Мысль, слово, метафора. Киев, 1984.
- Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
- Загоровская О.В. Образный компонент в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983.

- Загоровская О.В.* О семантических различиях образных и экспрессивных единиц языка // Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1984.
- Загоровская О.В.* Семантика диалектного слова. Сыктывкар, 1989.
- Зализняк А.А., Иванов В.В., Топоров В.Н.* О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем // Структурно-типологические исследования. М., 1962.
- Заонегин Е.В.* Некоторые общие вопросы ономастики // Филол. науки. 1969. №6.
- Захарова А.В., Черемисина М.И.* Зоохарактеристика «петух» по данным опроса информантов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973. Вып.2.
- Звегинцев В.А.* Очерки по общему языкознанию. М., 1962.
- Звегинцев В.А.* О языковых моделях мира // Вопр. философии (Ереван). 1988. №6/7.
- Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Вып.1.
- Зимин В.И., Модebaдзе Э.А.* Метафора и метонимия // Рус.яз. в национальной школе. 1977. №2.
- Зимин С.И.* Контекстуальное значение собственных имен // Науч.тр. Ташк.ун-та им.В.И.Ленина. Ташкент, 1969. Вып.359: Вопросы русского и узбекского языкознания.
- Зноiko О.* Мифология австрального культу на Руси // Людина і світ. 1980. №5.
- Зуев К.А.* Значение наглядных представлений в становлении физических теорий // Философ.науки. 1971. №2.
- Иванов В.В.* К.Леви-Стросс и структурная теория этнографии // К.Леви-Стросс. Структурная антропология: Приложение. М., 1985.
- Иванов В.В.* Образы природной среды в знаковых системах культуры и искусства // Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения. 1986: Человек — Природа — Искусство. Л., 1986.
- Иванов В.В.* О языке как модели мира // Интеллектуальные процессы и их моделирование. М., 1987.
- Иванов В.В.* Культурная антропология и история культуры // Одиссей. Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры. 1989. М., 1989.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие системы: Древний период. М., 1965.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии: (данные о Велесе в традициях Северной Руси и вопросы критики письменных текстов) // Учен.зап.Тартус.ун-та. Тарту, 1973. Вып.308: Труды по знаковым системам 6.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванова Т.А.* К вопросу о переименовании и наименовании населенных пунктов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып.12: Русская топонимия и географическая терминология.
- Ивашко В.А.* Социолингвистический и психолингвистический анализ ситуации выбора имени при наречении: Дис. ... канд.филол.наук. Минск, 1978.
- Илларионов С.Ф.* О природе образного компонента содержательной структуры слова // Формирование значения лексических и фразеологических единиц. Курск, 1979.
- Исаева Р.М.* О понятийной сущности номинации // Проблемы теории и методики преподавания иностранного языка и литературоведения. Алма-Ата, 1977. Вып.1.
- Исмагулова Б.Х.* О моделях развития переносных значений в сфере русских прилагательных // Рус.яз. в школе. 1978. №6.
- Истомина З.М.* Восприятие и называние цвета в раннем возрасте // Изв. АПН РСФСР. М., 1960. Вып.113.
- Итelson Л.Б.* Структура, уровни и операции образного мышления // Тез.докл. к XX Международному психологическому конгрессу. М., 1984.
- Калакуца Л.П.* О специфичности ономастики как лексической категории: (на материале русского языка) // Восточнославянская ономастика: Материалы и исследования. М., 1979.
- Калмыкова Е.И.* Образность как лингвистическая категория в современной немецкой научной прозе: (метафора и сравнение): Автореф. дис. ... д-ра филол.наук. М., 1969.

- Каплан А.Л.* Актуальные вопросы теории и практики метафоры // Стилистика художественной речи. Л., 1973.
- Карпенко Ю.А.* О семантике собственных имен // Актуальные проблемы лексикологии. Минск, 1970.
- Карпенко Ю.А.* Назвы зорянаго неба (цыкл статей) // Знання праця. Киев, 1972. №9—11; 1973. №1—5.
- Карпенко Ю.А.* Названия звездного неба. М., 1981.
- Карпенко Ю.А.* Специфика ономастики // Русская ономастика. Одесса, 1984.
- Карсолова В.* О специфике образных значений зоонимов во французском языке // Слова, фразеологизм і кантэкст. Мінск, 1979.
- Карташова И.Ю.* Прозвища как явление устного народного творчества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Кацитадзе Э.А.* Метафоризация зоонимов в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1985.
- Кацнельсон С.Д.* Язык поэзии и первобытно-образная речь // Изв. АН СССР. Отд.-ние рус. яз. и лит. 1947. Т. 6, вып. 4.
- Кацнельсон С.Д.* К понятию видов валентности // Вопр. языкознания. 1987. №3.
- Кессиди Ф.Х.* От мифа к логосу: (Становление греческой мифологии). М., 1972.
- Кияк Т.Р.* Мотивированность лексических единиц. Львов, 1988.
- Кияненко Т.Ф.* Гносеологическая и семантическая природа метафоры // Конференция по итогам научной работы за 1965 год: Тез. докл. Белгород, 1965.
- Кияненко Т.Ф.* Роль метафоризации в повышении информативности языка // Коммуникативно-функциональное исследование языковых явлений. Куйбышев, 1983.
- Кларк Е.В.* Универсальные категории: (о семантике слов-классификаторов и значение первых слов, усваиваемых детьми) // Психолингвистика. М., 1984.
- Клузс Г.* Сила слова: Гносеология и прагматический анализ языка. М., 1967.
- Ковалева Н.Б.* К вопросу о принципах номинации в топонимике: (на материале топонимии бассейна р. Ини) // Вопросы топонимистики. Свердловск, 1971. Вып. 5.
- Ковалева Н.Б.* О мотивированности географических названий в связи с восприятием их населением // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Кемерово, 1974. Вып. 1.
- Ковалева Н.Б.* Принципы номинации топонимов бассейна реки Ини (Западная Сибирь) // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976.
- Ковалих И.И.* Смысловая структура собственных имен // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. Вып. 1.
- Коватун Л.С.* Описание метафоризации значений в толковом словаре литературного языка // Современность и словари. Л., 1978.
- Колодкина Е.Н.* Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительного: Дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1986.
- Колчин С.А.* Пять этапов процесса номинации // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.
- Колишанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
- Колишанский Г.В.* Лингвогносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Колишанский Г.В.* Контекстная семантика. М., 1980.
- Колишанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
- Комаева Р.З.* Слово и образ. Орджоникидзе, 1987.
- Комлев Н.Г.* Ономасиология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка. М., 1968.
- Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Комлев Н.Г.* Слово, денотация и картина мира // Вопр. философии. 1981. №1.
- Копочева В.В.* Соотношение искусственной и естественной номинации: на материале названий растений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
- Копыленко М.М., Попова З.Д.* Ономасиологический и семасиологический аспекты номинации // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.

- Коралова А.Л.* Семантическая природа образных средств в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
- Корольков В.И.* Семасиологическая структура метафоры // Учен. зап. МГПИИЯ. М., 1968. Т. 41.
- Коршунов А.М.* Образ и знак // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, Экономика, философия. 1962. №1.
- Костючук Л.Я.* Образность и фразеология // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980. Вып. 9.
- Которова Е.Г.* Семантический объем термина «метафора» // Общее и сопоставительное языкознание. М., 1986.
- Которова Е.Г.* Сопоставительно-типологический анализ корпуса метафор русского и немецкого языков: (на материале словарей) // Типология лингвистических категорий. Томск, 1987.
- Крылова И.А.* О семантической природе метафоры // Учен. зап. Горьк. ун-та. Горький, 1967. Вып. 76.
- Крюкова Н.Ф.* О метафорической «многозначности» и «однозначности» // Стилистика как общелингвистическая дисциплина. Калинин, 1989.
- Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
- Кузиков В.В.* О семантических категориях в топонимике // Семантические категории в лексике и грамматике немецкого языка. Уфа, 1982.
- Кузнецова Л.И.* Сопоставительно-семантический анализ сравнений как метод выявления национальной специфики слова // Методы и приемы лингвистического анализа в общем и романском языкознании. Воронеж, 1988.
- Кузьмин В.Ф.* Объективное и субъективное в научном мышлении // Филос. науки. 1971. №2.
- Кулиев Г.Г.* Метафора и научное познание. Баку, 1987.
- Кумехова Е.З.* Конкретность / абстрактность как скрытые семантические категории // Вопросы семантики и стиля. Уфа, 1983.
- Купина Н.А.* Сущность и возникновение метафоры: (на материале современной русской и украинской поэзии): Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1968.
- Купина Н.А.* Процесс образования метафорического слова // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. Свердловск, 1969. Т. 72.
- Курахтанова И.С.* К проблеме языковой образности // Лингвистические аспекты образности. М., 1981.
- Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Кутыбаева А.Д.* Прагматический аспект речевой образности: (на материале метафорических тропов английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1989.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Липина Э.А.* Образность познания и метафора // Коммуникативные аспекты исследования языка. М., 1986.
- Лашанская С.С.* Номинация и полисемия в шведском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1974.
- Лебедева М.С.* Образность как компонент лексического значения слова // Сб. науч. тр. МГПИИЯ. М., 1984. Вып. 233.
- Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
- Левин Ю.И.* Структура русской метафоры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Вып. 2.
- Левин Ю.И.* Русская метафора: синтез, семантика, трансформация // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. 4.
- Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1985.
- Левковская К.А.* Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. Минск, 1962.
- Лекомцева М.И.* Лингвистический аспект метафоры и структура семантического компонента // Tekst. Yezyk. Poetyka. Warszawa, 1978.
- Лекомцева М.И.* Семантическая структура сравнения // Текст: семантика и структура. М., 1983.

- Лендъел Л. «Переносное» значение или «образное употребление»? // Лексикология и лексикография. М., 1958.
- Леонтьев А.А. Язык, деятельность, социальная память // Вопр. философии (Ереван). 1988. №6/7.
- Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1979. №2.
- Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989.
- Летова И.А. О следах языческих представлений в топонимии русского Севера // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. Вып. 15.
- Литвин Ф.А. Цитирование в системе образных средств языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8.
- Литвиненко А.С. Термин и метафора // Учен. зап. МГПИИЯ. М., 1954. Вып. 8.
- Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975.
- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6.
- Лубянская Г.И. О некоторых особенностях метафорического образа // Проблемы мастерства писателя. Тула, 1975.
- Лузина Л.Г. Образное познание и его выражение языковыми средствами // Категории и законы марксистско-ленинской диалектики и язык. М., 1984.
- Лукиянова Н.А. О термине «экспрессив» и о функциях экспрессивов русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980. Вып. 9.
- Лукиянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
- Лурья А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
- Лясота Ю.Л. Метафоризация как один из основных законов развития словарного состава языка // Учен. зап. Дальневост. ун-та. 1957. Вып. 1.
- Майданова Л.М. Процесс номинации и номинативные варианты // Вопросы топонимистики. Свердловск, 1972. Вып. 6.
- Малахова А.Д. Взаимодействие образных и гербальных компонентов в процессе понимания // Вопросы психологии. М., 1981. №5.
- Малеева М.С. Лексическая и синтаксическая объективация значения в словообразовательном контексте. Воронеж, 1983.
- Мальшева В.А. Именная метафора в диалектной речи и литературном языке // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1988.
- Малыгин В.В. Мир как метафора: Даосский опыт в китайской культуре // IX Научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М., 1978. Ч. 1.
- Мамонтов А.С. Отражение особенностей национальной культуры в семантике номинативных единиц: (на материале русско-вьетнамских сопоставлений) // Текст и культура: общие и частные проблемы. М., 1985.
- Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.
- Мамжура У. Сказки, пословицы и т.п., записанные в Екатеринбургской и Харьковской губернии // Сб. Харьк. ист.-филол. о-ва. Харьков, 1890. Т. 2.
- Манушкина Г.П. О сущности имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1971. Ч. 3—4.
- Матвеев А.К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология 1967. М., 1969.
- Матвеев А.К. Топонимистика и современность // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8—9.
- Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // Вопр. языкознания. 1976. №3.
- Матвеев А.К. Образное народное видение и проблемы ономастологической и этимологической интерпретации топонимов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып. 12.

- Матвеев А.К.* Русское диалектное *шьма* // *Этимология русских диалектных слов.* Свердловск, 1978.
- Матвеев А.К.* Бинарные структуры и топонимические метафоры // *Языки и топонимия Алтая: Тез. докл. Барнаул, 1979.*
- Матвеев А.К.* От Пай-Хоя до Мугоджар. Свердловск, 1934.
- Матвеев А.К.* К интерпретации одной условной топонимической системы // *Этимология* 1984. М., 1986а.
- Матвеев А.К.* Методы топонимических исследований: Учеб. пособие. Свердловск, 1986б.
- Матвеев А.К.* Топонимические древности // *Формирование и развитие топонимии.* Свердловск, 1987.
- Матвеев А.К.* В роли создателя топонимов // *Номинация в ономастике.* Свердловск, 1991.
- Матвеев А.К., Марадулина Т.В.* Образные географические названия // *Рус. речь.* 1971. №1.
- Матросов В.Л.* Язык и метафоры // *Логика и язык.* М., 1985.
- Мезенин С.М.* Образность как лингвистическая категория // *Вопр. языкознания.* 1983. №6.
- Мелерович А.М.* Образная основа и внутренняя форма фразеологических единиц // *Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака.* Воронеж, 1983.
- Мелетинский Е.М.* Клод Леви-Стросс и структурная типология мифа // *Вопр. философии.* 1970. №7.
- Мелетинский Е.М.* Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Стросса // *Леви-Стросс К. Структурная антропология.* М., 1985.
- Метафора в языке и тексте.* М., 1988.
- Мигирин В.Н.* Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.
- Мигирин В.Н.* Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке. Кишинев, 1980.
- Микулина Л.Т.* Национально-культурный символизм в лексико-семантическом аспекте // *Лексическая семантика и фразеология.* Л., 1987.
- Михайлова И.Б.* Чувственное отражение в современном научном познании. М., 1972.
- Михайлова О.Т.* Об эмоционально-экспрессивных топонимах // *Ономастика Поволжья.* Горький, 1971. Вып. 2.
- Моисеев А.И.* Мотивированность слов // *Исследования по грамматике русского языка.* Л., 1963. Вып. 4.
- Молчанова А.Н.* О соотношении внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс вторичной образной номинации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Молчанова А.Н.* О переносно-образных значениях слов // *Аспекты лексического значения.* Воронеж, 1982.
- Молчанова О.Т.* О семантике имени собственного // *Проблемы теории и методики языка.* Ярославль, 1980.
- Молчанова О.Т.* Переносные и повторяющиеся топонимы // *Ономастика Киргизии.* Фрунзе, 1985. Вып. 1.
- Морозова Т.М.* Славянские астрономические загадки: (обозначение звезд) // *Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования.* 1985—1987. М., 1989.
- Москвин В.Т.* Метафорическая номинация в системе выражения инструментальности // *Русское языкознание.* Киев, 1988. Вып. 17.
- Муллонен И.И.* Гидронимия бассейна реки Оятч. Петрозаводск, 1988.
- Мушников Т.А.* Проблемы вторичной номинации в лексике: (образование переносных значений): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1978а.
- Мушников Т.А.* Семантическая база переносного значения слова // *Сб. науч. тр. МГПИИЯ.* 1978б. Вып. 118.
- Мураалова Н.В.* Слова-символы как лингвострановедческая проблема // *Лексические категории: (на материале исемского языка).* Калинин, 1984.
- Муразаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мушкин Л.Н.* Образование метафор и метонимий как результат деривации предложения: (к постановке вопроса) // *Материалы IX юбилейной конференции кафедр русского языка вузов Урала.* Пермь, 1972.

- Мурзин Л.И. Теория номинации в динамическом аспекте // Актуальные проблемы языковой номинации: Тез. докл. регион. науч. семинара. Саратов, 1988.
- Нагапетян А.С. Метафора, возникающая на базе символа // Сб. науч. тр. аспирантов Армян. пед. ин-та. Ереван, 1972. Т. 6, вып. 1: Литература и язык.
- Наумов В.Г. Явление мотивации слов в системе диалекта: лексикологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1985.
- Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Нгуен Дык Тон, Ли Тхоа Тхане. Направленный ассоциативный эксперимент как инструмент исследования национально-культурной специфики речевого мышления вьетнамцев (форма оценок человеческого тела) // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. Днепропетровск, 1988.
- Немец И. Раскрытие понятийного ядра слова при лексическом анализе языка древнего периода // Этимология 1984. М., 1986.
- Непряхина Т.С., Рут М.Э. Ономастологический эксперимент и типология образной номинации // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.
- Несина Г.Н. Метафора и метонимия в географических названиях // Проблемы ономастологии. Курск, 1977. Вып. 4.
- Нестерова Н.Г. Мотивационное значение слова и его статус: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987.
- Нечай М.Н. Русская топонимия лесной зоны Среднего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1989.
- Никитевич В.И. Основы номинативной деривации. Минск, 1985.
- Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопр. языкознания. 1979. №1.
- Никифорова О.И. Восприятие метафоры // Учен. зап. МГПИИЯ. 1954. Т. 8.
- Никифорова О.И. Исследования по психологии художественного творчества. М., 1972.
- Никулина З.П. Образные средства апеллятивной лексики и прозвища // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980а. Вып. 9.
- Никулина З.П. О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980б. Вып. 14.
- Новикова М.Л. Метафора, ее структура, семантика и связь с текстом. // Лингвистическая семантика и логика. М., 1983.
- Овчар Н.В. Опыт идеографического описания озерных гидронимов русского Севера // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.
- Омельяненко Т.Н. Прагматический аспект изучения переносной номинации // Сб. науч. тр. МГПИИЯ. М., 1983. Вып. 213.
- Опарина Е.О. О когнитивной функции в метафоре разных типов // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. М., 1987.
- Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- Отин Е.С. К этимологии названий некоторых рек «анималистического» происхождения // Повідомлення Української ономастичної комісії. Київ, 1967. Вып. 2.
- Отин Е.С. Из этимологических исследований донской гидронимии: (К вопросу о первичном звене в коррелятивной паре битюг // Битюг) // Этимология, 1970. М., 1972.
- Отин Е.С. Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14.
- Отин Е.С. О принципах составления коннотационного словаря русских онимов // Русское языкознание. Киев, 1986а. Вып. 13.
- Отин Е.С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Этимология 1984. М., 1986б.
- Отин Е.С. Материалы к коннотационному словарю русских онимов // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.
- Ощепкова В.В. Верификация образного потенциала элементов текста на примере топонимов // Теория верификации лингвистических отношений. М., 1988.
- Павел В.К. Лексическая номинация: (На материале молдавских народных говоров). Кишинев, 1983.
- Павленко Р.И. Лингвистическая относительность и концептуальная система // Вопр. филологии (Ереван). 1988. №6/7.

- Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. М., 1977.
- Пахомова В.Д.* О метафорических названиях в топонимике // Вопросы топонимстики. Свердловск, 1970. Вып. 4.
- Пахуткин В.И.* Творческое мышление и речевая образность в научном стиле // Иностранный язык. Алма-Ата, 1971. Вып. 6.
- Пелевина Н.Ф.* Языковая и неязыковая мотивировки семантики языкового знака // Проблемы мотивированности языкового знака: Вопросы семантики. Калининград, 1976. Вып. 3.
- Пеньковский А.Б.* Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988.
- Перетьяко Т.П.* О квазитативной метафоре // Русское и зарубежное языкознание. Алма-Ата, 1970. Вып. 4.
- Перехова Л.И.* Эмоциональные и эстетические коннотации антропонимов // Вопросы истории и филологии. Ростов н/Д., 1974.
- Пестерева Н.Ш., Руп М.Э.* Номинативность и экспрессивность в семантике образного слова (именования людей) в речи школьников // Живая речь уральского города. Свердловск, 1988.
- Петренко В.Ф.* К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность. М., 1976.
- Петров В.В.* Научные метафоры: (Природа и механизм функционирования) // Философские основания научной теории. Новосибирск, 1985.
- Петрова З.Ю.* Системный характер метафорических значений и употреблений слов в русском языке: (на материале обозначений эмоционального состояния человека): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
- Петрова З.Ю.* Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987. М., 1989.
- Печерских Т.А.* Вторичные топонимы типа Камчатка // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8—9.
- Пивоваров Д.В.* Проблема носителя идеального образа: Операционный аспект. Свердловск, 1986.
- Показеева Л.Г.* К вопросу о природе переносных значений слова // Вопросы русской филологии. Чебоксары, 1979. Вып. 2.
- Попов А.И.* Номинация и ее типы // Проблемы ономастологии. Курск, 1977. Вып. 4.
- Постникова В.И.* К вопросу о соотношении метафоры и сравнения // Учен. зап. Омск. пед. ин-та. Омск, 1974. Вып. 89.
- Постовалова В.И.* Язык как деятельность: (Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта). М., 1982.
- Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М., 1990.
- Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- Располюхина Н.В.* Зоонимы в окказиональной номинации // Сб. науч. тр. МГПИИ. М., 1988. Вып. 315.
- Резников Л.О.* Проблема значения слова в свете ленинской теории отражения // Вopr. философии. 1969. № 11.
- Роль человеческого фактора в языке: (Язык и картина мира). М., 1988.
- Рамбандеева Е.И.* Некоторые этимологии мансийских топонимов // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3.
- Росинене Г.* Системность в семантике зооморфизмов литовского языка // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985.
- Ротенберг В.С.* Речь и образные компоненты мышления — тенденции развития проблемы // Речь: восприятие и семантика. М., 1988.
- Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
- Русская разговорная речь. М., 1973.
- Руп М.Э.* Принципы номинации некоторых астрономических объектов // Вопросы топонимистики. Свердловск, 1970. Вып. 4.

- Рут М.Э.* О происхождении русского названия Волосожары (Плеяды) // Вопросы топониматики. Свердловск, 1971. №5.
- Рут М.Э.* К вопросу о принципах номинации созвездий // Вопросы топониматики. Свердловск, 1972. Вып.6.
- Рут М.Э.* К вопросу о русской народной астрономике // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып.8—9.
- Рут М.Э.* Русская народная астрономия и ее связи с астрономией других народов СССР: Дис. ... канд.филол.наук. Свердловск, 1975.
- Рут М.Э.* Русская народная астрономия: Учеб.пособие. Свердловск, 1987.
- Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыжкина О.А.* Лексико-семантическая группа зооморфизмов с общим семантическим компонентом «человкий» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1978. Вып.7.
- Рыжкина О.А.* Зооморфизмы со значением «трудолюбивый» в русском и английском языках // В помощь преподавателю иностранных языков. Новосибирск, 1979. Вып.10.
- Рыжкина О.А.* Системное исследование зооморфизмов в русском языке в сопоставлении с английским: Автореф. дис. ... канд.филол.наук. М., 1980.
- Рышков Л.Н.* Образное значение слова // Рус.яз. в школе. 1969. №2.
- Савченко А.Н.* Речь и образное мышление // Вопр. языкознания. 1980. №2.
- Саямон Л.* О физиологии эмоционально-эстетических процессов // Содружество наук и тайны творчества. М., 1968.
- Свиблова О.Л.* Восприятие метафоры как фактор обогащения семантических полей ее компонентов // Текст, контекст, подтекст. М., 1986.
- Семантическая общность национальных языковых систем.* Воронеж, 1985.
- Семантическая специфика национальных языковых систем.* Воронеж, 1985.
- Семчинский С.В.* Билингвизм и заимствование метафор: (На материале славяно-восточно-романских языковых контактов) // Филол.науки. 1975. №4.
- Сергеева Л.А.* Об аксиологической природе прозвищ // Номинация в ономастике. Свердловск, 1990.
- Серебренников Б.А.* Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Сетаров Д.С.* Типология номинации, мотивации и лексико-семантических преобразований. Вильнюс, 1988.
- Симашко Т.Б.* Метафора как частный случай семантической деривации // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь, 1977.
- Складчиков Н.В.* Соотнесенность прагматических видов информации с образной информацией в семантической структуре метафоры // Прагматические условия функционирования языка. Кемерово, 1987.
- Склярская Г.Н.* Языковая метафора в словаре: (Опыт системного описания) // Вопр. языкознания. 1987. №2.
- Склярская Г.Н.* Категория образности и толковый словарь литературного языка // Советская лексикография. М., 1988а.
- Склярская Г.Н.* Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики: на материале русского языка: В 2 ч. М., 1988б.
- Славнин А.В.* Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.
- Соколовская Ж.П.* Система в лексической семантике. Киев, 1979.
- Солганик Г.Я.* Значение слова и представление // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж, 1987.
- Соловьева Н.В.* Особенности трактовки термина «предметное значение» в современной науке // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. Калинин, 1986.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В.* «Культурный знак» Л.С.Выготского и гипотеза Сепира—Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.
- Способы номинации в современном русском языке.* М., 1982.
- Старостенко Н.А.* Славянские народные термины, соотносимые с названиями животных: Автореф. дис. ... канд.филол.наук. Минск, 1984.

- Степанов Ю.С. Понятия «значение слова», «синонимия», «метафора» в свете семиотики // Сб.докл. и сообщений лингвистического общества Калинин.ун-та. Калинин, 1974. Т.4.
- Стернин И.А. Описание лексического значения и «принцип айсберга» // Принципы и методы исследования единиц языка. Воронеж, 1985а.
- Стернин И.А. Разграничение прямого и переносного употребления слова // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск, 1985б.
- Ступин Л.П. О так называемой специфике имен собственных // Респ.межвуз.конф. по вопросам методики преподавания и теории иностранных языков, посвященная 50-летию Советской власти: Тез.докл. Алма-Ата, 1966.
- Ступин Л.П. О лексическом значении собственных имен // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969.
- Суперанская А.В. Основные линии топонимической номинации // Топонимика в региональных географических исследованиях: Тез.докл. Всесоюз.конф. М., 1984.
- Тараненко О.О. Миссе метафоры в словотворческих процессах // Мовознавство. Киев, 1986. №3.
- Тарасова В.К. О двух типах метафоры // Лексикологические основы стилистики. Л., 1973.
- Тарасова В.К. О синкретизме метафоры // Экспрессивные средства английского языка. Л., 1975.
- Тарасова В.К. Словесная метафора как знак: Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Л., 1976.
- Тарасова В.К. О метафорической номинации // Семантика слова и предложения в английском языке. Л., 1980.
- Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.
- Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М., 1981.
- Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Телия В.Н. Метафора как проявление антропоцентризма в естественном языке // Язык и логическая теория. М., 1987.
- Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988а.
- Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988б.
- Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
- Ткаченко Н.В. О метафорических названиях полей и лугов в русской топонимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. Вып.13.
- Ткаченко Н.В. О метафорических названиях полей и лугов в русской топонимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып.14.
- Толстой Н.И. Из наблюдений за способом номинации в гидронимии («Семантический регистр» в апеллятивной и гидронимической лексике) // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М., 1987.
- Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып.6.
- Топоров В.Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естествонаучных знаний в древности. М., 1982.
- Топоров В.Н. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- Торопцев И.С. Лексическая мотивированность: (на материале современного русского литературного языка) // Учен.зап. Орлов.пед.ин-та. Орел, 1964. Т.22.
- Торопцев И.С. Очерк русской ономастиологии: Возникновение знаменательных лексических единиц: Автореф. дис. ... д-ра филол.наук. Л., 1970.
- Торопцев И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономастиологии // Науч.тр. Курск.пед.ин-та. Орел, 1974. Т.21.
- Торопцев И.С. Исходные моменты лексической объективации // Проблемы ономастиологии. Курск, 1975. Вып.2.
- Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980.
- Торопцев И.С. Язык и речь. Воронеж, 1985.
- Туркина Р.В. К вопросу о развитии метафорического значения // Лексико-грамматические исследования по русскому языку. Калинин, 1977.

- Тюхтин В.С. О природе образа. М., 1963.
- Убийков В.И. К методике семантического исследования метафоры // Системные отношения в лексике и методы их изучения. Уфа, 1977.
- Уваров Л.В. Образ, символ, знак. Анализ современного гносеологического символизма. Минск, 1967.
- Ульянова Н.П. Соотношение стихийных факторов и сознательного регулирования в механизмах языковой номинации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Ульянова Н.П. Типология фитонимической метафоры // Сопоставительное изучение семантической динамики. М., 1986.
- Уфимцева А.А. Лексическое значение: (принцип семиологического описания лексики). М., 1986.
- Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С., Телия В.Н. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Зачесова И.А. Речь человека в общении. М., 1989.
- Федоров А.И. Семантическая основа метафорической образности языка // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1967.
- Федоров А.И. Образное представление и его языковое выражение в семантике сравнений // Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1968. Вып. 2, ч. 1.
- Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969.
- Федоров А.И. Образная речь. Новосибирск, 1985.
- Федорова М.В. О типах номинации в русском языке // Вопр. языкознания. 1979. № 3.
- Феохтистова И.Е. К вопросу о пейоративах // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. Вып. 13.
- Феохтистова Н.В. Метафорический перенос как способ номинации в древнеанглийском языке // Семантика слова и предложения. Л., 1985.
- Фомин А.А. Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып. 8.
- Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1980.
- Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. М., 1878.
- Фридрих С.А. Метафора в системе тропов: (на материале современного английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1971.
- Фуко М. Слова и вещи: (Археология гуманитарных наук). М., 1977.
- Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности // Рус. яз. в школе. 1984. № 3.
- Харченко В.К. Переносные значения слова. Воронеж, 1989.
- Хмелева А.П. Соотношение образа и знака // Философские вопросы современного естествознания. М., 1973. Вып. 1.
- Целищева В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск, 1977.
- Цивьян Т.В. О лингвистических основах модели мира: (на материале балканских языков и традиций) // Славянский и болгарский фольклор: реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989.
- Цыхун Г.А. К реконструкции праславянской метафоры // Этимология 1984. М., 1986.
- Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975.
- Черданцева Т.З. Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии. М., 1977.
- Черемисина М.И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8.
- Черемисина М.И., Гутман Е.А., Литвин Ф.А. О методике сопоставительного изучения зооморфизмов // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. лингв. конф. Новосибирск, 1974.
- Черемисина М.И., Рыжкина О.А. Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1977. Вып. 6.
- Черемисина М.И., Сопла Н.С. К вопросу о семантике зоохарактеристик: (На материале русского образа «петух») // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8.
- Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.

- Черкасова Е.Т.* О метафорическом употреблении слов: (по материалам произведений Л.Леонова и М.Шолохова) // Исследования по языку советских писателей. М., 1959.
- Чернейко Л.О.* К типологии переносных лексических значений слова // Русский язык. Минск, 1989. Вып.9.
- Чернышова Т.В.* Русская оронимия Алтая в аспекте номинации: Дис. ... канд.филол.наук. Барнаул, 1988.
- Шафр А.* Введение в семантику. М., 1963.
- Шаховский В.И.* Эмоционально-оценочно-образная потенция словарных знаков // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980. Вып.9.
- Шаховский В.И.* О способах эмотивной номинации // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Волгоград, 1981. Вып.11.
- Шемякин Ф.Н.* К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его название) // Изв. АПН РСФСР. 1960. Вып.113.
- Шемякин Ф.Н.* Язык и чувственное познание // Язык и мышление. М., 1967.
- Шмелев Д.Н.* Введение // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.
- Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977 [I].
- Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977 [II].

- Black M. Model and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. New York, 1962.
- Cook A. Myth and language. Bloomington, 1980.
- Foss M. Symbol and Metaphor in Human Experience. Lincoln, 1966.
- Nissila V. Vuoksen palkannimisto I // SUST, 1939. 214.
- The ubiquity of metaphor: Metaphor in language a thought. Amsterdam; Philadelphia, 1985.

Словари

Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1955.

Миртов — Миртов А.В. Донской словарь: (Материалы к изучению лексики донских казаков). Ростов н/Д., 1929.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л. 1965—1967; Л., 1969—1986. Вып.1—21.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т.1—4.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский фонд. М., 1974—1990. Вып.1—16.

Оглавление

Предисловие	3
Раздел I. Образная номинация как особый тип номинации (общая модель).....	6
Глава 1. К вопросу об ономасиологической типологии номинаций	6
Глава 2. Определение образной номинации	23
Глава 3. Специфика номинативной ситуации при образной номинации.....	30
Раздел II. Образная номинация и народная картина мира	47
Глава 1. Образная номинация в астрономии.....	53
Глава 2. Образная номинация в антропонимии.....	64
Глава 3. Образная номинация в топонимии	74
Раздел III. Образная номинация и функционирование образных онома... ..	99
Глава 1. Образная номинация и мотивационное значение образных номинативных единиц	100
Глава 2. Образная номинация и трансформация традиционных образных моделей	112
Глава 3. Образная номинация и проблема заимствования образных моделей.	118
Заключение.....	127
Литература.....	131
Словари	146

Научное издание

Рут Мария Эдуардовна

**ОБРАЗНАЯ НОМИНАЦИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**Редактор С.Г. Галинова
Художник обложки Л.В. Попова
Технический редактор Т.М. Качула
Корректор Т.А. Мурычева**

ИБ №529

Подписано в печать 10.01.92
Бумага тип. №2.
Усл.-печ.л. 9,25
Тираж 600.

Гарнитура Литерат.
Уч.-изд.л. 10,5
Заказ 125

Формат 60×84¹/16.
Печать офсетная.
Усл.кр.-отт. 9,48
Цена 2 р.

Издательство Уральского университета.
620219 Екатеринбург, ГСП-830, пр. Ленина 136.

Цех № 4 производственного объединения «Полиграфист».
г. Екатеринбург, ул. Тургенёва, 20.

